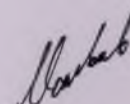

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Матвеев Владимир Владимирович

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ
ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук
Шулятьев Игорь Александрович

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Международный правопорядок в сфере иностранных инвестиций	20
§ 1. Предмет международно-правового регулирования в сфере защиты иностранных инвестиций	20
§ 2. Периодизация институционализации механизмов защиты иностранных инвестиций	32
§ 3. Виды современных международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций	48
Глава 2. Тенденции международного права и механизмы защиты иностранных инвестиций	61
§ 1. Инкорпорация механизмов обеспечения устойчивого развития в рамках международного инвестиционного правопорядка	61
§ 2. Регионализация механизмов защиты иностранных инвестиций	75
§ 3. Влияние коррупциогенных факторов на институционализацию механизмов защиты иностранных инвестиций	92
Глава 3. Процессуально-организационная институционализация механизмов защиты иностранных инвестиций	104
§ 1. Влияние доктрины «права на регулирование» на институционализацию и функционирование международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций	104
§ 2. Средства защиты после вынесения процессуального решения	113
§ 3. Создание международных судебных учреждений для разрешения споров инвестор-государство	119
Заключение	132
Список литературы	137

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Формирование современного международно-правового регулирования механизмов защиты иностранных инвестиций остро стоит перед государствами, так как иностранные инвестиции позволяют существенно ускорить экономический рост развивающихся государств, обеспечить быструю модернизацию экономики и переход к инновационной экономике. Т. Я. Хабриева подчеркивает, что именно «эффективность права выступает одним из ключевых инструментов обеспечения инновационной экономики и модернизации»¹.

В 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил заинтересованность России в развитии инвестиционных отношений с государствами африканским континента для взаимного достижения устойчивого экономического развития². Ранее Президент неоднократно отмечал высокую заинтересованность в привлечении иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации, что, по его мнению, позволит ускорить экономический рост³.

В этих условиях остаются востребованными результаты новейших доктринальных разработок для создания отечественной нормативной правовой базы в сфере иностранных инвестиций с целью установления предсказуемого и стабильного правового режима иностранных инвестиций.

Наиболее эффективными методами привлечения иностранных инвестиций являются: заключение между государствами соглашений о защите и поощрении

¹ Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 24.

² Владимир Путин выступил на пленарном заседании Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка. // Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71814> (дата обращения: 10.09.2023).

³ Путин заявил о заинтересованности России в иностранных инвестициях // Russia Today URL: <https://russian.rt.com/business/news/665287-dalniivostok-inostrannye-partnery> (дата обращения: 11.06.2023).

инвестиций (капиталовложений)⁴, присоединение государств к региональным экономическим соглашениям, включающим международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций⁵, глобальным соглашениям, направленным на защиту иностранных инвестиций в государствах-реципиентах капиталовложений⁶. Реализация международных договоров обеспечивает возможность иностранным инвесторам использовать международно-правовые средства защиты своих прав, обеспечивающих существенное снижение политических рисков при инвестировании.

Инвестиции являются длительно-развивающимся предметом международно-правового регулирования и объектом науки международного права⁷. В международном публичном праве инвестиционные правоотношения регулируются с помощью двухсторонних договоров о защите и поощрении инвестиций (далее – ДИД) и многосторонних инвестиционных соглашений (далее – МИС), таких, например, как Договор к Энергетической хартии⁸.

Одной из основных целей этих соглашений является предоставление правовых гарантий инвестиций и защиты прав иностранных инвесторов. Важнейшими принципами, заложенными в большинстве ДИД, являются справедливое и равноправное обращение, полное и скорейшее возмещение убытков, национализация и репатриация инвестиций. Указанные принципы направлены на создание правовых условий для поощрения и притока иностранных инвестиций, установление прозрачных и недискриминационных условий для иностранных инвесторов, а также урегулирование споров между инвесторами и государством.

⁴ «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений» (вместе с Протоколом от 09.11.2006) (заключено в г. Пекине 09.11.2006) // Собрание законодательства РФ, 16.11.2009, N 46, ст. 5421

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 08.05.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2023).

⁶ Соглашение по торговым аспектам инвестиционных мер (ТРИМС/TRIMs) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. № 37. Прил. VI. Ст. 2650–2653.

⁷ Salacuse, J. W. The law of investment treaties. Oxford University Press. 2017. 640 p.

⁸ Договор к Энергетической Хартии от 17 декабря 1994 г. // Energy Charter Secretariat URL: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

На сегодняшний день международно-правовой режим защиты иностранных инвестиций устанавливается преимущественно на двустороннем и региональном уровнях. С помощью двусторонних соглашений о защите и поощрении инвестиций, отдельных глав в соглашениях о свободной торговле и в соглашениях о региональной интеграции. Одним из наиболее значимых положений таких соглашений выступает механизм урегулирования споров между инвесторами и государством.

Механизм урегулирования споров между инвесторами и государством (далее – УСИГ) включает такие способы разрешения международных инвестиционных споров, как переговоры, посредничество, медиация и международный инвестиционный арбитраж. При этом, наибольшую популярность среди способов УСИГ заслужил международный инвестиционный арбитраж, вследствие наибольшей эффективности для инвесторов, что делает его главным объектом изучения среди всех международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Длительное время предпринимаются попытки реформирования УСИГ, в частности в 2017 г. была сформирована Рабочая группа III ЮНСИТРАЛ, работа которой направлена на комплексную реформу УСИГ. Множество факторов стимулировало государства начать пересмотр подхода к УСИГ, что уже отразилось на двустороннем и региональном уровнях. Среди проблем реформы УСИГ можно выделить пробельность международного инвестиционного правопорядка, обусловленную современным состоянием международных инвестиционных отношений⁹.

Некоторые страны пересматривают свои ДИД с целью введения более строгих требований к инвесторам, защиты окружающей среды и прав человека¹⁰.

⁹ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2011). World investment report: Non-equity modes of international production and development. UNCTAD // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2011_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ UNCTAD. (2015). World investment report 2015: Reforming international investment governance. // UNCTAD URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2015_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Также предлагаются альтернативные способы разрешения споров, такие как медиация или создание международного инвестиционного суда¹¹.

Особая значимость обновления международно-правового регулирования механизмов защиты иностранных инвестиций для субъектов международного права, подчеркивается в разнообразной практике заключения международных экономических соглашений, примерами можно привести подходы к отказу от системы УСИГ¹², существенному сокращению юрисдикции органов УСИГ¹³ или дальнейшему «судебному» развитию УСИГ¹⁴.

При этом разрешение споров является сегодня одним из элементов защиты иностранных инвестиций наряду со страхованием иностранных инвестиций¹⁵ и дипломатической защитой иностранных инвестиций¹⁶.

Длительная работа различных международных и экспертных организаций по реформированию текущих механизмов защиты иностранных инвестиций подчеркивает необходимость исследования современной институционализации механизмов международно-правовой защиты иностранных инвестиций.

Стоит сказать, что в 2020 году в России состоялась конституционная реформа, одним из результатов которой стала редакция статьи 79 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции

¹¹ Schill S. W. Reforming investor-state dispute settlement: Conceptual framework and options for the way forward / E15 Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum, Geneva. 2015. 638 p.

¹² Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. // ASEAN Secretariat URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/All-Chapters.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).

¹³ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. // Office of the U.S. Trade Representative URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁴ EU-Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) // European Union. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/canada/eu-canada-agreement_en. (дата обращения: 12.06.2023).

¹⁵ Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании (Заключено в г. Ереване 20.10.2022) (вместе с "Уставом Евразийской перестраховочной компаниями") // Офиц. Сайт Правительства Российской Федерации URL: <http://government.ru/docs/all/142809/> (дата обращения: 11.06.2023)

¹⁶ Borchard E. M. The Diplomatic Protection of Citizens Abroad, or, The Law of International Claims / The Banks Law Publishing Co. – 1915. – 284 p.

Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹⁷. Это ставит вопрос о необходимости более детального изучения международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций. Так как результаты работы механизма УСИГ зачастую выходят за рамки юрисдикции соответствующих институций¹⁸.

Пандемия COVID-19, мировые политические и экономические кризисы, также сказываются на необходимости осмысления институционализации механизмов защиты прав иностранных инвесторов¹⁹.

Степень научной разработанности темы исследования. В современной отечественной юридической литературе уже нашли отражение результаты исследований по вопросу международного инвестиционного права и, в частности, проблемы систематизации общих трендов развития УСИГ²⁰, обобщения вопросов, возникающих при реализации международными инвестиционными арбитражами своей юрисдикции²¹. При этом стоит отметить, что проработка аналогичных вопросов в зарубежной доктрине находит отражение в большем количестве

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

¹⁸ Шулятьев И. А. Акты международных экономических организаций в правовой системе России в контексте конституционных преобразований // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 1. С. 82–87. EDN ATRMKF.

¹⁹ Лифшиц И. М., Шаталова А. В. Эпоха COVID-19: ограничительные меры государств и требования иностранных инвесторов // Московский журнал международного права. 2022. No 1. С. 113–127. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-113-127>

²⁰ Серeda В. А. К вопросу международно-правовой защиты иностранных инвестиций в эру цифровой экономики (теоретический аспект). ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2020. 5(2). С. 72–78; Цирина М. А. Правовая природа международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №4 (65);

²¹ Рачков И. Тенденции развития международного инвестиционного арбитража: вопросы по существу споров // Международное правосудие. 2019. No1(29). С. 93–117; Рачков И. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. №3(27). С. 93–110.

публикаций²².

Наиболее комплексными работами представляются диссертационные исследования А. Г. Богатырева «Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений (вопросы теории)»²³, И. З. Фархутдинова «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика»²⁴, Д. К. Лабина «Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка»²⁵ и А. А. Данельяна «Международно-правовой режим иностранных инвестиций»²⁶. Данные работы наиболее полно раскрывают проблемы правового регулирования защиты иностранных инвестиций с позиций науки международного публичного права.

Наработанный доктринальный задел, подчеркивает актуальность исследований по различным вопросам международно-правовой защиты иностранных инвестиций, однако в научной литературе отсутствует комплексный подход к изучению проблем институционализации механизмов защиты иностранных инвестиций.

Цель исследования – разработка научных положений об институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций с учетом общих тенденций развития международно-правового регулирования.

На основании цели исследования поставлены следующие **задачи**:

²² Kaufmann-Kohler, G. and Potestà, M., The Composition of a Multilateral Investment Court and of an Appeal Mechanism for Investment Awards / CIDS Supplemental Report, 15 November 2017; Prabhath Ranjan, India and Bilateral investment Treaties: A Changing Landscape, 29(2) ICSID Review - Foreign Investment Law Journal (2014), 419-450; Titi C. The Right to Regulate in International Investment Law (Revisited). Nomos & Hart Publishing. 2022. 100 p.; Wolff R. 'Resisting the backlash against investment arbitration: How to limit the discretionary powers of states and promote the rule of law. // Investment Treaty News, № 7(2), 2016, P. 10–13.

²³ Богатырев, А.Г. Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений. (Вопросы теории). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Богатырев Александр Григорьевич - М., 1996. - 303 с.

²⁴ Фархутдинов, И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика : теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Фархутдинов Инсур Забирович . - Москва, 2006

²⁵ Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка: дис. ... докт. юрид. : 12.00.10 / Лабин Дмитрий Константинович. - Москва - 2005

²⁶ Данельян, А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян Андрей Андреевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. – Москва, 2016.

- раскрыть общие положения международно-правового регулирования механизмов защиты иностранных инвестиций;
- сформулировать определение «механизмы защиты иностранных инвестиций»;
- охарактеризовать процесс институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвесторов и выявить ее направления;
- выявить тенденции институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций в контексте резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»;
- доказать межотраслевое взаимовлияние международного права прав человека, международного экологического права, международно-правового регулирования противодействия коррупции на институционализацию механизмов защиты иностранных инвестиций;
- установить проблемы, влекущие невозможность осуществления юрисдикции органами по рассмотрению инвестиционных споров;
- определить процессуально-организационные проблемы современных органов по разрешению международных инвестиционных споров;
- дать характеристику процессам создания постоянных многосторонних инвестиционных судебных учреждений и регионализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Объектом исследования служат регулируемые международным правом общественные отношения по вопросу установления и функционирования механизмов защиты иностранных инвестиций.

Предметом исследования выступают международные обычаи, договоры, акты международных организаций, а также практика органов по разрешению международных экономических споров и доктрина международного права, по вопросам установления и функционирования международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Методологическую основу исследования составляет комплекс различных методов познания, включающий в себя общенаучные и частно-научные методы. К общенаучным методам, применённым в работе, относятся: дедукция, индукция, системный, формально-логический, анализ. К частно-научным: формально-юридический, юридической интерпретации, сравнительно-правовой, историко-правовой, правового моделирования и прогнозирования. В исследовании были также использованы иные методы научного познания.

Такие методы как системный, формально-логический, анализ, дедукция и индукция использованы при рассмотрении в диссертационном исследовании всех аспектов международно-правового регулирования механизмов защиты иностранных инвестиций.

Формально-юридический метод и метод юридической интерпретации применены при анализе юридических понятий, выявлении их признаков, проведении классификации, толковании содержания правовых предписаний, а также при классификации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Сравнительно-правовой метод задействован для сравнения различных международно-правовых режимов регулирования иностранных инвестиций на универсальном уровне, в различных региональных и трансрегиональных международных экономических объединениях и на двухстороннем уровне. Также сравнительно-правовой метод будет использован в историческом контексте для выявления общих закономерностей правовой институционализации в различных сферах международно-правового регулирования.

Историко-правовой метод использован при исследовании исторических аспектов институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций и в сравнительном контексте с иными отраслевыми механизмами защиты и разрешения споров в международном праве, в целях выявления закономерностей в институционализации механизмов защиты и разрешения споров.

Методы правового моделирования и прогнозирования использованы для построения гипотетических механизмов защиты прав иностранных инвесторов, которые могут появиться в будущем, на основании общих закономерностей, которые будут выявлены при использовании сравнительно-правового и историко-правового методов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы отечественных ученых юристов. Отечественной наукой наработан существенный задел научного осмысления международного экономического правопорядка, например, в работах Г. И. Тункина, И. И. Лукашука, А. Я. Капустина, В. М. Шумилова, Л. П. Ануфриевой, И. М. Лифшица, М. М. Богуславского, А. Г. Богатырева, И. З. Фархутдинова, Д. К. Лабина, А. А. Данельяна, И. А. Шулятьева, А. А. Дементьева и др.

Особое внимание в отечественной международно-правовой науке уделялось вопросам международного правосудия и правовой природе международных судебных учреждений и механизмов защиты прав различного круга субъектов. В частности, данным вопросам посвящены исследования Т. Н. Нешатаевой, М. Л. Энтина, А. И. Ковлера, И. П. Блищенко, А. М. Ладыженского, А. С. Смбатян, Х. И. Гаджиева и других.

Нормативную основу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, международные обычаи, международные договоры других государств и акты международных межправительственных организаций.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили решения международных судов и международных инвестиционных арбитражей, а также аналитические материалы международных межправительственных организаций и независимых исследователей.

Научная новизна исследования заключается в решении научной задачи по разработке теоретических положений об институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций с учетом общих

тенденций развития международно-правового регулирования (экологизация, гуманизация, регионализация и противодействие коррупции).

Автором дана научная международно-правовая характеристика процессов оформления и закрепления процедур и организационных структур, обеспечивающих защиту иностранных инвестиций.

Научная новизна раскрывается в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Доказано, что международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций – это комплексы процедур и организационных структур, урегулированные нормами международного публичного права, которые гарантируют соблюдение прав и обязанностей иностранных инвесторов, вытекающих из источников международного права и национального законодательства государств-реципиентов.

К международно-правовым механизмам защиты иностранных инвестиций относятся: дипломатическая защита иностранных инвестиций, страхование (предоставление гарантий) иностранных инвестиций и урегулирование споров между инвестором и государством.

Под процедурами понимаются предусмотренные международным инвестиционным правом формы и методы защиты иностранных инвестиций, которые не требуют учреждения специальных международных организаций или учреждений.

Под структурами понимаются международные межправительственные организации и учреждения, чья деятельность направлена на защиту иностранных инвестиций.

2. Установлено, что институционализация международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций является процессом образования, развития и актуализации правовых и организационно-правовых институтов, направленных на защиту иностранных инвестиций.

К правовым институтам относится комплекс однородных норм, регламентирующий право иностранных инвесторов на защиту своих инвестиций,

включая право на компенсацию, право добиваться дипломатической защиты своих инвестиций, передавать свои права требования своему государству, заключать договоры с международными межправительственными страховыми организациями и передавать право требования им, требовать переговоров и медиации, а также обращаться с исковыми заявлениями в международные инвестиционные арбитражи.

Организационно-правовые институты представляют собой комплексы норм, регулирующих процедурные аспекты защиты иностранных инвестиций, правовой статус, функции и порядок работы международных межправительственных организаций, направленных на защиту иностранных инвестиций.

3. Выявлены следующие исторические этапы институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций на основании степени развития и сложности правовой организации рассматриваемых механизмов:

Прото-этап – защита инвестиций в эпоху колонизации военными методами (Ост-Индийская компания);

Первый этап – XVIII – начало XX века, эпоха дипломатической защиты иностранных инвестиций;

Второй этап – начало XX века – 60-е годы XX века, формирование прообразов современных механизмов защиты иностранных инвестиций в условиях практики национализации иностранных инвестиций;

Третий этап – 70-е годы XX века – конец первого десятилетия XXI века, утверждение современных механизмов защиты иностранных инвестиций в условиях усиления экономической взаимозависимости государств, деколонизации и глобализации, развития двусторонних договоров о защите и поощрение иностранных инвестиций;

Четвертый (современный) этап – 10-е годы XXI – настоящее время, кризис международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, регионализация международного экономического правопорядка в результате

кризиса глобализации на фоне экономических, социальных и политических кризисов, эпоха «гуманизации» международного экономического правопорядка.

4. Сделан вывод, что международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций находятся в состоянии непрерывной институционализации, которая направлена на создание новых форм и методов защиты иностранных инвестиций и нахождение баланса между частными и публичными интересами.

К частным интересам можно отнести необходимость защищать свои инвестиции в экономику иностранных государств, иметь низкую регуляторную нагрузку в государстве-реципиенте иностранных инвестиций, иметь возможность взыскания компенсаций за неправомерные действия государства.

Публичные интересы включают в себя необходимость проведения своевременной и эффективной регуляторной политики при достижении достаточного и устойчивого экономического роста, обеспечения социального и культурного развития, защиты своих граждан и национального бизнеса от недобросовестного поведения иностранных инвесторов.

Вследствие особенностей (прошедшая волна национализаций в Восточной Европе, необходимость для новых государств, после деколонизации, привлекать иностранные инвестиции, а для развитых защитить своих иностранных инвесторов в новых условиях) третьего этапа институционализации, современные механизмы защиты иностранных инвестиций имеют явный дисбаланс в сторону частных интересов.

На современном этапе институционализации происходит изменение баланса в сторону публичных интересов вследствие экономического усиления развивающихся государств и «гуманизации» международного экономического правопорядка, что подтверждается политикой государств по пересмотру ДИД и МИС, а также практикой международного инвестиционного арбитража.

5. «Гуманизация» международного экономического правопорядка представляет собой комплекс процессов, направленных на создание такого

регуляторного механизма мировой экономики, который сможет обеспечить устойчивое (гармоничное и гуманное) развитие человеческого капитала, что можно увидеть в рамках реализации резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

Установлено, что вследствие «гуманизации» международного экономического правопорядка происходит и «гуманизация» международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, что является тенденцией их институционализации. Что выражается в: усилении межотраслевого взаимовлияния международного права прав человека и международного экологического права на институционализацию международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, закреплении доктрин «права на регулирование» и «права на развитие» в международных инвестиционных соглашениях и их отражение в практике международных инвестиционных арбитражей.

6. Предложено рассматривать регионализацию международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций как диалектическую противоположность глобализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Воздействуя на рассматриваемые механизмы в части их гармонизации и единства на региональном уровне, она также приводит к фрагментации универсального международного инвестиционного правопорядка и к деструктуризации механизмов защиты иностранных инвестиций на универсальном уровне.

7. Доказано, что коррупция деформирует международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций в двух направлениях.

Во-первых, искажая структуру инвестиционных правоотношений, при которых требования инвестора или позиция государства становятся необоснованными, а решение спора несправедливым. Такое происходит, когда

коррупционный аспект проникает в сами инвестиционные правоотношения на любых этапах инвестиционной деятельности от заключения контракта до репатриации инвестиций. Это приводит к невозможности осуществления юрисдикции органами по разрешению споров между инвестором и государством.

Во-вторых, коррупция в инвестиционном арбитраже приводит к вынесению необоснованных решений, вследствие нарушения объективности и беспристрастности лиц, участвующих в процессе, и лиц, ответственных за принятие решений.

На данный момент разрешение этой проблемы видится в четком соблюдении государствами и инвесторами Конвенции ООН против коррупции и развитии антикоррупционных стандартов деятельности механизмов по защите иностранных инвестиций.

8. Создание постоянных многосторонних инвестиционных судебных учреждений можно охарактеризовать, как закономерный этап институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Это дает возможность преодолеть множество процессуально-организационных проблем международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, таких как: недостаточность средств защиты после вынесения арбитражного решения; спорность юрисдикции после суброгации права требования инвестора в пользу международной страховой организации или государства; недостаточность антикоррупционного режима международного инвестиционного арбитража; отсутствие единообразия толкования положений международного права в практике международных инвестиционных арбитражей.

В то же время, создание постоянных многосторонних инвестиционных судебных учреждений может привести к дальнейшей фрагментации международного инвестиционного правопорядка и механизмов защиты иностранных инвестиций, поскольку данные процессы протекают преимущественно на региональном уровне, а создание такого учреждения на

универсальном уровне может привести к формированию замкнутых международно-правовых режимов защиты иностранных инвестиций, вследствие малой поддержки государств и не взаимосвязанности универсального и региональных процессов.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что исследование актуальных проблем институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций вносит вклад в науку международного права, способствуют созданию обоснованного представления о правовой природе и системе международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы настоящего исследования могут служить для разработки концепций совершенствования типового соглашения Российской Федерации о защите и поощрении иностранных инвестиций и формировании механизмов защиты иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС и БРИКС.

Полученные знания могут быть полезны для теоретического усиления позиций Российской Федерации в рамках работы рабочей группы III ЮНСИТРАЛ.

Результаты исследования могут быть использованы в качестве материалов при подготовке рабочих программ и учебных пособий по дисциплинам «международное экономическое право», «международное инвестиционное право» и «международные судебные учреждения».

Личный вклад автора диссертационного исследования состоит в разработке научных положений об институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций на основе собственных теоретических и эмпирических исследований.

Степень достоверности исследования и апробация. Работа прошла рецензирование и была обсуждена на совместном заседании Кафедры

международного права и Центра международного права и сравнительно-правовых исследований ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» и была рекомендована к защите. Основные положения работы были опубликованы в ведущих рецензированных изданиях, включая 3 индивидуальных статьи в журналах, входящих в перечень Всероссийской аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования и науки Российской Федерации.

Выводы и положения диссертационного исследования были представлены в докладах на различных научно-практических мероприятиях, в том числе:

Доклад «Международно-правовые основы защиты инвестиций в цифровой среде» на Всероссийской научной конференции «Концептуализация цифрового государства» (7 октября 2020 г.);

Доклад «Антикоррупционные составляющие международного инвестиционного правопорядка» в рамках X Международного конгресса сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и в современном мире: диалектика универсального и национального» (5 декабря 2020 г., г. Москва, ИЗиСП);

Доклад «Правовые основы противодействия коррупции в международном инвестиционном арбитраже» на круглом столе «Молодежные антикоррупционные инициативы» (9 декабря 2020 г., г. Москва, ИЗиСП);

Доклад «Международно-правовые стимулы эколого-ориентированного поведения международного бизнеса» на круглом столе «Правовое регулирование улавливания и захоронения CO₂: зарубежный и российский опыт» (28 февраля 2022 г., г. Москва, ИЗиСП);

Доклад «Противодействие коррупции в новой инвестиционной реальности» на ежегодной студенческой и аспирантской конференции, приуроченной к Международному дню борьбы с коррупцией, «Противодействие коррупции в

новой реальности» (к 20-летию Конвенции ООН против коррупции) (8 декабря 2022 г., г. Москва, ИЗиСП);

Доклад «Влияние международного инвестиционного правопорядка на векторы развития конституционного права» на Международной научно-практической конференции «Наука конституционного и муниципального права: традиции и современные векторы развития» (29 сентября 2022 г., Москва, МГЮА).

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 5.1.5. Международно-правовые науки.

Структура работы состоит из введения, трех глав, девяти параграфов и заключения.

Глава 1. Международный правопорядок в сфере иностранных инвестиций

§ 1. Предмет международно-правового регулирования в сфере защиты иностранных инвестиций

Международное инвестиционное право является составной частью международного публичного права и регулирует трансграничные инвестиции, предоставляя специальные гарантии и защиту для иностранных инвесторов. Иностранные инвестиции играют критическую роль в экономическом развитии стран и считаются ключевой движущей силой международной торговли и интеграции, а также инструментом сокращения бедности и инноваций²⁷. Проблема защиты иностранных инвестиций является актуальной и сложной для международного публичного права, поскольку она затрагивает различные аспекты государственного суверенитета, экономического развития, прав человека и окружающей среды²⁸.

В современной глобализированной экономике роль иностранных инвестиций становится все более значимой²⁹. Однако для обеспечения стабильного и эффективного притока капитала необходимы эффективные механизмы защиты прав и интересов иностранных инвесторов.

Существует множество международно-правовых инструментов, регулирующих вопрос защиты внешних инвестиций. Они включают в себя различные ДИД и МИС, Договор к Энергетической Хартии, Конвенции МЦУИС и другие.

²⁷ UNCITRAL, (2017), Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS) // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/draft_clauses_on_mediation.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

²⁸ Titi C. The Right to Regulate in International Investment Law (Revisited). Nomos & Hart Publishing, 2022. 100 p.

²⁹ Эдиев А. М. Инвестиции как фактор экономического роста // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 26, № 4(28). С. 205-212. EDN XWYJEV.

Специфика международного права заключается в том, что его источники делятся на универсальные и региональные. В контексте рассмотрения предмета международно-правового регулирования важно отметить, что в случае защиты иностранных инвестиций действуют как универсальные, так и региональные нормы.

В центре внимания международного инвестиционного права находятся отношения между иностранными инвесторами и государством, куда эти инвестиции направлены. Эти отношения характеризуются разнообразием форм и методов воздействия. В это многообразие входят вопросы прямых и косвенных инвестиций, вопросы возврата капитала и доходов, разрешения споров, гарантии и стимулы, предлагаемые государствами для привлечения иностранных инвестиций.

Ключевой чертой большинства этих международно-правовых актов является предоставление иностранным инвесторам ряда гарантий, основанных на принципах справедливости и равенства. Среди наиболее важных мер защиты можно выделить: защиту от прямой и косвенной экспроприации, обеспечение «справедливого и равноправного» обращения, защиту от дискриминации на основе национальности и, всеобъемлющую защиту и безопасность.

Защита от прямой и косвенной экспроприации является основой любого инвестиционного договора. Она гарантирует, что инвестиции не могут быть незаконно изъяты без предоставления быстрого, адекватного и эффективного возмещения.

Справедливое и равноправное обращение – это обязательство государства обеспечивать иностранным инвесторам уровень защиты, который не является нижестоящим от того, который оно предоставляет своим национальным инвесторам.

Защита от дискриминации на основе национальности обеспечивает равное обращение иностранных и внутренних инвестиций. И, наконец, всеобъемлющая

защита и безопасность гарантируют юридическую стабильность инвестиционного климата.

В юридической науке существуют различные позиции по вопросу предмета международно-правового регулирования в сфере защиты иностранных инвестиций³⁰. На наш взгляд, наиболее полным является определение предмета данное А. А. Данельяном. Так в соответствии с данным определением: «предметом международно-правового регулирования в сфере защиты иностранных инвестиций выступают механизмы обеспечения прав частных лиц на вклад, который принадлежит инвестору или контролируется инвестором непосредственно или опосредованно, осуществленный в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством, в том числе движимое и недвижимое имущество, акции, вклады и другие формы участия в капитале коммерческих организаций, право требования по денежным средствам, вложенным для создания экономических ценностей, или по договорам, имеющим экономическую ценность и связанным с капиталовложениями, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности (авторские права, патенты, промышленные образцы, модели, товарные знаки или знаки обслуживания, технологию, информацию, имеющую коммерческую ценность, и ноу-хау), права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе закона или договора, включая, в частности, связанные с разведкой, разработкой, добычей и эксплуатацией природных ресурсов»³¹.

Таким образом, предмет международно-правового режима иностранных инвестиций можно разделить на собственно «иностранные инвестиции» и на «механизмы защиты иностранных инвестиций».

³⁰ Соловьева А. В. Международно-правовые доктрины инвестиционного права : дис. ... канд. юрид. наук / МГИМО. Москва, 2020. 256 с.

³¹ Международно-правовой режим иностранных инвестиций : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян Андрей Андреевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. Москва, 2016. С. 42

При анализе предмета международно-правового регулирования механизмов защиты иностранных инвестиций необходимо определить актуальное юридическое значение ключевого понятия «иностранные инвестиции». В отечественной и зарубежной доктрине данное понятие рассматривалось достаточно подробно.

Традиционно считается, что юридическое определение концепции «иностранные инвестиции» должно носить преимущественно экономический характер³². Однако юридическая составляющая данного вопроса не менее важна. Дать понятие данной категории пытались А. Г. Богатырёв³³, Г. М. Вельяминов³⁴, Г. Шварценбергер³⁵ и многие другие.

Г. Шварценбергер под «иностранными инвестициями» понимал «кредитные и заемные ресурсы, которые направляются на приобретение импортного оборудования, услуг и прочего имущества, включая прямые или косвенные права и интересы за рубежом»³⁶.

Еще один известный автор, М. Сорнарадж, подчеркивал «тесную связь между собственностью и инвестициями». По его определению, инвестиции представляют собой «право собственности на имущество иностранных граждан, приобретаемое ими в целях контроля над указанным имуществом»³⁷. Как видно из приведенного определения «право собственности» является важным для понятия «иностранных инвестиций». По мнению А. Г. Богатырева³⁸ и М. М. Богуславский³⁹, «право собственности» является одним из основных элементов понятия «иностранные инвестиции».

³² См.: Орлова Е. Р. Инвестиции: курс лекций. М.: Омега-Л, 2003. С. 6–14.

³³ Богатырёв А. Г. О международном инвестиционном праве // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 18–20.

³⁴ Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004. С. 355–357.

³⁵ Schwarzenberger G. Foreign Investments and International Law. London: Stevens&Sons, 1969. P. 17.

³⁶ Schwarzenberger G. Op. Cit. P. 17.

³⁷ Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. Cambridge [U.K.]; New York, 1994. №4. P. 32.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Богуславский М.М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М., 1996. С. 55.

Автор диссертационного исследования исходит из концепции, в которой категории «зарубежные инвестиции» и «право собственности» служат определением для разнообразных экономических понятий, которые перекликаются по некоторым аспектам. Однако, этот факт не дает основания для интерпретации данных понятий как взаимозаменяемых или проведения сравнительного анализа по их объему, так как это было бы неправильным подходом.

В приверженности к принципам современного международного права исследователи столкнулись с проблемой отсутствия единого толкования концепции «собственность». Это привело к разделению научной общественности на два лагеря – одни ученые утверждают, что оперирование этим понятием в национальном законодательстве каждого государства и в системе международного права не должно иметь принципиальных отличий. Противоположную точку зрения защищают другие исследователи.

В контексте данного представления, как детально раскрыто в диссертационном исследовании, «зарубежные инвестиции» и «собственность» хотя и являются различными экономическими понятиями, всё равно у них существует немало общих аспектов. Эти две категории связаны с вопросами управления ресурсами, финансовыми потоками и экономической стабильности. Однако, утверждать, что эти два понятия выступают как идентичные или проводить между ними сравнение, основываясь на объеме, бесспорно, будет некорректным.

Дискуссия в научной среде продолжает развиваться относительно толкования термина «собственность». В доктрине международного права к настоящему моменту ученые не смогли прийти к общему знаменателю в этом вопросе. Некоторые из них утверждают, что различия в национальном законодательстве каждого отдельного государства и принципах международного права не должны существовать. Тем не менее, есть и те специалисты, которые настаивают на обратном, оставаясь сторонниками противоположного подхода.

Общее для обоих понятий – «зарубежные инвестиции» и «право собственности» – это то, что они принадлежат к экономическому сектору и включают некоторые пересекающиеся аспекты. Однако, это не обозначает, что они совпадают полностью или их можно сопоставить по общему объему. Это было бы ошибочным утверждением.

В определении понятия «собственность» существует несоответствие во мнениях ученых. В международном праве нет единого взгляда на эту тему, что сопровождается различием мнений в научном сообществе. Одни утверждают, что подход к этому понятию в международном праве не должен отличаться от подхода на уровне каждого государства. Однако другие ученые придерживаются противоположной точки зрения. В соответствии с их мнением, должны быть установлены отличия, отражающие специфику каждого отдельного юрисдикционного пространства.

Преимущественно практическую сторону вопроса подчеркивает швейцарский юрист Т. Хефти. Учитывая приоритетное значение права собственности как одного из главных прав человека, он приходит к выводу о невозможности его игнорирования в контексте международного права⁴⁰.

Частная собственность и зарубежные инвестиции вступают в область международно-правового регулирования в тех случаях, когда субъекты международного права вовлекаются в отношения, связанные с этими элементами. Благодаря этому кардинальная роль отводится раскрытию правового содержания термина «иностранные инвестиции». Несмотря на важность этого задания, его реализация усложнена различными факторами или является «непростой задачей», как справедливо отмечал А. Г. Богатырев⁴¹.

Стоит отметить, что первоначально под термином «иностранные инвестиции» в юридическом контексте понимались все финансовые и

⁴⁰ Hefti T. La protection de la propriete etrangere en droit international public. Zurich: Schulthess Polygraphischer, 1989. P. 6–8.

⁴¹ Богатырёв А. Г. О международном инвестиционном праве // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 18–20.

интеллектуальные ресурсы, которые иностранный инвестор вкладывал в производственные единицы с намерением получить прибыль. Но с течением времени это разграничение было реформировано. В понятие иностранных инвестиций были введены такие элементы как долгосрочность и коммерческий интерес.

Определение концепции «иностраные инвестиции» имеет ключевое значение в контексте международного инвестиционного права, и оно было предметом многих правовых документов на протяжении годов. К примеру, Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций, основанное в соответствии с Сеульской конвенцией 1985 года, установило три критических аспекта определения инвестиции⁴².

Первым и важнейшим аспектом является форма инвестиции, которая должна проявляться либо в виде денежных средств, либо в виде тактильных товаров или активов. Интересно отметить, что по этому определению предоставление услуг не считается формой инвестиции.

Второй аспект – это продолжительность инвестиции. Согласно конвенции, инвестиции, по сути, должны быть средне- или долгосрочными, что подразумевает продолжительный период инвестиционных действий. Важно отметить, что краткосрочные финансовые операции, направленные на быструю спекулятивную прибыль, не признаются в качестве инвестиций согласно этому определению.

Третий аспект инвестиций, определенных в конвенции, относится к наличию предпринимательского риска. Это подразумевает, что процесс инвестирования должен включать в себя реалистическую возможность получения прибыли и риск понести убытки.

Таким образом, эта концептуальная рамка, установленная Сеульской конвенцией, помогает предоставить более четкое понимание «иностраных

⁴² Henkin L. International Law: Cases and Materials. Saint Paul, Minnesota, U.S.A.: West Publishing Co., 1993. P. 525–538.

инвестиций» путем выделения трех основных признаков – формы, длительности и наличия предпринимательского риска. Это определение играет центральную роль в формировании и развитии концепций и практик в области международного инвестиционного права.

Своеобразная трактовка рассматриваемого понятия приводится в Договоре к Энергетической Хартии. В соответствии со ст. 1 (б) Договора «Инвестиция» означает все виды активов, находящихся в собственности или контролируемых Инвестором прямо или косвенно, и включает:

«(а) вещественную и невещественную, а также движимую и недвижимую собственность и любые имущественные права, такие как аренда, ипотека, право удержания имущества и залогов;

(б) компанию или деловое предприятие, либо акции, вклады или другие формы участия в акционерном капитале компании или делового предприятия, а также облигации и другие долговые обязательства компании или делового предприятия;

(в) право требования по денежным средствам и право требования выполнения обязательств по контракту, имеющему экономическую ценность и связанному с Инвестицией;

(г) интеллектуальную собственность;

(д) доходы;

(е) любое право, предоставленное в соответствии с законом или по контракту, или в силу любых лицензий и разрешений, выданных согласно закону, осуществлять любую хозяйственную деятельность в энергетическом секторе»⁴³.

Детальное погружение в определение, которое приводит Договор к Энергетической Хартии, раскрывает интересную особенность: уровень значимости контрактов по международному праву здесь берется за их способность порождать права для субъекта действия, а не просто за их свойство

⁴³ Договор к Энергетической Хартии от 17 декабря 1994 г. // URL: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf (дата обращения 12.06.2023).

служить фундаментом для обязательств. Отталкиваясь именно от этой параллели, они описываются не столько как обязанности, сколько как отдельная категория собственности. Этот подход можно объяснить тем, что данный международно-правовой акт не рассматривает контракты как основание для возникновения обязательств, а скорее как форму владения собственностью⁴⁴.

Удивительно, но данный подход является одним из самых важных в международном инвестиционном праве и продолжает активно применяться на практике в международных коммерческих арбитражах. Это хороший пример того, как инвестиционное право постоянно совершенствуется, адаптируется к современным реалиям и изменениям, интегрируется в существующие механизмы, такие как контракты, и перестраивает их в соответствии с новыми требованиями, необходимыми для успешного развития инвестиционной деятельности.

Таким образом, международное инвестиционное право и практика международных инвестиционных арбитражей демонстрируют гармоничное взаимодействие, руководствуясь одинаковыми принципами и подходами и подтверждая, что коммерческие договоры могут и должны быть рассмотрены не просто как сделки, порождающие обязательства, но как важные компоненты собственности, частью которой они являются. Это уникальное пересечение международного инвестиционного права и коммерческими соглашениями, безусловно, способствует более эффективному и гармоничному регулированию инвестиционной деятельности в международном контексте.

Как отмечает А. А. Данельян: «анализ доктрины международного права, международной судебной и арбитражной практики позволяет сделать вывод об имущественной природе международных инвестиционных отношений»⁴⁵. И с этим трудно не согласиться – иностранный инвестор вкладывает средства, ожидая прибыль, законодательство же государства-реципиента иностранных инвестиций

⁴⁴ Международно-правовой режим иностранных инвестиций : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян А. А.; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. Москва, 2016.

⁴⁵ Там же С. 41.

позволяет инвестору стать собственником объектов и использовать приобретенное имущество и права.

Принципиальным моментом в международном инвестиционном праве является акцент на регулировании так называемых прямых иностранных инвестиции, в отличие от портфельных инвестиций⁴⁶.

Такая диспозиция международного инвестиционного права вызвана основными целями регулирования иностранных инвестиций, которые включают обеспечение стабильности, гарантий защиты прав иностранных инвесторов, а также создание благоприятного и привлекательного климата для иностранных инвестиций. Регулирование именно прямых капиталовложений позволяет государству-реципиенту привлечь значительные долгосрочные инвестиции, обеспечить наиболее эффективное использование и распределение ресурсов, создавать новые рабочие места и богатство и в итоге повысить уровень жизни населения.

В то же время международное инвестиционное право предоставляет иностранным инвесторам набор юридических механизмов и гарантий для защиты их прав и интересов, что увеличивает уровень доверия и обеспечивает юридическую защиту и стабильность их прямых капиталовложений⁴⁷.

Можно сказать, что международное инвестиционное право играет критическую функцию в регулировании иностранных инвестиций, предоставляя юридические механизмы защиты и обеспечения стабильности инвестиционного климата, фокусируясь тем самым на проведении прямых капиталовложений. Это помогает создать благоприятный климат для международных инвестиций и способствует долгосрочной экономической стабильности и процветанию.

Рассматривая аналогичные, описанным в данном параграфе, понятия А. А. Данельян предлагает следующее: «Иностранные инвестиции – вклад, который принадлежит инвестору или контролируется инвестором непосредственно или

⁴⁶ Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. С. 355.

⁴⁷ Там же.

опосредованно, осуществленный в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством, в том числе движимое и недвижимое имущество, акции, вклады и другие формы участия в капитале коммерческих организаций, право требования по денежным средствам, вложенным для создания экономических ценностей, или по договорам, имеющим экономическую ценность и связанным с капиталовложениями, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности (авторские права, патенты, промышленные образцы, модели, товарные знаки или знаки обслуживания, технологию, информацию, имеющую коммерческую ценность, и ноу-хау), права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе закона или договора, включая, в частности, связанные с разведкой, разработкой, добычей и эксплуатацией природных ресурсов»⁴⁸.

Другим составляющим предмета международно-правового регулирования выступают международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций. Данная категория не находит своего полноценного доктринального развития в юридической науке. Зачастую авторы, раскрывая их, не дают определения данной категории, в данном случае это является одной из задач данного диссертационного исследования.

Механизмы защиты иностранных инвесторов носят многоуровневый и многоаспектный характер. Они представляют собой сложную систему международно-правовых актов и процедур, направленных на защиту прав и интересов иностранных инвесторов и обеспечение предсказуемости и юридической стабильности в сфере международных инвестиций.

Понятие «механизм» рассматривается и понимается различно. Так, А. А. Выходов определяет правовой механизм как «комплексную систему взаимосвязанных элементов, обуславливающих воплощение правовых

⁴⁸ Данельян А. А. Там же. С. 42

предписаний в определенной сфере»⁴⁹. Нам такой подход представляется наиболее комплексным.

В международном инвестиционном правопорядке такой системой выступают различные процедуры и структуры, которые направлены на защиту прав иностранных инвесторов:

- механизм предоставления гарантий, в рамках Сеульской Конвенции и региональных институтов развития;
- механизм дипломатической защиты инвестиций государством инвестора в государстве-реципиенте;
- механизм УСИГ.

Данные механизмы работают, как установленные договорами процедуры или специальные международные учреждения и организации, которые преследуют цель обеспечить выполнения ДИД и МИС.

Таким образом, международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций – это комплексы из процедур и структур, урегулированные нормами специального института международного инвестиционного права, которые гарантируют соблюдение прав и обязанностей иностранных инвесторов, предусмотренных международными договорами.

Международно-правовое регулирование механизмов защиты иностранных категорий условно можно разделить на две категории: правовые институты и организационно-правовые институты.

К правовым институтам относится комплекс норм, регламентирующий право иностранных инвесторов на защиту своих инвестиций, включая право на компенсацию, право добиваться дипломатической защиты своих инвестиций, передать свои права требования своему государству, заключать договоры с международными межправительственным страховым организациями и передавать право требования им, требовать переговоров и медиации, а также

⁴⁹ Социально-правовой механизм обеспечения прав личности в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2013. С. 10–11.

обращаться с исковыми заявлениями в международные инвестиционные арбитражи.

Организационно-правовые институты представляют собой комплексы норм, регулирующих процедурные аспекты защиты иностранных инвестиций, правовой статус, функции и порядок работы международных межправительственных организаций, направленных на защиту иностранных инвестиций.

§ 2. Периодизация институционализации механизмов защиты иностранных инвестиций

В исследовании международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций важно рассмотреть историческое развитие регулирования инвестиционной деятельности. Возникновение и развитие международного регулирования инвестиций является ключевым аспектом данного исследования, и его изучение на протяжении длительного исторического периода способствует лучшему пониманию темы. Детальный анализ различных этапов институционализации международно-правовых механизмов защиты инвестиций поможет лучше понять сложности современных инвестиционных международных правоотношений.

Более того, изучение эволюции инвестиционной деятельности на международной арене дает ключевые понятия и инструменты, которые могут помочь в формулировании рекомендаций для более эффективной институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Проблематика международных инвестиций, несомненно, заслуживает подробного изучения, поскольку понимание происходящих процессов помогает выработать обоснованный и эффективный подход к регулированию инвестиционной деятельности на самом последнем этапе исторического развития. Это, в свою очередь, может существенно повлиять на распределение инвестиций,

регулирование их притока и оттока, а также на обеспечение стабильных и безопасных условий для инвесторов в современном мире.

Среди юристов отсутствует единый подход и в вопросе периодизации международного инвестиционного права. Наиболее полную периодизацию, которая базируется на развитии международно-правовых норм, в этой области дал А. А. Данельян, выделяя следующие этапы:

«– первый этап – формирование международно-правового регулирования инвестиционной деятельности в условиях существования зависимых (колониальных) государств (2-я половина XVII в. – начало XX в.);

– второй этап – развитие международно-правового регулирования инвестиционной деятельности в условиях практики национализации иностранных инвестиций (начало XX в. – 60-е годы XX в.);

– третий этап – развитие международно-правового регулирования инвестиционной деятельности в условиях усиления экономической взаимозависимости государств (60-е годы XX в. – конец XX в.);

– четвертый этап – трансформация механизма международно-правового режима иностранных инвестиций в условиях глобализации (конец XX в. – по настоящее время)»⁵⁰.

Ранее в отечественной науке проблемами периодизации международных инвестиционных правоотношений занимались И. З. Фархутдинов⁵¹ и Д. К. Лабин⁵², однако их периодизации охватывают не только этапы, когда существовало международно-правовое регулирование, но и более ранние.

⁵⁰ Международно-правовой режим иностранных инвестиций : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян Андрей Андреевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. Москва, 2016. С. 13

⁵¹ Фархутдинов И. З. Становление и развитие международного инвестиционного права в условиях глобализации: основные параметры // Современное право. 2006. № 7. С. 10.

⁵² Лабин Д. К. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: (ист. очерк) // Право и политика. 2000. № 9. С. 30–37.

В зарубежной науке Д. Карро и П. Жюйар предлагают свою периодизацию развития международно-правового регулирования инвестиций, включающую в себя три ключевых этапа⁵³.

Первый этап описывается как время, когда основу для мировых норм в области иностранных инвестиций заложили развитые индустриальные страны. В этот период развитые страны создали систему международных правил, направленных на обеспечение защиты иностранных инвесторов и их вложений в других странах, тем самым стимулируя глобальный экономический рост и инвестиционную деятельность.

Второй этап, наоборот, связан с напряженностью и конфликтами, вызванными использованием этих международных норм. Развивающиеся страны начали отказываться от признания международных правил в области иностранных инвестиций, которые были установлены промышленно развитыми странами. Это было обусловлено страхом эксплуатации и нежеланием подпадать под экономическое доминирование более развитых стран.

Третий этап включает в себя переход к более сбалансированному и эффективному подходу. Вместо одностороннего навязывания норм развитыми странами предполагается сотрудничество между промышленно развитыми и развивающимися странами в создании таких норм. Более демократический и справедливый подход используется для обеспечения мировых норм, которые не приемлют принцип возможной эксплуатации более слабых экономик, и методологически исключают какую-либо форму доминирования в области иностранных инвестиций.

Большинство из приведенных периодизаций касаются развития правового или международно-правового регулирования иностранных инвестиций, а также инвестиционных правоотношений, в целом, не выделяя конкретную специфику развития международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

⁵³ Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право. М., 2002. С. 400–411.

Представляется, что периодизация институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций должна происходить на основании следующей критерии: количества механизмов защиты иностранных инвестиций, сложности их организации и инкорпорации в международный правопорядок. Исходя из этого предлагается периодизировать институционализацию международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций следующим образом:

Прото-этап – защита инвестиций в эпоху колонизации военными методами (Ост-Индийская компания);

Первый этап – XVIII – начало XX века, эпоха дипломатической защиты иностранных инвестиций;

Второй этап – начало XX века – 60-е годы XX века, формирование прообразов современных механизмов защиты иностранных инвестиций в условиях практики национализации иностранных инвестиций;

Третий этап – 70-е годы XX века – конец первого десятилетия XXI века, утверждение современных механизмов защиты иностранных инвестиций в условиях усиления экономической взаимозависимости государств, деколонизации и глобализации, развития двусторонних договоров о защите и поощрение иностранных инвестиций;

Четвертый (современный) этап – 10-е годы XXI – настоящее время, кризис международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, регионализация международного экономического правопорядка в результате кризиса глобализации на фоне экономических, социальных и политических кризисов, эпоха «гуманизации» международного экономического правопорядка.

На прото-этапе международного инвестиционного регулирования обнаруживается уникальность, которую можно описать как период, на протяжении которого «метрополии», или «материнские страны», производили инвестиции капитала в свои колонии. Этот период отмечен тем фактом, что

перемещение капитала инвесторами из одной колониальной системы в другую встречало жёсткое сопротивление и по большей части было не существенным.

Смотря на колониальную эпоху, мы видим изображение Европы, стремящуюся увеличить своё политическое и экономическое влияние и открывающую новые этапы развития на завоёванных территориях, где нарушалась государственность.

В течение этого времени, инвесторам не требовались специальные механизмы для защиты своих инвестиций, поскольку колониальные государства были государствами с суверенитетом метрополий. Их законодательная власть осуществлялась под контролем метрополий, что обеспечивало гарантию для инвесторов. Все вышеприведенные обстоятельства исключали необходимость в регулировании иностранных инвестиций на международной правовой основе, так как было возможно использование военных методов со стороны метрополии.

Однако в итоге это привело к возникновению потребности в мерах защиты иностранных инвестиций⁵⁴. В центре создания институтов защиты иностранных инвестиций была необходимость защиты интересов колониальных государств, которые вкладывали свой капитал в колониальные экономические проекты⁵⁵. Прикладное применение инвестиционного права началось со стараниями государств-колонизаторов защитить свои экономические интересы⁵⁶.

Из-за указанных факторов разделить прото-этап и начало полноценного первого этапа развития международно-правовых механизмов защиты крайне сложно.

С момента роста влияния взаимовложения более развитых стран, встал вопрос о защите инвестиций в данной области. Так началась эпоха дипломатической защиты. Период, помеченный доминированием

⁵⁴ Sornarajah M. *The International Law on Foreign Investment*. – Cambridge [U.K.]; New York, 1994. – №4. – P. 32.

⁵⁵ Vandeveld K.J. *The Political Economy of a Bilateral Investment Treaty* / In *International Economic Regulation*. 2002. 22 p.

⁵⁶ Mann, F.A. *British Treaties for the Promotion and Protection of Investments* / In *British Yearbook of International Law*. Volume 52. Issue 1. 1981, P. 241–254. – <https://doi.org/10.1093/bybil/52.1.241>

дипломатической защиты, является исторической основой для развития международных механизмов защиты иностранных инвестиций. В этот период дипломатическая защита, как основной институт международного права, применялась преимущественно для защиты интересов инвесторов за границей⁵⁷.

Историческая важность и роль дипломатической защиты имеют место в решении, вынесенном в рамках дела «Мавроматис против палестинских концессий» Постоянной палатой международного правосудия в 1924 году. Этот прецедентный случай подчеркивает, что власть государства заключается в использовании дипломатической защиты или международного судебного вмешательства для обеспечения благополучия своих граждан от незаконных действий других суверенных государств⁵⁸. Это служит потребности государства защищать и обеспечивать строгое соблюдение установленных норм и принципов международного законодательства.

Видно, что применение дипломатической защиты и международного правосудия является средством не только защиты интересов инвесторов, но и способом воздействия на соблюдение международного права, ибо в международной арене каждое государство является защитником прав и интересов своих граждан, и вызывает к ответственности другие государства за действия, которые могут нанести вред их интересам.

Спор Мавроматиса, касающийся палестинских концессий, является красноречивым примером того, как дипломатическая защита сочетается с международными судами для обеспечения справедливости и защиты прав. Этот случай подчеркивает центральность международного права в процессе регулирования отношений между государствами и обеспечения устойчивого и безопасного климата для притока иностранных инвестиций.

⁵⁷ Borchard E. M. The Diplomatic Protection of Citizens Abroad, or, The Law of International Claims . The Banks Law Publishing Co. 1915. 284 p.

⁵⁸ Chorzow Factory Case 1928, PCIJ Rep. Series A. No. 17.

Дипломатическая защита и международное судопроизводство, таким образом, составляют двойной механизм, обладающий уникальной способностью эффективно регулировать отношения на международной арене, обеспечивая одновременно справедливость и соблюдение принципов международного права⁵⁹.

В конце XIX века защита иностранных инвестиций начинает базироваться на доктрине «международного минимального стандарта», которая предписывает государствам, принимающим иностранные инвестиции, соблюдать определенные нормы и стандарты в отношении прав и интересов иностранных граждан и их имущества⁶⁰.

Однако этот подход не нашел одобрения среди развивающихся стран Латинской Америки, которые ввели в жизнь принцип, предложенный юристом и дипломатом К. Кальво в 1868 году, который предполагает запрет на вмешательство извне в вопросы взыскания долгов. Данный принцип вошел в ряд международных соглашений⁶¹. В качестве альтернативы, так называемая «Доктрина Кальво», предложила систему «национальных стандартов», которая позволяет национально-правовым системам государств, принимающих иностранные инвестиции, установить свои собственные критерии защиты иностранных инвестиций, исключая вмешательство третьих стран⁶².

В ходе Гаагских мирных конференций осуществляются первые попытки создать постоянные учреждения международного правосудия. В 1899 году была создана Постоянная палата третейского суда (ППТС), однако несмотря на институционализированную структуру, она функционирует по принципам *ad hoc*⁶³. К 1922 году была создана Постоянная Палата международного правосудия.

⁵⁹ Thirlway, H. The sources of international law / Oxford University Press, 2014, 270 p.

⁶⁰ Front Cover. Gerrit W. Gong, The Standard of «civilization» in International Society. Clarendon Press, 1984, Civilization, Modern. 267 p.

⁶¹ Lillich, R. B., and Weston B. H. International Claims: Their Adjudication by National Commissions. 11 Buff. L. 1962. 685 p.

⁶² Ignacio de la Rasilla, A Very Short History of International Law Journals (1869–2018) // European Journal of International Law. Volume 29. Issue 1. February 2018. P. 137–168

⁶³ Rushton, Simon & Williams, Owain. Partnerships and Foundations in Global Health Governance. Palgrave MacMillan. 2011. 328 p. doi: 10.1057/9780230299474.

Это событие можно считать точкой отсчета второго этапа институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Еще одним знаковым событием данного этапа стала Октябрьская революция 1917 года в России, которая инициировала коренные изменения в правовом регулировании защиты инвестиций на международном уровне⁶⁴.

Революция и последующие события, произошедшие на просторах бывшей Российской империи, привели к существенной переоценке принципа неприкосновенности частной собственности, который ранее удерживал свое доминирующее положение в юридических системах большинства стран. Это изменение было катализатором процесса коренного переосмысления и реформирования национального и международного инвестиционного законодательства. Процесс урегулирования имущественных и финансовых претензий, возникших в связи с национализацией, инициированной советским правительством, иностранных инвестиций, завершился только 27 мая 1997 года⁶⁵.

Трансформация политической и экономической модели России под названием «переход к социализму» предполагала радикальное изменение в собственности структуре страны. Концепция социалистической экономики ставила перед собой задачу обобществления средств производства. Одним из ключевых инструментов, использованных для достижения этого, был процесс национализации. Этот процесс подразумевал перевод частных активов, включая иностранные инвестиции, под контроль государства. Характеризуя данный период, В. А. Виноградов⁶⁶ и Т. Н. Нешатаева⁶⁷ отмечают конфискационный характер состоявшейся национализации.

⁶⁴ Косторниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история: обозрение ; под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 100.

⁶⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики «Об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года» от 27 мая 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 10. С. 63–65.

⁶⁶ Виноградов В. А. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917–1918 гг.). М., 1955. С. 108.

⁶⁷ Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс: в 3 ч. М.: Городец, 2004. С. 13.

Переход к социализму и соответствующий процесс национализации вызвали большое количество споров и противоречий на международном уровне, так как интересы иностранных инвесторов были под угрозой. Эти изменения не только преобразовали правовую основу инвестиционной деятельности, но и повлияли на восприятие концепции иностранных инвестиций в целом.

24 октября 1945 года вступил в силу Устав ООН⁶⁸, который начал новую эру международного правопорядка. Глава VI Устава предполагает мирное разрешение международных споров по любым вопросам.

Здесь же начинается современная история урегулирования инвестиционных споров между инвесторами и государствами, которая имеет свои корни в послевоенное время. Первые шаги в данном направлении были осуществлены при заключении договоров о дружбе, торговле и мореплавании после 1945 года⁶⁹. Положения этих договоров о дружбе, торговле и мореплавании в значительной степени унифицируют процесс разрешения конфликтов. В первую очередь, они предполагают использование двусторонних механизмов, таких как консультации или дипломатическая связь, в качестве первых шагов в разрешении спора. Если проблему не удастся решить с помощью этих механизмов, предусматривается переход к механизмам третейского разбирательства.

Ранее в 1944 году состоялась Бреттон-Вудская конференция, которая заложила основы современного экономического порядка⁷⁰. Чтобы выполнить цели экономического развития и интеграции, поставленные Атлантической хартией и закрепленные Бреттон-Вудской конвенцией, международному сообществу приходится стимулировать инвестиции. Это должно происходить в рамках правил и эффективных механизмов применения законодательства для инвесторов, что должно уменьшать политические и правовые риски

⁶⁸ Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

⁶⁹ Например: Американо-японский договор «О дружбе, торговле и мореплавании» 02.04.1953 г.

⁷⁰ См.: Rapley J. Understanding Development: Theory and Practice in the Third World 30-31 (3d ed. 2007).

инвестиционной деятельности. Это происходило одновременно с волной национализаций в Восточной Европе, после установления там социалистических правительств по результатам Второй мировой войны.

ДИД являются инструментами такого стимулирования. Они создают правовую базу для облегчения и защиты этих инвестиций. В сущности, ДИД обеспечивают инвесторам различные виды защиты. Обычно они содержат положения о справедливом и равноправном режиме. Эти положения защищают инвестиции от дискриминационного вмешательства или неблагоприятных действий государств. ДИД включает в себя защиту от экспроприации, ограничивающую возможность принимающего государства конфисковать собственность иностранных лиц.

Множество институциональных изменений последовало в ответ на это развитие, и среди самых важных заслуживает особого упоминания беспрецедентное увеличение числа действующих на постоянной основе органов международного правосудия. Это произошло параллельно с активным применением инвестиционных арбитражей *ad hoc*.

В этот период был также создан первый специализированный международно-правовой механизм для урегулирования инвестиционных споров – Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС). Данное учреждение функционирует на основании Вашингтонской Конвенции от 18 марта 1965 года, которая носит название «О решении инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств»⁷¹.

МЦУИС занялся разбирательством «диагональных» инвестиционных споров, то есть споров, в которых стороны представляют интересы разных государств. С этого времени можно считать началом, так называемого третьего

⁷¹ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (МЦУИС) (г. Вашингтон, 18 марта 1965 г.) // Международное публичное право: сб. документов. – Т. 1. – М.: БЕК, – С. 210–229. – Текст парал. на рус. и англ. яз.

этапа институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Этот этап сопровождался активным развитием новых форм корпоративной собственности и новых видов инвестиций, созданием новых международных организаций, специализирующихся на регулировании инвестиционных отношений, и внесением изменений в национальные законы различных стран в отношении иностранных инвесторов. Поэтому данный этап справедливо можно охарактеризовать как период активного и глубокого преобразования правового регулирования международных инвестиций.

Основной целью учреждения МЦУИС стало снятие нагрузки с национальных государственных судов в вопросах рассмотрения споров, возникающих между странами-реципиентами инвестиций и иностранными инвесторами. Дополнительно, акцент был сделан на предотвращении возможности вооруженных конфликтов между государствами на фоне проблематики иностранных инвестиций.

Для достижения этих целей были сформулированы два ключевых принципа работы центра: 1) юрисдикция государства в вопросах споров с иностранными инвестициями заменяется юрисдикцией международного арбитражного центра; 2) государство отказывается от своего права на дипломатическую защиту.

Пункт 4 ст. 25 Вашингтонской конвенции 1965 г. предусматривает, что «...любое государство вправе в момент ратификации, присоединения или одобрения Конвенции, а также в любое время впоследствии уведомить Центр о категории или категориях споров, которые подлежат или не подлежат компетенции Центра»⁷². На основании этого некоторые эксперты в области международного права приходят к выводу, что Конвенция предоставляет расширенное толкование инвестиционных споров. Они утверждают, что «более

⁷² Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (МЦУИС) (г. Вашингтон, 18 марта 1965 г.) // Международное публичное право: сб. документов. – Т. 1. – М.: БЕК, – С. 210–229. – Текст парал. на рус. и англ. яз.

конкретное определение должно быть закреплено в национальном законодательстве государств»⁷³.

Стоит отметить, что большое количество стран Азии, Африки и Латинской Америки даже при отсутствии ДИД и МИС часто принимали односторонние акты национализации с выплатой компенсаций⁷⁴. Это произошло из-за энергетического кризиса 1970-х годов, когда развивающиеся страны оказались в более привлекательном положении, нежели промышленные страны.

В это время были пересмотрены правила вложения иностранных инвестиций, поскольку страны, освободившиеся от колониального гнета, старались ограничить их. Для этого применялись различные меры, включая обязательную регистрацию инвестиций иностранных инвесторов и определённые ограничения на привлечение инвестиций в отдельные сектора экономики.

Одновременно с этим произошедшая волна деколонизации потребовала для стран Африки и Азии создания эффективных инструментов привлечения инвестиций и ДИД с развитыми промышленными странами стали для них эффективным способом получить необходимый финансовый капитал.

В период с 1960 по 1970 годы основной поток финансовых средств был направлен с «Севера» на «Юг». То есть, главным образом, от экономически развитых стран к развивающимся регионам Африки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии. Однако в 1980-1990-е годы произошла смена направления потока капитала, и основное движение финансов стало осуществляться с Запада на Восток. В этом процессе существенную роль сыграли изменения в экономической стратегии стран, ранее относившихся к социалистическому лагерю, которые перешли на принципы функционирования рыночной

⁷³ Данельян, А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян Андрей Андреевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. – Москва, 2016.

⁷⁴ Данельян А. А. Национализация: вопросы международного права / Москва-Санкт-Петербург : Автономная некоммерческая организация «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации», 2015. 284 с. ISBN 978-5-98712-170-2. EDN WARKAZ.

экономики⁷⁵.

Все вместе прошедшая волна национализаций в Восточной Европе, необходимость для новых государств, после деколонизации, привлекать иностранные инвестиции, а для развитых защитить своих иностранных инвесторов в новых условиях, а после падения «железного занавеса» и начавшаяся глобализация, привели к условиям, когда иностранные инвесторы находились в привилегированном состоянии, вследствие нужды большого количества государствам в получении финансового капитала для ускорения экономического роста в условиях политической и правовой нестабильности государств-реципиентов.

К 90-м годам были окончательно сформированы современные механизмы защиты иностранных инвестиций, где ключевым стал механизм УСИГ. Система разрешения споров, закладываемая ДИД, пришла к уже традиционной формуле, состоящей из: переговоров, медиации, компетентного суда государства-реципиента, арбитража ad hoc и МЦУИС.

Предпосылки нового этапа в развитии механизмов защиты иностранных инвестиций можно увидеть в 2008 году, на фоне серии финансово-экономических кризисов. Это было связано с многими факторами. В частности, изучение последствий финансового кризиса в Аргентине 2001-2002 годов показало, как усугубление проблем в социальной сфере во время кризисного периода может оказать негативное влияние на основы национальной безопасности страны⁷⁶.

Основными характеристиками нового временного отрезка являются следующие аспекты: диалектическое противостояние между «глобальным» и «региональным» подходами; процессуальное несовершенство современной системы разрешения инвестиционных споров; растущая потребность не только в

⁷⁵ Доронина Н. Г. Влияние международного права на развитие инвестиционного законодательства // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 123-129. EDN RBLIDT.

⁷⁶ Aaken A. van, Kurtz J. The Global Financial Crisis: Will State Emergency Measures Trigger International Investment Disputes? // Perspective on topical direct investment issues by the Vale Columbia Center on Sustainable International Investment. N 3. March 23, 2009. URL: <http://hdl.handle.net/10022/AC:P:8775> (дата обращения: 12.06.2023)

экономическом прогрессе стран, но и в их социокультурном развитии; увеличение внимания к соблюдению прав человека, а также бережному отношению к экологическому состоянию Земли.

В свете вышеописанных факторов становится очевидной актуальность активной роли государств в защите национальных интересов на фоне глобальных процессов. Глобализация, при всей своей многообразности положительных возможностей, может представлять определенные вызовы и препятствия, исходя из которых, необходимы активные меры со стороны государств для обеспечения и защиты своих национальных интересов.

Важным моментом подчеркивается ценность и приоритет социокультурного развития параллельно с экономическим. Это в свою очередь подразумевает внимание к образованию, искусству, сохранению исторического наследия и культурной идентичности.

Усиление фокуса на защите прав человека и интересах экологии демонстрирует смену глобальных приоритетов, где устойчивость набирает всё большего значения. Это включает в себя борьбу с нарушениями прав человека, неравенством, а также борьбу за сохранение окружающей среды и содействие в достижении глобальных целей в области климата и устойчивости.

На данный момент предпринимаются попытки реформирования УСИГ, в частности в 2017 г. была сформирована Рабочая группа III ЮНСИТРАЛ, работа которой направлена на комплексную реформу УСИГ. Множество факторов стимулировало государства начать пересмотр подхода к УСИГ, что уже отразилось на двустороннем и региональном уровнях. Среди проблем реформы УСИГ можно выделить пробельность международного инвестиционного правопорядка, обусловленную современным состоянием международных инвестиционных отношений⁷⁷.

⁷⁷ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2011). World investment report: Non-equity modes of international production and development. UNCTAD // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2011_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Можно сказать, что со временем сфера инвестиционного права прошла долгий путь развития от служения интересам колониальных держав до признания суверенитета развивающихся стран, и создания рамок для международной защиты прав инвесторов.

Примечательными выглядят слова Г. И. Тункина, который в свое время утверждал, что бурные темпы развития международных отношений порождают определенные вызовы в области регулирования новых сфер и проблематик международного права⁷⁸. В современной действительности, усиленной глобализацией, эти мысли выдают огромный резонанс, особенно в отношении международного правового регулирования инвестиционной сферы.

Г. И. Тункин, известный как ведущий специалист в области международного права, предвидел, что со своими быстро растущими связями и обширными взаимоотношениями, государства столкнутся с трудностями в применении международного права к новым ситуациям и проблемам в области международных отношений. Эти слова открывают перспективу на цель и вызовы международного регулирования современной инвестиционной активности.

Г. И. Тункин хорошо обозначил, что стремительное развитие международных взаимосвязей несет в себе сложности, которые могут возникнуть при попытках законодательного регулирования современных и постоянно меняющихся областей международных отношений. И в условиях все более активного процесса глобализации, эта точка зрения приобретает особую блистательность и актуальность, особенно когда речь идет о международно-правовом регулировании инвестиционной деятельности.

Разнообразие и сложность современных инвестиционных отношений требуют точного и гибкого подхода к их законодательному регулированию на международном уровне. В этом контексте мысли Тункина выделяются исключительной актуальностью и заслуживают более глубокого исследования в

⁷⁸ Тункин Г. И. Теория международного права / Москва : Зерцало-М, 2016. 416 с. ISBN 978-5-94373-352-9. EDN XMZJRD.

целях совершенствования существующего международного правового регулирования инвестиционной деятельности.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод и о природе институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций. Однако сначала стоит взглянуть на категорию институционализации. С учетом природы международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов речь идет о юридической институционализации.

Юридическая институционализация – это процесс формирования, стабилизации и функционирования юридических институтов в обществе, при котором закрепляются и определяются его основные принципы и нормы⁷⁹. Этот процесс способствует формированию специализированных юридических механизмов, которые обеспечивают регуляцию социальных отношений в определенной области права.

Процесс юридической институционализации развивается в три этапа: создание, стабилизация и функционирование юридических институтов. В процессе создания определяются основные цели и принципы юридического института, подбираются и формируются его структурные элементы. Стабилизация – это процесс, когда юридический институт порождает устойчивые социальные отношения на основе юридических норм. Функционирование означает активное использование юридического института в обществе.

Процесс юридической институционализации влияет не только на развитие самого права, но и на развитие всего общества. Он обеспечивает стабильность и прозрачность функционирования юридической системы, а также усиливает доверие граждан к юридической системе.

⁷⁹ Ельцов Н. С. Основные этапы процесса институционализации профессиональных юридических общественных объединений в России // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 18-22. EDN ZGYWBB.; Имомов Х. Ш. К вопросу о правовой институционализации политических партий в науке конституционного права // Государствоведение и права человека. 2019. № 1(13). С. 99-107. EDN PEXQIR.; Бондаренко Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования // Право.by. 2022. № 5(79). С. 136-142. EDN EAWFRC.

Таким образом, процесс юридической институционализации служит мощным инструментом в решении социальных задач, приводит к формированию эффективного правового механизма регулирования различных областей общественной жизни.

Рассмотренные исторические этапы и происходившие действия позволяют также сделать вывод о природе институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций. Исходя из этого предлагается рассмотреть институционализацию международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций как процесс образования, развития и актуализации правового и организационно-правовых институтов, направленных на защиту иностранных инвестиций.

§ 3. Виды современных международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций

Международно-правовые механизмы защиты прав иностранных инвесторов, которые устанавливаются указанными соглашениями, включают в себя множество механизмов, таких как:

- механизм предоставления гарантий, в рамках Сеульской Конвенции и региональных институтов развития;
- дипломатическая защита инвестиций государством инвестора в государстве-реципиенте;
- механизм УСИГ;
- механизмы защиты национальных инвестиций, связанных с торговлей, государством инвестора во Всемирной торговой организации (ТРИМС).

В данном контексте появление возможности страхования имущественных прав заграничного инвестора на капиталовложения, защищённых от

политических рисков, стало своеобразным прорывом⁸⁰. Такие условия позволяют инвесторам рассчитывать на возмещение понесенных убытков от независимого источника, договорившегося о таком обязательстве до внесения капиталовложений.

Страховые услуги в таком формате могут быть предоставлены частными страховыми компаниями, национальными страховыми организациями, специализирующимися на страховании инвестиций за счёт государственного бюджета⁸¹.

Заинтересованность государств в поддержке страхования иностранных инвестиций понятна – это стимулирует экспортное взаимодействие и укрепляет международные отношения. Государства активно поддерживают деятельность частных страховых компаний, а также создают собственные структуры, ответственные за страхование инвестиций от политических рисков.

Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций⁸² (МАГИ) – это организация, принадлежащая Группе Всемирного банка, целью которой является продвижение иностранных прямых инвестиций в развивающиеся страны. Это достигается через предоставление страховых гарантий инвесторам и покрытие иностранных инвестиций от потери из-за политических рисков.

Уникальная двойственная природа Международного агентства по гарантиям инвестиций (далее – МАГИ), обозначенная в статье 1 конвенции, является темой этого исследования. С одной стороны, МАГИ функционирует как независимое юридическое лицо, имеющее полномочия заключать соглашения, распоряжаться имуществом активами, как недвижимыми, так и движимыми, привлекать к ответственности в судебном порядке, а также осуществлять коммерческую

⁸⁰ Moses M. *The Principles and Practice of International Commercial Arbitration: Third Edition* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2017. doi:10.1017/9781316585245.

⁸¹ Brush T. H., Bromiley, P., & Hendrickx, M. The free cash flow hypothesis for sales growth and firm performance // *Strategic Management Journal*. Vol. 21. No. 4. Apr., 2000. pp. 455-472

⁸² Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 11 октября 1985 г. // *Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России: сб. нормат. актов и документов*. М.: Юрид. лит., 1995. С. 197– 276.

деятельность в области страхования иностранных инвестиций. Одновременно, МАГИ выступает в роли многосторонней межправительственной организации.

МАГИ играет важную роль в том, чтобы облегчить инвестиции в странах, где они наиболее необходимы⁸³. В своей деятельности она фокусируется на проектах, которые приносят наибольшую пользу хозяйству страны-приемника, в частности, тех проектах, которые создают рабочие места, защищают окружающую среду, способствуют гендерному равенству, развивают частный сектор и повышают конкурентоспособность экономики.

Концепция проекта может включать все, от инфраструктуры и природных ресурсов до финансовых услуг и промышленности. Однако, все проекты, поддерживаемые МАГИ, должны соответствовать строгим стандартам социальной и экологической ответственности.

МАГИ предоставляет четыре основных типа гарантий: страхование от валютных переводных ограничений, экспроприации и национализации, военных действий и гражданских беспорядков, а также дефолта государства. Максимальный срок страхования – до 20 лет.

Эти гарантии могут защитить новые иностранные инвестиции, дополнительные инвестиции в существующие проекты или приватизацию государственных предприятий. Они помогают уровнять поле игры для инвесторов, делают инвестиционный климат более предсказуемым и повышают уверенность инвесторов.

МАГИ оперирует на пересечении международного права и экономики, играя ключевую роль в стимулировании иностранных прямых инвестиций в развивающиеся рынки. Она служит критическим мостом между частным сектором и правительствами, помогая сгладить путь для проектов с высоким воздействием на экономику и общество.

⁸³ Камышевский В. И. МАГИ*: механизм защиты иностранных капиталовложений от некоммерческих рисков // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 2. С. 69-72. EDN MTHSPX.

Механизм страхования инвестиций в рамках Сеульской Конвенции и региональных институтов развития является устоявшимся механизмом, который на современном этапе институционализации не подвергается существенному и значимому пересмотру.

В то же время на региональном уровне достаточное количество институтов, которые выполняют аналогичную функцию. В частности, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк и Евразийская перестраховочная компания.

Система страхования иностранных инвестиций не является для данных организаций основополагающей, однако в рамках своей деятельности они используют данные механизмы.

Общей чертой данных механизмов является суброгация права требования инвесторам, когда при наступлении неблагоприятных страховых случаев их права требования переходят гарантам. В ряде случаев данные права могут переходить, как рассмотренным страховым организациям, так и передаваться их национальным государствам или третьим государствам-гарантам.

Суброгация представляет собой правовой механизм, позволяющий одному лицу (международной страховой организации) перейти в права другого лица (иностранного инвестора) для возмещения убытков, вызванных неправомерными действиями третьих лиц (государства-реципиента).

В контексте международного инвестиционного права суброгация важна по двум основным причинам. Во-первых, она облегчает перенос рисков иностранных инвестиций, что особенно важно для иностранных инвесторов. В абсолютном большинстве случаев такие риски переносятся на специализированные международные структуры. Во-вторых, суброгация оказывает влияние на разрешение возникающих споров.

Что касается международных инвестиционных споров, то определяющими пунктами являются обычно юрисдикция и подведомственность. В контексте суброгации эти вопросы становятся еще сложнее, поскольку возникает вопрос о

том, применимы ли условия оригинального инвестиционного соглашения к суброгированному лицу. Так как современный механизм УСИГ не предполагает разрешение споров между двумя государствами или государством и международной организацией.

При этом суброгация права требования иностранного инвестора своему государству или государству-гаранту, прямо связана с дипломатической защитой инвестиций.

В условиях глобализации и развития международных экономических отношений, дипломатическая защита инвестиций выступает важнейшим элементом международного инвестиционного права, обеспечивающим реализацию прав и интересов инвесторов на высшем уровне.

Дипломатическая защита инвестиций представляет собой одну из самых древних и устоявшихся форм международно-правовой защиты, которая реализуется государством, в область юрисдикции которого входит пострадавший от неблагоприятных событий инвестор, в отношении государства, причинившего ущерб. При этом государство-инвестор может осуществлять защиту прав и законных интересов как частных, так и публичных инвесторов.

Основная цель дипломатической защиты инвестиций – это компенсации потерь, возникших у иностранного инвестора, и восстановление нарушенного правового состояния. Вектор защиты формируется исходя из интересов государства, выступающего как защищающей стороны. В этом контексте главными задачами являются предотвращение рисков, обеспечение стабильности договорного режима и создание благоприятных условий для инвесторов.

При осуществлении дипломатической защиты инвестиций государства могут использовать ряд дипломатических мер: консультации, переговоры, медиацию, самоудовлетворение, применение обратных мер, международный судебный и арбитражный процесс. При этом государство-защитник вправе выбрать наиболее приемлемую форму защиты.

Однако следует учесть, что дипломатическая защита не всегда может быть успешно применена. Существуют случаи, когда инвестиции осуществляются в зонах с крайне неустойчивой политической ситуацией или высоким уровнем коррупции, что значительно усложняет процесс реализации дипломатической защиты.

Дипломатическая защита является мощным инструментом обеспечения интересов предприятий и граждан на международной арене, и, по мнению многих специалистов, будет усиливать свое значение в будущем. Две известные концепции, которые по сути своей были направлены на ограничение свободного использования дипломатического рычага государствами для обеспечения интересов своих инвесторов, находят свое отражение в так называемых «доктринах Драго» и «доктрине Кальво».

С другой стороны, «доктрина Кальво», названная в честь итальянского дипломата и юриста Карлоса Кальво, содержит приметное и интересное ограничение. Она подразумевает, что сами физические и юридические лица, включая иностранных инвесторов, должны в принципе решать свои инвестиционные проблемы и споры в рамках юрисдикции страны принимающей инвестиции. Иными словами, она предлагает ограничение возможности государства в таких случаях оказывать дипломатическую защиту своим согражданам⁸⁴.

Первое упоминание о концепции, которую мы теперь знаем, как «доктрину Драго», происходит от аргентинского юриста и дипломата Луиса Мария Драго. Драго предложил свою доктрину в качестве ответа на инцидент, произошедший в Венесуэле в начале 1900-х годов, когда некоторые европейские державы попытались вмешаться во внутренние дела страны, чтобы собрать долги от

⁸⁴ См.: Jova J. J., Smith C. E., Crigler T. F. Private Investment in Latin America: Renegotiating the Bargain // Texas International Law Journal. 1984. Vol. 19. N 1. P. 12.

Венесуэльского правительства⁸⁵.

Его принцип, который с тех пор стал известным как «доктрина Драго», подразумевал отказ государств-экспортеров капитала от применения военной силы для защиты своих коммерческих интересов. Это было предложено в обмен на обязательство стран, принимающих капитал, предоставлять справедливые и равноправные условия для рассмотрения связанных с ним споров через систему международного арбитража.

Важность этих двух доктрин состоит в том, что они обе переворачивают традиционное представление о том, какие роли и обязанности в области процесса инвестирования должны исполнять государства и как они должны взаимодействовать друг с другом и со своими гражданами в целях обеспечения справедливости и эффективности.

Сквозь призму международного инвестиционного права эти доктрины открывают простор для важных дискуссий о балансе между суверенитетом государства и необходимостью обеспечения надлежащей и эффективной защиты иностранных инвестиций и инвесторов.

При рассмотрении международно-правового механизма защиты прав иностранных инвесторов на современном этапе развития необходимо отметить, что дипломатическая защита инвестиций государством инвестора в государстве-реципиенте, является самодостаточным механизмом, который базируется на праве дипломатических сношений и является лишь частным случаем дипломатической защиты интересов граждан и юридических лиц.

Иным примером, который в чем-то схож с дипломатической защитой⁸⁶, но существующий в рамках экономической международной организации является механизм защиты национальных инвестиций, связанных с торговлей,

⁸⁵ Togo and United States: Treaty of Amity and Economic Relations // International Legal Materials. 1966. N 5. P. 737–746.

⁸⁶ Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. Приложение 2 к Марракешскому соглашению (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2012. №37. Прил. ч. VI. Ст. 2850–2873.

государством инвестора во Всемирной торговой организации, основанные на соглашении ТРИМС. Российская Федерация присоединилась к ВТО в 2012 году⁸⁷.

ТРИМС, одно из основных соглашений ВТО, вступившее в силу 1 января 1995 года⁸⁸. Оно регулирует вопросы, связанные с использованием инвестиционных мер участниками ВТО⁸⁹.

ТРИМС исключает использование ограничивающих мер национальной торговой политикой, которые могут нарушить нормы и принципы ГАТТ 1994 г. Оно особо отмечает, что требования к локализации и ограничению на импорт могут способствовать несправедливым торговым практикам.

Основные положения ТРИМС следующие:

1. Запрещены любые требования к локализации, предписывающие использование определенного количества местных товаров в производстве.
2. Запрещено поддерживать отечественные предприятия за счет ограничения импорта иностранных товаров.
3. Запрещены ограничения, связанные с балансом платежей.

Однако ТРИМС не применяется к услугам и не устанавливает полного запрета на все возможные инвестиционные меры. Меры, исключенные из применения ТРИМС, но широко используемые на практике, включают в себя условия предоставления национального статуса инвесторам, требования о переводе технологии, и требования о найме местных сотрудников.

Таким образом, ТРИМС играет важную роль в регулировании инвестиционных мер, связанных с торговлей, на международном уровне, обеспечивая справедливые условия за счет ограничения применения некоторых видов инвестиционных мер.

⁸⁷ Протокол «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» от 16 декабря 2011 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2012. – №37. – Ст. 4986.

⁸⁸ Соглашение по торговым аспектам инвестиционных мер (ТРИМС/TRIMs) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37. – Прил. VI. – Ст. 2650–2653.

⁸⁹ Шумилов В. М. Феномен права ВТО и законодательство России // Современный юрист. 2013. № 2(3). С. 87-106. EDN QADJAB.

Обращая внимание на механизмы, предусмотренные в рамках ВТО⁹⁰, стоит указать на то, что в рамках ВТО отсутствуют предпосылки для разработки многосторонних правил в области инвестиций. Рабочая группа по торговле и инвестициям с 2003 года не осуществляет свою деятельность, прогресс на переговорах по либерализации условий доступа на рынок услуг (в том числе посредством «коммерческого присутствия») в развитии ГАТС отсутствует, совершенствование положений Соглашения по ТРИМС не предусматривается.

Инвестиционные споры между иностранными инвесторами и принимающими государствами являются неизбежной частью международной инвестиционной деятельности. Поэтому требуются эффективные механизмы для их разрешения, и при этом сохранения баланса интересов.

1. Институциональный механизм разрешения споров: Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) был создан в 1965 году как специализированная структура для решения инвестиционных споров между государствами и иностранными инвесторами⁹¹. Тем не менее, существует критика относительно возможных конфликтов интересов и качества арбитража в МЦУИС⁹².

2. Арбитражные механизмы: в дополнение к МЦУИС, существуют другие арбитражные институты, такие как Парижская Международная Торговая Палата (ICC) и Лондонский суд международной арбитража (LCIA). Они предлагают гибкие и сравнительно быстрые меры для разрешения споров между различными сторонами, включая инвестиционные споры.

3. Альтернативные формы разрешения споров: Медиация и согласительные комиссии также могут играть роль в урегулировании споров между инвесторами и принимающими государствами.

⁹⁰ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37. – Ст. 2514-2523.

⁹¹ Вознесенская, Н. Н. Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций / Н. Н. Вознесенская // Закон. 2011. № 5. С. 90-97. – EDN NTIXXD.

⁹² Alvarez G.M. A Response to the Criticism against ISDS by EFILA. // Journal of International Arbitration. Vol. 33. 2016. Issue. 1. P. 1–36.

По общему определению, медиация – это добровольный процесс, в ходе которого нейтральный посредник помогает сторонам конфликта в поиске согласованного решения. По сравнению с традиционными судебными и арбитражными процедурами, медиация предлагает более гибкий и доступный подход к разрешению споров.

В контексте международного инвестиционного права медиация предлагает особенно большие возможности. Споры между инвесторами и государствами часто касаются сложных и технических вопросов, требующих детального понимания экономического, социального и политического контекста. Медиация позволяет участникам конфликта вовлечь независимого эксперта, специализирующегося на конкретной области, которую коснулся спор.

Кроме того, медиация может быть более быстрой и экономичной процедурой, по сравнению с традиционными юридическими процессами. Это часто является ключевым фактором для инвесторов, ищущих своевременного урегулирования споров.

Однако несмотря на свои преимущества, медиация также сталкивается с рядом проблем и вызовов. Во-первых, успешность медиации зависит от добровольного участия сторон и их стремления к компромиссу, что не всегда может быть достигнуто, особенно в области международных инвестиций, где ставки могут быть очень высокими.

Во-вторых, медиация требует нахождения квалифицированного и независимого посредника, что может быть сложно в отсутствие стандартизированных требований и критериев для выбора таких посредников.

Несмотря на существующие проблемы и вызовы, медиация остается перспективным предметом в международном инвестиционном праве. Как прямая, так и косвенная медиация имеют потенциал для радикального изменения процесса урегулирования споров, делая его более доступным, устойчивым и эффективным. В то же время, для успешной и функциональной системы медиации, нужно разработать глобальные стандарты медиаторов и надлежащую

инфраструктуру поддержки процесса медиации. Эти задачи должны стать предметом активного рассмотрения и обсуждения в международном сообществе.

Система международного инвестиционного арбитража является ключевым элементом в обеспечении прав и интересов инвесторов на глобальном уровне⁹³. Корни этой системы уходят в прошлое на десятилетия, однако её значимость выросла в последние годы из-за множества вложений в различные отрасли экономики.

На основе системы международного инвестиционного арбитража созданы международные арбитражные трибуналы, такие как МЦУИС и арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ⁹⁴. Они имеют мандат рассматривать споры между государствами и инвесторами целью обеспечения справедливого урегулирования⁹⁵.

Однако, система международного инвестиционного арбитража не без недостатков. Некоторые критики указывают на смещение в пользу инвесторов, ограничения национального суверенитета стран и стоимость процедур⁹⁶. Другой вопрос связан с недостатком прозрачности: многие решения арбитражных трибуналов остаются конфиденциальными, что затрудняет понимание и изучение принципов их работы⁹⁷.

⁹³ Доронина Н. Г. Порядок разрешения инвестиционных споров как фактор, улучшающий инвестиционный климат // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража : Liber Amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева / Составители и научные редакторы: С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова, А. И. Муранов, Е. В. Вершинина. Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2013. С. 113-143. EDN LXFLOE.

⁹⁴ Schill, S. Schreuer's Commentary on the ICSID Convention: A Commentary on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2022. 1536 p. doi:10.1017/9781316516584

⁹⁵ Croft, C., Kee, C., & Waincymer, J. Evidence. / In A Guide to the UNCITRAL Arbitration Rules. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. P. 298–323. doi:10.1017/CBO9781139018135.033

⁹⁶ Van Harten, Gus, (2007), Investment Treaty Arbitration and Public Law. Oxford University Press. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:oxp:obooks:9780199217892>. (дата обращения 11.06.2023)

⁹⁷ Robert S. French, Investor-State Dispute Settlement - A Cut Above the Courts? (9 July 2014) // URL: <https://www.hcourt.gov.au/assets/publications/speeches/current-justices/frenchcj/frenchcj09jul14.pdf> (дата обращения: 10.06.2023);

В последние годы, в рамках ЮНСИТРАЛ, активно обсуждаются вопросы реформы системы международного инвестиционного арбитража⁹⁸. Несколько организаций выдвинули предложения по реформе: от создания международного инвестиционного суда до развития механизмов альтернативного урегулирования споров⁹⁹.

Также важно отметить, что система международного инвестиционного арбитража касается некоторых важнейших вопросов, касающихся глобального управления. Существует множество примеров, когда трибуналы должны были балансировать между правами инвесторов и общественными интересами, что стало предметом оживленных дебатов и критического анализа¹⁰⁰.

В заключение следует отметить, что система международного инвестиционного арбитража остается важным инструментом регулирования инвестиционной деятельности¹⁰¹. Однако ее эффективность и справедливость будут в значительной степени зависеть от успешности предпринимаемых попыток ее реформирования.

Таким образом, на сегодняшний день международно-правовое регулирование инвестиций устанавливается преимущественно на двустороннем и региональном уровнях, с помощью двусторонних соглашений о защите и поощрении инвестиций, отдельных глав в соглашениях о свободной торговле и соглашениях о региональной интеграции, что выводит на «передний край»

⁹⁸ UNCITRAL, (2017), Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS) // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/draft_clauses_on_mediation.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

⁹⁹ UNCTAD, (2016), 'Investor-State Dispute Settlement: Review of Developments in 2015', IIA Issues Note. – No.1, New York // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcb2017d1_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰⁰ Alvarez, J.& Khamisi, K., 'The Argentine Crisis and Foreign Investors: A Glimpse into the Heart of the Investment Regime / In Yearbook on International Investment Law, Oxford. 2009. P. 379–478

¹⁰¹ Доронина, Н. Г. Правовые проблемы разрешения инвестиционных споров и развитие российского законодательства об альтернативных механизмах разрешения споров / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина // В. А. Кабаков, С. Н. Лебедев: In Memoriam : Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / Научные редакторы: А. И. Муранов, О. Н. Зименкова, А. А. Костин; Составители: А. И. Муранов; Редакторы П. Д. Савкин; Ответственный секретарь: Ю. А. Шабалина; Кафедра международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева МГИМО МИД России; МАК при ТПП РФ; МКАС при ТПП РФ.. Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. С. 502-520. EDN YOAYTZ.

защиту прав иностранных инвесторов УСИГ. Механизм УСИГ включает такие способы разрешения международных инвестиционных споров, как переговоры, посредничество, медиация и международный инвестиционный арбитраж. При этом, наибольшую популярность среди способов УСИГ снискал именно международный инвестиционный арбитраж, вследствие наибольшей эффективности для инвесторов.

Глава 2. Тенденции международного права и механизмы защиты иностранных инвестиций

§ 1. Инкорпорация механизмов обеспечения устойчивого развития в рамках международного инвестиционного правопорядка

Помимо собственных проблем в развитии УСИГ, реформирование его механизмов находится в контексте общего развития международного экономического сотрудничества, которое во многом базируется на основе программы «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹⁰², состоящей из 17 целей, направленных на качественное улучшение мирового социального развития (неформально – цели в области устойчивого развития, далее – ЦУР).

Все это подчеркивает необходимость исследования реформы УСИГ как современной стадии институционализации механизма международно-правовой защиты прав иностранных инвесторов.

Большое значение при обращении к ЦУР имеют права человека, которые отражены в целях: 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»; 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»; 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»; 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»; 8 «Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех».

Взаимодействие между прямыми иностранными инвестициями (далее –

¹⁰² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Официальный сайт ООН. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 12.06.2023)

ПНИ) и правами человека, без сомнения, является одним из самых спорных вопросов, связанных с современным регулированием, ПНИ. Данные вопросы кажутся на первый взгляд не взаимосвязанными в рамках международного права. Традиционно в международных инвестиционных договорах ничего не говорится о правах человека. Основные многосторонние инвестиционные соглашения, такие как Северо-Американское соглашение о свободной торговле (далее – НАФТА)¹⁰³, Договор к Энергетической хартии и многие другие не упоминают о правах человека. Однако за последние десятилетия стало очевидно, что международное право прав человека все же взаимодействует с международным инвестиционным правом, и это отмечается Управлением ООН по правам человека¹⁰⁴.

Такие вопросы относятся к проблеме привлечения к ответственности транснациональных корпораций за нарушения прав человека. В связи с этим в последнее время наблюдается тенденция к включению в двусторонние инвестиционные договоры (далее – ДИД) так называемых требований законности¹⁰⁵, которые подразумевают обязательство иностранных инвесторов соблюдать и уважать национальные законы принимающего государства, включая применимые права человека. Таким образом, когда такая оговорка отражается в инвестиционных соглашениях, национально-правовая обязанность иностранного инвестора «интернационализируется» в том смысле, что несоблюдение обязательств в отношении прав человека, установленных национальным законодательством государства-реципиента, влияет на допустимость требований инвестора к государству-реципиенту, основанных на договоре, или на наличие цели договора, покрываемой ДИД.

¹⁰³ Прекратило действие в 2020 году, однако инвесторы могли подавать иски по правилам УСИГ НАФТА до 1 июля 2023 года

¹⁰⁴ См.: Управления ООН по правам человека / URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Business/Pages/IIAs.aspx>. (дата обращения 11.06.2023)

¹⁰⁵ Перевод англ. яз. термина “legality requirements”, встречаемого, в частности, в Модельном двустороннем соглашении Франции, Соглашении между ФРГ и Филиппинами о поощрении и защите инвестиций (art. 1, Apr. 18, 1997, 2108 U.N.T.S. 19); данный термин также рассматривался МЦУИС в споре *Tokios Tokeles v. Ukraine* (ICSID Case No. ARB/02/18, Decision on jurisdiction, 1 84 (Apr. 29, 2004), 20 ICSID Rev. 205.)

Также защита частной собственности играет роль и в международных актах по защите прав человека¹⁰⁶. Одновременно права человека могут иметь значение в рамках вопроса о применимом праве в инвестиционных спорах, рассматриваемых международным инвестиционным арбитражем. В этом контексте необходимо отметить ограниченную юрисдикцию арбитражных судов, устанавливаемую на основании инвестиционных соглашений. Так, ст. 25(1) Вашингтонской конвенции «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» 1965 г. – наделяет инвестиционные арбитражи юрисдикцией для разрешения «правового спора, возникающего непосредственно из инвестиций». Однако ограничение юрисдикции арбитража не означает, что суд принципиально не может рассматривать вопросы прав человека, которые могут возникнуть при рассмотрении спора, по существу. Несмотря на частое отсутствие в самих инвестиционных соглашениях норм, которые бы устанавливали международно-правовые обязанности в вопросе прав человека, положения об урегулировании споров в инвестиционных соглашениях обычно содержат общие положения о применимом праве, которое включает нормы и принципы международного публичного права. Следовательно, в принципе нельзя исключить, что арбитражные суды могут рассматривать позиции и доводы сторон, которые основаны на международном праве прав человека, если деятельность инвестора затрагивает права человека, или если государственное регулирование инвестиций ограничивает права человека.

Традиционно обязательства в области прав человека адресованы государствам и были предназначены главным образом для регулирования отношений между человеком и государством¹⁰⁷. Государство обязано не только уважать права лиц, находящихся на его территории и под его юрисдикцией, но и

¹⁰⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁰⁷ Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.

обеспечивать, чтобы одни лица, включая иностранных инвесторов, не нарушали права других лиц.

Это было прямо включено в Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., который в ст. 2 обязывает государства «уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте»¹⁰⁸.

Несмотря на отсутствие международно-правовых обязанностей в области прав человека для транснациональных корпораций, существует заметная тенденция к формированию таких обязанностей, но пока эта тенденция не привела ни к одному случаю подтверждения прямой международно-правовой обязанности корпораций в области прав человека. Так, несколько комитетов ООН, образованных в соответствии с конвенциями по правам человека, в определенной степени признают обязанности корпораций в области прав человека. Примером может служить Комитет по правам ребенка, который признал, что в настоящее время «не существует международного юридически обязывающего инструмента, касающегося обязанности по отношению к правам человека». Тем не менее государство несет ответственность за обеспечение выполнения корпорациями своих обязательств по соблюдению прав детей¹⁰⁹.

Ограничение защиты прав иностранных инвесторов в целях установления эколого-правовых стандартов уже находит отражение в новых экономических соглашениях. В частности, п. 1 ст. 8.9 Всеобъемлющего торгового и экономического партнерства ЕС и Канады установлено, что эколого-правовое регулирование не может считаться нарушением прав инвесторов, защищенных данным соглашением. Также вопрос о соотношении защиты права инвесторов и защиты окружающей среды, а также потенциальное противоречие между защитой

¹⁰⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

¹⁰⁹ См.: Committee on the Rights of the Child, General Comment No. 16 (2013) on State obligations regarding the impact of the business sector on children's rights, UN Doc. CRC/C/GC/16 (17 April 2013), para 8.

прав иностранных инвесторов по инвестиционным договорам и защитой окружающей среды поднимался в ходе ряда недавних арбитражных споров. С 2012 г. рассмотрено более 60 инвестиционных споров, в которых присутствует эколого-правовой компонент. Среди них было несколько случаев, когда государства выдвигали требования против инвесторов в инвестиционном арбитраже, основанные на экологическом праве. С другой стороны, инвесторы также могут стремиться обеспечить выполнение экологических обязательств государствами через международный инвестиционный арбитраж.

Государство, заинтересованное в соблюдении экологического законодательства в отношении инвесторов, имеет возможность предъявить встречный иск в ходе арбитражного разбирательства, возбужденного инвестором. На данный момент существует несколько оснований, которые наделяют инвестиционный арбитраж юрисдикцией для рассмотрения встречного иска государства к инвестору.

Так, инвестор может (и обычно обязан) соблюдать национальное законодательство принимающего государства, регулирующее охрану окружающей среды. В инвестиционном соглашении может прямо предусматриваться, что иностранные инвесторы должны соблюдать национальное законодательство принимающего государства при отсутствии специального инвестиционного контракта между государством и инвестором, который бы содержал иные условия.

В недавних делах Эквадор подал встречные иски по экологическим вопросам на основании национального законодательства об окружающей среде. Так, в деле Берлингтона¹¹⁰ арбитраж Международного центра по урегулированию инвестиционных споров в результате удовлетворения встречного иска Эквадора к Берлингтону в рамках дела о взыскании ущерба с Эквадора за экспроприацию нефтяного месторождения, которым владел Берлингтон, присудил Эквадору 39,2

¹¹⁰ Burlington Resources Inc. v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/5, Decision on Ecuador's Counterclaims, 7 February 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/181> (дата обращения: 11.06.2023)

млн долл. США за ущерб окружающей среде, причиненный инвестором в нарушение национального экологического законодательства Эквадора. Однако во взаимосвязанном деле Перенко¹¹¹ арбитраж не стал выносить решение, призвав стороны попытаться урегулировать спор.

Ответственность инвестора может быть также основана на прямом применении норм международного права, регулирующих вопросы охраны окружающей среды. В деле Урбасер по спору, возникшему в результате финансового кризиса в Аргентине, Урбасер был акционером компании-концессионера, которая занималась водоснабжением и канализацией¹¹². Введенные правительством Аргентины чрезвычайные финансовые меры стали причиной финансовых убытков концессионера, что привело к его неплатежеспособности. После подачи иска Урбасером о возмещении ущерба Аргентина подала встречный иск о нарушении Урбасером эколого-правовых норм, установленных международным правом. Арбитражная коллегия постановила, что инвестор в принципе может быть связан международными обязательствами в области прав человека, касающимися права на водные ресурсы, что охватывается целью 6 ЦУР.

Однако аргумент, что инвесторы также напрямую связаны обязательствами, вытекающими из международного экологического права, является дискуссионным, так как большинство международных экологических договоров, регулирующих деятельность негосударственных субъектов, предполагают, что государства-участники примут национальное законодательство для практической реализации положений указанных договоров. Например, Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением обязывает договаривающиеся государства, подписавшие Конвенцию, принять внутреннее законодательство по данному вопросу (ч. 4, ст. 4). Трудно

¹¹¹ Perenco Ecuador Ltd v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/6, Interim Decision on the Environmental Counterclaim, 11 August 2015 // URL: <https://www.italaw.com/cases/819> (дата обращения: 11.06.2023)

¹¹² Urbaser v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/07/26, Award, 8 December 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1144> (дата обращения: 11.06.2023)

интерпретировать положения этой Конвенции как устанавливающие юридические обязанности, которые могут быть реализованы в отношении негосударственных субъектов. На основании данной позиции арбитраж в деле Урбасера отклонил встречный иск Аргентины, однако принял его во внимание при рассмотрении требований Урбасера, которые были удовлетворены лишь частично.

Инвесторы также могут использовать арбитраж, чтобы принудить государства исполнять международные экологические обязательства. При условии, что законы принимающего государства налагают на государство обязательства в отношении защиты окружающей среды, инвестор может иметь возможность требовать возмещения ущерба в связи с невыполнением государством своих обязательств в области экологии, если такое невыполнение нанесло ущерб защищенным соглашениями инвестициям¹¹³.

Кроме того, инвестор может подать иск о нарушении эколого-правовой нормы на основании национального или международного права со ссылкой на режим международного минимального стандарта, который подразумевает обеспечение справедливого, равного и безопасного режима для иностранных инвесторов.

В 2015 г. большинство членов международного инвестиционного арбитража, образованного в соответствии с НАФТА, в деле Билкон приняли аргументы инвестора, что правительство Канады нарушило канадское экологическое законодательство, а это также равносильно нарушению режима международного минимального стандарта¹¹⁴. В частности, по мнению инвестора, поведение государственных органов Канады при оценке экологической ценности проекта носило дискриминационный характер. Претензия касалась предлагаемого мусорного карьера и морского терминала в провинции Новая Шотландия. Утверждения о нарушении были связаны с исследованием результатов

¹¹³ См.: Peter A. Allard v. The Government of Barbados, PCA Case No., 2012-06, Award, 27 June 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/4327> (дата обращения: 11.06.2023)

¹¹⁴ См.: Bilcon of Delaware Inc. v. Government of Canada, UNCITRAL, PCA Case No. 2009-04 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1588> (дата обращения: 11.06.2023)

длительной экологической экспертизы, проведенной группой экспертов правительства Канады. После решения об ответственности Канада обратилась в свой федеральный суд с требованием отменить арбитражное решение о юрисдикции и ответственности на том основании, что суд превысил свою юрисдикцию и решение противоречит публичному порядку Канады. Эта проблема остается нерешенной. В контексте экологического регулирования в последующем решении по делу Меса¹¹⁵ арбитраж НАФТА проявил более высокую степень уважения к государству-ответчику при реализации мер регулирования в контексте возобновляемой энергетики.

В сентябре 2009 г. канадский инвестор Питер Аллард подал иск против Барбадоса в Постоянный арбитражный суд в связи с нарушением, по его мнению, Барбадосом положений Соглашения между правительством Канады и правительством Барбадоса о взаимном привлечении и защите инвестиций, подписанного 29 мая 1996 г. В частности, инвестор утверждал, что его инвестиции в размере 35 млн долл. США в проекте экологического туризма на Барбадосе (заповедник Грэм-Холл) подверглись косвенной экспроприации из-за невыполнения Барбадосом своих экологических обязательств. В контексте режима минимального международного стандарта арбитраж по делу Аллард против Барбадоса предположил, что международные экологические обязательства государства «вполне могут иметь отношение к применению стандарта (полной защиты и безопасности) к конкретным обстоятельствам», хотя в итоге отклонил требование истца о возмещении¹¹⁶.

Результаты рассмотрения указанных дел подчеркивают возможность использования в международном инвестиционном арбитраже эколого-правовых нарушений в качестве основания для взыскания ущерба как государствами, так и инвесторами.

¹¹⁵ См.: Mesa Power Group LLC v. Government of Canada, PCA Case No. 2012-17, Award, 24 March 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1619> (дата обращения: 11.06.2023)

¹¹⁶ См.: Peter A. Allard v The Government of Barbados, para. 244. // URL: <https://www.italaw.com/cases/4327> (дата обращения: 11.06.2023)

Ответом на потребность расширения защиты прав человека и защиты окружающей среды в контексте международных инвестиционных споров может являться разработанная представителями зарубежной международно-правовой доктрины¹¹⁷ концепция права на регулирование¹¹⁸, основная идея которой заключается в том, что регулятивные меры, принятые государствами в публичных интересах и при отсутствии дискриминации, не влекут ответственности по ДИД.

Концепция права на регулирование отличается от кажущихся похожими ситуаций, когда государства включают в свои международные договоры специальные положения, дающие им право принимать односторонние регулирующие меры, не соответствующие их обязательствам по международным договорам.

Рассмотрение данной концепции и практического применения представляется важной исследовательской задачей вследствие проведенной в России конституционной реформы, в рамках которой «ограничивается применение решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащим Конституции РФ, и они не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹¹⁹. В данном контексте концепция «права на регулирование» может использоваться представителями Российской Федерации при проведении переговорного процесса по вопросу заключения новых международных инвестиционных соглашений и при формировании позиции России в международных инвестиционных арбитражных процессах для реализации положений Конституции РФ.

¹¹⁷ См.: Titi C. *The Right to Regulate in International Investment Law (Revisited)*. Nomos & Hart Publishing. 2022.

¹¹⁸ При отсутствии адекватного эквивалента данного понятия на русском языке будет использоваться буквальный перевод англоязычного термина «right to regulate».

¹¹⁹ См.: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2020. С. 86.

Вопрос баланса между защитой инвесторов и правом на регулирование является ключевым в текущих дебатах об инвестиционных договорах и политике правительств в отношении договоров. Большая часть текущей критики договоров сосредоточена на их предполагаемом влиянии на право регулирования государств. Напротив, защитники существующей международной договорной практики в инвестиционной сфере утверждают, что договоры защищают инвесторов от произвольных действий государств-реципиентов, а сами инвестиционные соглашения положительно сказываются на качестве государственного регулирования.

На данный момент наблюдается четкая тенденция, в частности проявляющаяся в положениях Всеобъемлющего торгового и экономического соглашения между Европейским Союзом и Канадой, на ограничение возможностей инвесторов на взыскание убытков через УСИГ по вопросу нормативной политики государств-реципиентов, принимаемой в общественно значимых целях¹²⁰. В то же время положения большинства инвестиционных договоров могут служить для инвестора основанием подачи иска в арбитраж по фактически любым вопросам государственной политики, если в результате ее проведения инвестор оказался в убытке. В то же время государства могут экспроприировать собственность инвесторов или дискриминировать инвесторов, и, соответственно, очень важно предоставить инвесторам возможность защиты от неправомерных действий государств-реципиентов.

Национальные правовые системы предоставляют инвесторам один вариант защиты – судебную систему, использование которой несет для инвестора политический риск, заключаемый в недостаточной независимости судов в различных государствах. Также национальное законодательство нередко предлагает инвесторам нематериальные методы защиты, в то время как

¹²⁰ Статья 8.9 СЕТА Инвестиционные и регулирующие меры: «1. Для целей настоящей главы Стороны подтверждают свое право осуществлять регулирование на своих территориях для достижения законных политических целей, таких как охрана здоровья, безопасности, окружающей среды или общественной морали, социальная защита или защита прав потребителей или поощрение и защита культурного разнообразия»

возмещение ущерба как средство правовой защиты, доступное в соответствии с договорами, может иметь большую сдерживающую силу¹²¹.

Отметим, что большие суммы исков и итоговых взысканий подрывают возможности для государств по реализации ЦУР, так как последние требуют существенных бюджетных расходов на выплаты компенсаций инвесторам.

Положения инвестиционных соглашений дают инвесторам дополнительную защиту, которая обладает минимизированным количеством политических рисков в отношениях с государствами-реципиентами. Однако защита различных инвесторов может усложнить процесс государственного регулирования в общественно значимых целях, таких как защита и реализация экономических, социальных и экологических прав человека, следовательно, затруднить реализацию ЦУР.

Важным аспектом остается роль избранных законодательных органов, которые в большинстве государств разрабатывают и принимают основной нормативно-правовой массив в форме законодательных актов. Так, ученый-международник Мартти Коскенниemi раскритиковал возможное влияние проекта Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства на передачу регулирующих полномочий от национальных публичных органов к арбитражным инстанциям. Он отмечает, что «по сути, это передача власти от органов государственной власти арбитражному органу, в котором будет находиться горстка людей, которая может определять, может ли страна принимать закон или нет, и как этот закон должен толковаться»¹²². Он и другие критики международного инвестиционного арбитража указывают на ряд случаев, которые иллюстрируют, что государственное регулирование в ключевых сферах чрезмерно подчинено решениям международных инвестиционных арбитражей.

¹²¹ См.: Gaukrodger D., Gordon K. Investor-State Dispute Settlement: A scoping paper for the investment policy community // OECD Working Paper on International Investment 2012/03, Annex IV.

¹²² Jussi Konttinen & Alexsi Teivainen, Professor: Finland's legislative power may be in jeopardy / Helsinki Times (15 December 2013)

К таким случаям относят, например, иски концерна «Ваттенфалл» на 1,4 и 4,7 млрд евро к Германии в соответствии с Договором к Энергетической хартии, касающиеся решения Германии ускорить отказ от атомной энергетики после трагедии на Фукусиме, что, по мнению Ваттенфалл, наносило ущерб деятельности компании. В результате первого дела Германии пришлось скорректировать свой план отказа от атомной энергетики, а также выделить Ваттенфалл грант на обновление и реконструкцию атомных электростанций¹²³. В данном вопросе политика Германии соответствует ЦУР, в частности цели 7, которая предполагает обеспечение доступа населения к безопасной и устойчивой энергии.

В контексте этого дела и аналогичных процессов лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц раскритиковал «предполагаемую трансформацию цели инвестиционного договора». В частности, он указывает, что положения инвестиционных соглашений «больше не предназначены для защиты прав собственности в обмен на ПИИ, вместо этого они стали оружием в борьбе с государственным регулированием»¹²⁴.

Государства, проводя современную инвестиционную политику, все чаще начинают процесс ревизии международных инвестиционных соглашений. Например, была пересмотрена инвестиционная политика Южной Африки. В рамках проведенного обзора был сделан вывод, что положения ДИД и практика международных инвестиционных арбитражей несут неприемлемо высокие риски для реализации права государства осуществлять регулирование в общественных интересах¹²⁵.

¹²³ CEO/TNI, The Right To Say No, Issue Brief, May 2013 (addressing perceived threat from CETA to fracking ban).

¹²⁴ Stiglitz J. E. The secret corporate takeover. May 13, 2015 Project Syndicate. // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-secret-corporate-takeover-by-joseph-e--stiglitz-2015-05?barrier=accesspaylog>.

¹²⁵ См.: Kumar, Supragya, Investor Protection in South Africa. URL: <https://ssrn.com/abstract=2399466> (дата обращения: 11.06.2023)

Аналогичный пересмотр своей политики Индии в отношении ДИД также был связан с опасением экспертов, что заключаемые инвестиционные соглашения ограничивают право государства на регулирование¹²⁶.

В качестве примера изменений, необходимых для интеграции целей устойчивого развития в международно-правовое регулирование инвестиций, которые вносятся в существующие ДИД, а также отражаются в проектируемых региональных инвестиционных соглашениях, можно привести конкретизацию категории «справедливого и равноправного режима» (режима минимального международного стандарта, который ранее рассматривался в контексте защиты окружающей среды).

Например, в процессе истолкования условий ДИД между Великобританией и Колумбией, обе стороны согласились и подтвердили понимание того, что гарантия обеспечения справедливого и равноправного режима не предполагает стабилизационную оговорку, при которой каждой из сторон допускается принятие необходимых регулятивных мер, под условием их осуществления в соответствии со стандартами справедливости и равноправия¹²⁷.

Это означает, что, когда была заключена данная сделка, отправной принцип был не в существовании стабилизационной оговорки, которая делает законодательство неприкосновенным и неизменным для инвестиций. Вместо этого, их подход заключался в том, что каждая сторона имеет право принять необходимые регулятивные меры для защиты своих интересов, при условии соблюдения принципов справедливости и равноправия, чтобы гарантировать обоюдно выгодное сотрудничество.

Международное право также предусматривает иные механизмы и подходы для определения условий применения концепции права на регулирование. К ним

¹²⁶ См.: Prabhash Ranjan, *India and Bilateral investment Treaties: A Changing Landscape*, 29(2) // *ICID Review - Foreign Investment Law Journal* (2014). P. 419–450.

¹²⁷ Understanding with regard to Fair and Equitable Treatment in the Bilateral Investment Agreement between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Republic of Colombia. URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3255> (дата обращения: 15.04.2018).

относятся так называемые «тест на пропорциональность» и «тест на необходимость».

Тест на пропорциональность – это особый подход, которым правительства могут определить, насколько предполагаемые регулятивные меры соотносятся с их инвестиционной целью. Этот тест обычно требует обеспечения баланса между интересами государства и интересами иностранного инвестора¹²⁸.

С другой стороны, тест на необходимость подразумевает оценку правительством, необходимы ли предполагаемые регулятивные меры для достижения определенной цели. Это может быть важным критерием при оценке возможного вмешательства в права инвестора и при определении того, справедливо ли данное вмешательство в контексте публичного интереса.

Таким образом, эти тесты – это основные инструменты, при помощи которых можно сбалансировать потребность государств в своей регулятивной политике и защите прав и интересов инвесторов. Они способствуют достижению равновесия между принципами справедливости и равноправия, обозначенными в рамках двусторонних инвестиционных соглашений.

Помимо этого, достижение ЦУР невозможно без достаточного уровня государственного вмешательства в экономическую деятельность: ограничение некоторых видов деятельности, повышение налоговой нагрузки, перераспределение части экономической добавленной стоимости транснациональных компаний и в ряде случаев прямое директивное управление экономикой. В то же время указанные действия несут риск убытка для инвесторов, что в дальнейшем явится основанием для подачи иска в международный инвестиционный арбитраж.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что международно-правовые механизмы защиты прав иностранных инвесторов находятся в непрерывном развитии, которое направлено на совершенствование защиты прав

¹²⁸ Шулятьев И. А. Нормативный подход к оценке государственного участия в российской экономике // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 471–475. – EDN BIMZSH.

иностранных инвесторов, а также нахождение баланса между частными и публичными интересами.

При этом на современном этапе основное внимание уделяется УСИГ и, в частности, международному инвестиционному арбитражу, что неудивительно, так как данный механизм является наиболее противоречивым как на практике, так и в юридической доктрине. Данный механизм дает наибольшие гарантии инвесторам, существенно снижает политические риски для них. Однако за предшествующие годы в практике международного инвестиционного арбитража сложилась ситуация, когда интересы инвесторов преобладали над государственными¹²⁹, что ставило под угрозу общественно значимые интересы государств, такие как реализация прав и свобод человека, защита окружающей среды, а значит, и возможность достижения глобального устойчивого развития, однако с 2012 г. ситуация начала меняться, что видно на примере ряда рассмотренных споров¹³⁰.

В заключение отметим, что такие тенденции развития международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов, как усиление межотраслевого взаимовлияния международного права прав человека и международного экологического права на международный инвестиционный правопорядок, закрепление доктрины права на регулирование в международных инвестиционных соглашениях и ее отражение в практике международных инвестиционных арбитражей направлены на достижение баланса интересов государств и инвесторов в рамках УСИГ, что особенно важно в контексте необходимости достижения ЦУР.

§ 2. Регионализация механизмов защиты иностранных инвестиций

Влияние регионализма на различные области общественной жизни (иначе

¹²⁹ В частности, рассмотренные споры Германии и Ваттенфалл.

¹³⁰ Например, дело Питера Алларда.

называемое - глокализация¹³¹), как следствие глобализации – это процесс, который, как отмечает ряд авторов¹³², определяет развитие международных отношений и международного права в 21 веке. Так экономический регионализм является предтечей формирования современной международной экономической системы, которая сложилась в конце XX и начале XXI веков¹³³. В сфере международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов государства для поддержания и развития благоприятной инвестиционной среды и единых рынков капитала формируют единое инвестиционное пространство¹³⁴ (инвестиционный регион¹³⁵).

Первые региональные инициативы в рамках современного международного правопорядка появились в 1950-х и 1960-х годах, но большинство из них не принесли реального результата, однако одна из таких инициатив привела со временем к формированию Европейского союза. С конца 1980-х гг. начался и продолжается по текущий момент новый всплеск региональной интеграции (также называемый «новым регионализмом»). За последние два десятилетия во всем мире прокатилась новая волна политических инициатив, стимулирующих региональную интеграцию, которые привели к формированию ЕАЭС, НАФТА, ТПП, МЕРКОСУР и ряду региональных проектов в Африканском регионе.

Преимущества регионализации в международном экономическом правопорядке, на наш взгляд, выражаются в следующем:

¹³¹ R Robertson *Globalization: Social Theory and Global Culture*. SAGE Publications Ltd. 2000. <https://doi.org/10.4135/9781446280447>

¹³² M. Prost. *The Concept of Unity in Public International Law*. Bloomsbury Publishing. P. 36.

¹³³ M. Hirsch. *The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System* // *The European Journal of International Law*. Vol. 19. No. 2. P. 278.

¹³⁴ Камышевский, В. И. *Международно-правовой механизм инвестиционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Камышевский, В. И. – М., 2013.*

¹³⁵ В этой связи отдельного внимания заслуживает план Европейской комиссии по углублению инвестиционной (экономической) интеграции в рамках ЕС путем создания Союза Рынков Капитала (Capital Markets Union) // *European Commission Press Release Capital Markets Union: an Action Plan to boost business funding and investment financing*. Brussels. 30 September 2015. / URL: http://europa.eu/rapid/pressrelease_IP-15-5731_en.htm?locale=EN. (дата обращения: 11.06.2023).

- «многосторонность» таких соглашений, что позволяет унифицировать международные экономические нормы для множества участников, в отличие от двусторонних экономических соглашений;

- большая гибкость условий, обеспечиваемая меньшим количеством участников, по сравнению с универсальными международными договорами, что позволяет учитывать экономические особенности участников и отводить им конкретные сектора в региональном разделении труда.

Актуальность регионализации в современном международном правопорядке растет на фоне ускорения фрагментации международного правопорядка из-за эпидемии COVID-19 и использованием рядом государств так называемых «санкций», которые приводят к разрыву международных экономических связей на глобальном уровне. Введенные противоправные меры недружественных государств против Российской Федерации, Китайской Народной Республики и их партнеров увеличивает необходимость создания новых региональных режимов¹³⁶.

Регионализация является важным элементом развития и международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов на современном этапе. С одной стороны, переход к многосторонним инвестиционным соглашениям (далее – МИС) от двухсторонних инвестиционных соглашений (далее – ДИД) неизбежен, с другой стороны, невозможно достичь политического компромисса между государствами для заключения глобального соглашения. Также с учетом политической обстановки регионализация позволяет создавать новые формы и решения в рамках международно-правовых механизмов защиты прав инвесторов.

В соответствии с докладом ЮНСИТРАЛ, только на момент 2013 г. не менее 110 стран участвовали в 22 переговорах по региональным соглашениям. При

¹³⁶ Шумилов В. М. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 5. С. 9-16. DOI 10.24412/2072-8042-2023-5-9-16. EDN OMPJTJ.

этом, данные обсуждения следовали за заключением восьми региональных многосторонних инвестиционных соглашений в 2012 году с участием 49 стран Азии, Европы, Северной и Южной Америки¹³⁷.

Все это обосновывает необходимость оценки влияния регионализации на международный инвестиционный правопорядок и, в частности, на защиту прав иностранных инвесторов. Чтобы это сделать необходимо в первую очередь рассмотреть современное научное и официальное понимание категории «регионализация» и соотношение ее с глобализацией в международно-правовых доктринах и практике.

Категории «глобализация» и «регионализация» являются многоаспектными и включают в себя как международно-правовые аспекты, так и экономические, политические, теоретические и практические аспекты¹³⁸. В международном праве нет единого общепринятого определения данных категорий, однако они используются в документах, актах и рекомендациях ВТО, ОЭСР и Всемирного банка и других международных организаций, занимающихся регулированием международной торговли и инвестиций¹³⁹.

Согласно позиции документам, размещенным на официальном сайте ООН, «глобализация – это процесс интеграции в разных областях человеческой деятельности, протекающий в общемировых масштабах и характеризующийся увеличением уровня взаимозависимости различных правовых, культурных, политических и экономических систем»¹⁴⁰.

Следовательно, регионализация – это аналогичный процесс, но на уровне географического или политического региона. Джозеф Най определил международный регион «как ограниченное число государств, связанных

¹³⁷ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/webdiaepcb2013d8_en.pdf (дата обращения: 11.06.2023)

¹³⁸ Лукашук И. Глобалистика: новый уровень мышления // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 71-72. EDN UGLNBD.

¹³⁹ Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. / М. : Проспект, 2009. 400 с.

¹⁴⁰ URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/globalization-wpay.html#:~:text=A.-.Globalization,world%2C%20both%20economically%20and%20culturally>. (дата обращения: 11.06.2023)

географическим родством и степенью взаимозависимости», а (международный) регионализм как «образование межгосударственных ассоциаций или группировок на основе регионов»¹⁴¹. В то же время практика создания региональных организаций, объединений, партнерств и иных форм сотрудничества показывает, что помимо географического фактора, важную роль играет фактор политической близости, так Европейский союз не ограничивает членство географией, а для Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения ЕС и Канады (СЕТА) и иных мегарегиональных соглашений географический фактор не играет такой роли, как политическая и экономическая близость, такие «регионы» принято называть «политическими»¹⁴².

Стоит отметить, что регионализацию можно обозначить, как диалектическую противоположность глобализации. На региональном уровне гораздо проще реализовать согласование воли, так проявление этого мы можем наблюдать в праве Европейского Союза¹⁴³. А.И. Ковлер отмечает, «федералистский метод согласования интересов» Европейской интеграции оказался наиболее эффективным и продуктивным¹⁴⁴. Также регионализация позволяет упрощать глобализацию за счет универсализации норм в «регионах», сокращения влияния двустороннего международно-правового регулирования, на региональном уровне проще преодолеть «автономизацию» специализированных правовых режимов, что в универсальном международном праве на текущем этапе непреодолимо¹⁴⁵.

¹⁴¹ J. Nye, *International Regionalism*. LITTLE BROWN & COMPANY, 1968, 432 p.

¹⁴² Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М.: Наука, 1988. С. 51.

¹⁴³ Договор, учреждающий Европейское сообщество и Договор о Европейском Союзе (в редакции Ниццкого Договора 2001 г.). // URL: www.eurocollege.ru/files/infcenter/Treaty-EU-EC-Nice_rus.doc. (дата обращения: 12.06.2023); Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (2007/С 306/01) // *Official Journal of the European Union* 2007, № 306, 17.12.2007.

¹⁴⁴ Ковлер А.И. Европейская интеграция: впечатляющие результаты «Федерализации» и обостряющиеся проблемы // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. №4 (56).

¹⁴⁵ Ануфриева Л. П. Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки) // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество* : ежегодник, Москва, 06–07 октября 2021 года. Том Выпуск 5. Часть 1. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 356-360. EDN XNSOAG.

Противоречия регионализации и глобализации можно увидеть в докладе 2006 г. исследовательской группы под руководством М. Коскенниemi (M. Koskenniemi) «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы действия международного права». Так отмечается, что регионализм имеет три значения: «(1) совокупность подходов и методов изучения и толкования международного права, характерных для конкретного региона; (2) особую технику международного нормотворчества; (3) стремление государств ограничить действие или изменить содержание универсальных положений международного права в рамках определенного географического региона»¹⁴⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хоть глобализация и регионализация и являются частями одного процесса и взаимозависимы, они все же во многом противоречат друг другу. Регионализация международного права, как было упомянуто ранее, способствует преодолению проблем универсального (глобального) международного правопорядка. Вместе с тем она служит примером «фрагментации» этого порядка и в некоторых случаях даже подрывает его основы. Примеры этого можно найти в решении Суда ЕврАзЭС по делу № 1-7/2-2013 от 24 июня 2013 г.¹⁴⁷, с которым связывают появление концепции «особости» правопорядка ЕС, и решение Суда ЕС по делу Кади¹⁴⁸, фактически закрепившее приоритет «основ правопорядка ЕС» над положениями Устава ООН¹⁴⁹.

Рассмотрев категорию «регионализации» в международно-правовой доктрине и ее соотношение с категорией «глобализации» стоит вернуться к

¹⁴⁶ Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law // URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1682.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁴⁷ Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества, № 2, 2013.

¹⁴⁸ Joint Cases C-402/05 P and C-415/05 P [2008] ECR I-6351.

¹⁴⁹ Энтин М. Л. Установление косвенной юрисдикции Суда ЕС над резолюциями Совета Безопасности ООН. // <http://www.alleuropa.mgimo.ru/ustanovlenie-kosvennoy-iurisdiksii-suda-es-nad-rezoliutsiyami-soveta-bezopasnosti-oon>. (дата обращения: 21.10.2015); Исполинов А.С. Суд Европейского союза, Ясин Кади и статья 103 Устава ООН // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 27–35; А.С. Исполинов, Ануфриева А. А. Право ЕС и международное право: последствия нового подхода Суда ЕС к договорам, заключенным государствами членами с третьими странами // Евразийский юридический журнал. 2011. № 3 (34). С. 66–71.

основной проблематике данной работы. В рамках этого стоит отметить, что регионализация дает возможность рационализировать международный инвестиционный правопорядок. Если стороны девяти текущих региональных переговоров решат заменить свои соответствующие ДИД инвестиционной главой в региональном соглашении, это объединит сегодняшнюю глобальную сеть ДИД более чем на 270 ДИД или закроет на десять процентов.

При этом регионализация позволяет вводить необходимые правовые новации, более качественно балансировать интересы государства и инвесторов, а тренд на общеэкономические соглашения позволяет решить больше проблем с «правом на регулирование», так как охватывает существенно больше аспектов государственной политики¹⁵⁰.

Вопрос регионализации в международных инвестициях чрезвычайно обширен и сопровождается большим объемом доктринальных исследований¹⁵¹, для систематизации которой, необходимо рассматривать данный вопрос в отдельности. В рамках настоящей статьи необходимо отметить, что именно на региональном уровне появляются первые постоянные инвестиционные трибуналы.

Так недавние инвестиционные договоры, заключенные между ЕС и третьими странами, предусматривают отход от традиционного специального механизма урегулирования споров между инвесторами и государством (УСИГ) и относятся к постоянному и институциональному двустороннему инвестиционному суду (система инвестиционных судов). После консультаций с общественностью и экспертами Европейская комиссия рекомендовала Совету ЕС 13 сентября 2017 г. начать международные переговоры с целью «иметь одно

¹⁵⁰ Матвеев В. В. Тенденции развития международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов в контексте целей устойчивого развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 127–136. DOI: 10.12737/jflcl.2022.017

¹⁵¹ Например: Wolfgang Alschner, Regionalism and Overlap in Investment Treaty Law: Towards Consolidation or Contradiction?, // Journal of International Economic Law, Volume 17, Issue 2, June 2014, Pages 271–298, <https://doi.org/10.1093/jiel/jgu025>; Calamita, N. Jansen, Sattorova, Mavluda The Regionalization of International Investment Treaty Arrangements (Investment Treaty Law: Current Issues)

многостороннее учреждение для разрешения инвестиционных споров», а не нескольких двусторонних инвестиционных судов¹⁵². Совет принял директивы по ведению переговоров 20 марта 2018 г.¹⁵³

Решение Суда Европейского союза, признавшего арбитражную оговорку, содержащуюся в двустороннем инвестиционном договоре между Голландией и Словакией, несоответствующей Договору об учреждении Европейского союза, оказало значительное влияние на более чем 190 двусторонних инвестиционных договоров, заключенных между государствами-членами ЕС, а также текущие международные инвестиционные споры. Это решение изменило практику разрешения инвестиционных споров и повлияло на многие международные и внутренние инвестиции ЕС¹⁵⁴.

Наибольший результат данных процессов можно увидеть в СЕТА, в данном соглашении впервые были введены инвестиционные трибуналы и прямо установлено «право на регулирование» государств-участников.

Одновременно с этим в Европейском регионе процесс регионализации затрагивает не только механизм УСИГ, но и механизм предоставления гарантий, для данных целей используются Европейский банк реконструкции и развития и Европейский инвестиционный банк.

Регионализация — это процесс, который не ограничивается только Европой, Азией или Северной Америкой. Он затрагивает все регионы мира и проявляется в различных формах. Например, в Африке развивается новый регион с региональными инвестиционными инициативами. Региональные организации, такие как Африканский Союз (АС), Общий рынок Восточной и Южной Африки

¹⁵² European Commission, Impact assessment of the multilateral reform of investment dispute resolution, 13 September 2017, COM (2017) 493 final. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017SC0302&from=LV> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵³ Submission of the European Union and its Member States to UNCITRAL Working Group III, Establishing a standing mechanism for the settlement of international investment disputes, 18 January 2019. // URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/multilateral-investment-court-project/relevant-documents_en (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵⁴ Исполинов А. С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 2. После дела Achmea // Российский юридический журнал. 2021. № 3(138). С. 31-48. DOI 10.34076/20713797_2021_3_31. EDN WPEJAC.

(COMESA) и другие, стремятся расширить сети двусторонних соглашений и сотрудничать в рамках более крупных проектов. Примером может служить создание общеафриканской зоны свободной торговли, которая включает интегрированную политику иностранных инвестиций и Панафриканский инвестиционный кодекс. Несмотря на то, что этот грандиозный план еще не осуществлен, африканские государства используют регионализм как основу для развития экономики.

Наконец, развитие международного инвестиционного права в Африке имеет место не только благодаря политике государств, но и благодаря экспертам и ученым, которые работают над проектами и документами¹⁵⁵. Например, при разработке Панафриканского инвестиционного кодекса (ПАИС) были использованы африканские эксперты, а Принципы международных инвестиций для устойчивого развития в Африке были разработаны Африканским сообществом международного права. Такой подход не означает изоляции Африки от международных дискуссий, наоборот, он помогает реализовать проекты управления инвестициями, отражающие ценности и представления африканских государств.

Современная система МИС славится своей сложностью, непоследовательностью, а также наличием пробелов и перекрывающих друг друга положений. Возрастающее влияние регионализма на формирование международной инвестиционной политики представляет собой уникальный шанс для того, чтобы оптимизировать и систематизировать существующий порядок, представив более консистентный, управляемый и ориентированный на развитие набор инвестиционных стратегий. Однако на практике регионализация, скорее, движется в прямо противоположном направлении, что фактически приводит к увеличению количества договорных уровней, усугубляя сложность сети

¹⁵⁵ Schill S. W. (2017). Editorial: The New (African) Regionalism in International Investment Law // *The Journal of World Investment & Trade*, 18(3). С. 367–369. doi: <https://doi.org/10.1163/22119000-12340052> (дата обращения: 12.06.2023).

международных инвестиционных обязательств и делая её еще более подверженной дублированию и непоследовательностью.

Таким образом, несмотря на представленные возможности, связанные с развитием региональных подходов к разработке инвестиционной политики, мы наблюдаем интенсификацию проблем, характерных для многосторонних инвестиционных соглашений. Остается открытым вопрос о том, как можно добиться оптимизации и упрощения системы МИС, и наше представление о ней требует дальнейшего обсуждения и исследования. Проблема создания управляемой, последовательной и ориентированной на развитие системы международных инвестиционных обязательств остаётся актуальной и ждёт своего решения.

Исследование соглашения Всестороннего регионального экономического партнерства¹⁵⁶ (далее – RCEP) позволяет приблизиться к пониманию особенностей новых структур международного права в сфере экономики. Это соглашение, включающее в себя 15 стран Азии и Тихоокеанского региона, представляет собой одно из самых крупных соглашений в области свободной торговли¹⁵⁷.

Начиная с 2012 года, страны-участницы продолжали переговоры в течение почти десятилетия, прежде чем был подписан окончательный договор 15 ноября 2020 года¹⁵⁸. Соглашение RCEP охватывает диапазон вопросов, включая торговлю товарами и услугами, инвестиции, экономическую и техническую кооперацию, интеллектуальную собственность и диспуты по решению вопросов.

Одним из ключевых моментов RCEP является его потенциальная возможность усиления экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском

¹⁵⁶ Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. // URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/All-Chapters.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵⁷ Capri Alessandro A Preliminary Assessment of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // ADB Briefs. 2022. <http://dx.doi.org/10.22617/BRF220009-2>

¹⁵⁸ Short overview of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // European parliament URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI\(2021\)653625_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI(2021)653625_EN.pdf) (дата обращения: 11.06.2023)

регионе. По сравнению с другими подобными инструментами, такими как СРТРР (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) и EUASEAN (соглашение между Европейским союзом и АСЕАН), RCEP имеет амбициозные цели по глубине и широте интеграции¹⁵⁹.

Курс на глубокую экономическую интеграцию может быть легко заметен в соглашении RCEP: это относится не только к торговле товарами и услугами, но и к регулированию инвестиций, прав интеллектуальной собственности и других вопросов. При этом важность RCEP усиливается на фоне текущих международных трендов, в частности, продолжающейся торговой войны между Китаем и США.

Однако, как и многие другие международные соглашения, RCEP не без критики. Некоторые исследователи указывают на его недостаток для защиты рабочих и окружающей среды, а также слабое выполнение обязательств в области человеческих прав.

Несмотря на критику, соглашение RCEP является важным шагом в формировании мирового экономического порядка. Оно сигнализирует о перемещении экономического центра тяжести в Азиатско-Тихоокеанский регион и отражает стремление здешних стран к увеличению своего влияния на мировую экономику.

В то же время в рамках RCEP происходит отказ от использования механизмов УСИГ, несмотря на наличие развитой главы о регулировании вопросов, связанных с инвестированием, сам механизм защиты иностранных инвестиций не формируется, оставляя данный вопрос в юрисдикции национальных судов.

Еще одним новым региональным соглашением стало Соглашение между Соединенными Штатами Америки, Мексиканскими Соединенными Штатами и

¹⁵⁹ Katigbak Jovito, RCEP and the Future of Asian Free Trade Agreements: A Philippine Perspective. Center for International Relations and Strategic Studies. 2017. ISSN 2423-2912 (Print), ISSN 2423-2920 (Online). 4 p.

Канадой¹⁶⁰ (далее – USMCA). Соглашение USMCA было подписано 30 ноября 2018 года в аргентинском Буэнос-Айресе президентом США Дональдом Трампом, премьер-министром Канады Джастином Трюдо и президентом Мексики Энрике Пеньето Ньето.

USMCA заменяет НАФТА, которое вступило в силу в 1994 году. Основными целями соглашения являются усиление экономической интеграции и сотрудничество между странами в области окружающей среды, трудовых прав и цифровой торговли¹⁶¹.

Среди важнейших элементов соглашения - повышение уровня доступа к молочным продуктам Канады для США и Мексики, обязательство 75% автомобильных компонентов производиться в Северной Америке (вместо предыдущего показателя 62,5% в НАФТА) и обязательство 40–45% автомобильных компонентов производиться работниками, зарабатывающими не менее \$16 в час¹⁶².

Однако соглашение USMCA не без критики. Кроме прямых и косвенных экономических эффектов, это соглашение вызывает опасения по поводу своих возможных последствий для мирового правопорядка, поскольку оно может привести к редуцированию многосторонних торговых механизмов¹⁶³.

Согласно главе USMCA, о инвестициях:

- инвесторы из Канады или Соединенных Штатов больше не будут иметь доступ к механизмам УСИГ против этих стран;

¹⁶⁰ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. // URL: <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/tradeagreements-accords-commerciaux/agr-acc/cusma-aceum/text-texte/toctdm.aspx?lang=eng> (дата обращения: 11.06.2023)

¹⁶¹ Дементьев А. А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA // Государство и право. 2022. № 1. С. 179-187. DOI 10.31857/S102694520011081-0. EDN МАСТКФ.

¹⁶² The Economic Relationship Between the United States, Canada, and Mexico": Earl Anthony Wayne Testifies before the U.S. Senate Committee on Foreign Relations January 30, 2018. // URL: <http://uschnews.com/the-economic-relationship-between-the-united-states-canada-and-mexico-earl-anthony-wayne-testifies-before-the-u-s-senate-committee-on-foreign-relations/> (дата обращения: 11.06.2023)

¹⁶³ Gary Clyde Hufbauer and Jeffrey J. Schott Under the Hood, the USMCA Is a Downgrade for North America / URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/under-hood-usmca-downgrade-north-america> (дата обращения: 11.06.2023)

- в основном этот же режим, который применялся по НАФТА, будет применяться по USMCA к иностранным инвесторам, которые являются «участниками закрытых государственных контрактов» и относятся к пяти «закрытым секторам»: (i) нефть и газ; (ii) генерация электроэнергии; (iii) телекоммуникации; (iv) транспорт; и (v) инфраструктура;

- менее благоприятный режим будет применяться ко всем остальным иностранным инвесторам по USMCA, которые могут обращаться к системе УСИГ USMCA для реализации ограниченного числа претензий и должны сначала защищать свои претензии в местных судах перед началом арбитража.

Инвесторы смогут подать новые претензии по НАФТА до 1 июля 2023 года, при условии, что спор возникает из инвестиций, сделанных, когда НАФТА еще действовала, и оставался «в силе» 1 июля 2020 года.

Аналогично в Евразийском регионе (на территории постсоветского пространство) идут активные процессы регионализации, основными акторами, в которых выступают ЕАЭС и СНГ.

Договор о Евразийском экономическом союзе¹⁶⁴ (далее – Договор о ЕАЭС) был подписан 29 мая 2014 года и вступил в силу 1 января 2015 года. Союз создан на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства и включает в себя Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию.

Основная цель Евразийского экономического союза - обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также координация, согласование и единство экономической политики в области экономики его членов на принципах равноправия и взаимной выгоды.

Приложение № 16 «Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций» Договора о ЕАЭС устанавливает правовые гарантии иностранным инвесторам из государств-членов ЕАЭС и

¹⁶⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 08.05.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2023).

государствах-реципиентах ЕАЭС, в частности гарантии от национализации инвестиций, а также право на суброгацию требований.

В п. 6 данного протокола также устанавливается порядок УСИГ в рамках ЕАЭС, предполагающий достаточно классический набор, так устанавливается, что сначала спор должен разрешаться с помощью переговоров, при невозможности разрешить спор с помощью переговоров инвестор через 6 месяцев может передать спор на рассмотрение: может быть передан по выбору инвестора на рассмотрение:

1) суда государства-реципиента, компетентного рассматривать соответствующие споры;

2) международного коммерческого арбитража при торговой палате любого государства, согласованного участниками спора;

3) арбитражного суда ad hoc, который, если стороны спора не согласятся на иное, должен быть создан и действовать согласно Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ);

4) Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, созданного в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года, для разрешения спора в соответствии с положениями этой Конвенции (при условии, что она вступила в силу для обоих государств-членов сторон спора) или в соответствии с Дополнительными правилами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (в случае если Конвенция не вступила в силу для обоих или одного из государств-членов сторон спора).

Аналогично Европейскому региону в Евразийском создаются механизмы защиты иностранных инвестиций, не только направленные на разрешение споров, но и, например, механизмы гарантий. Помимо уже обозначенного права на суброгацию права требования инвестором своему государству или государству-

гаранту, на территории ЕАЭС была создана Евразийская перестраховочная компания¹⁶⁵.

Одновременно с этим продолжается работа по созданию единого инвестиционного пространства в рамках СНГ, в рамках продолжения данной работы в рамках Конвенция о защите прав инвестора¹⁶⁶ и Соглашения стран СНГ от 24.12.1993 «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности»¹⁶⁷ (прим. авт. Российская Федерация не является участником данных соглашений), 8 июня 2023 года в городе Сочи на заседание Совета глав правительств СНГ было подписано Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций¹⁶⁸.

Региональные соглашения имеют долгий период жизни и в процессе своего существования могут обретать новые формы и контексты. В одном случае они могут предусмотреть полную замену ряда существующих международных соглашений, а в другом - возможность сосуществования с ними или же вовсе не обозначения данной проблематики.

К примеру, Соглашение о свободной торговле между Центральной Америкой и Мексикой. В данном контексте оно предусматривает замену ряда предшествующих международных соглашений. С другой стороны, есть и такие соглашения, которые не включают в себя обозначения по данной проблеме прямым текстом.

Тут как раз всплывает роль норм Венской конвенции о праве международных договоров 1964 года. Именно эти нормы могут стать своего рода «светофором» в понимании вопроса последующих договоров, которые затрагивают один и тот же предмет.

¹⁶⁵ "Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании" (Заключено в г. Ереване 20.10.2022) (вместе с "Уставом Евразийской перестраховочной компаниями") // Офиц. Сайт Правительства Российской Федерации URL: <http://government.ru/docs/all/142809/> (дата обращения: 11.06.2023)

¹⁶⁶ Конвенция о защите прав инвестора (заключена в г. Москве 28.03.1997) // "Вестник ВАС РФ", N 8, 1997

¹⁶⁷ Соглашение стран СНГ от 24.12.1993 «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество", N 5, 1993

¹⁶⁸ Страны СНГ подписали соглашение о свободной торговле услугами // Информационное агентство ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/17964363> (дата обращения: 11.06.2023)

Стоит отметить, что параллельное существование таких «старых» международных соглашений и современных региональных соглашений с содержанием инвестиционных положений может повлечь за собой системные последствия. Это выражается в порождении целого ряда разнообразных юридических и политических вопросов.

Одним из основных вопросов, который встаёт перед нами сегодня, является проблематика несовпадений и противоречий между различными договорами. Главный вопрос здесь - как следует поступать, когда такие ситуации возникают и как решать проблемы, порождённые возникшими разногласиями.

В частности, некоторые международные инвестиционные договоры содержат специальные «коллизийные правила». Они дают указания, какой именно договор будет действовать в случае противоречий между ними¹⁶⁹. Однако не все договоры включают в себя подобные правила. Если правил для решения противоречий в договоре нет, то применяются общие нормы международного права, которые закреплены в Венской конвенции о праве международных договоров 1964 года.

Одна из проблем в контексте ситуации с противоречиями – это параллелизм. Он создаёт ситуации, когда в одной и той же стране одна и та же государственная мера может быть оспорена одним и тем же инвестором два раза, но уже с применением двух разных юридических инструментов.

Параллелизм также лежит в основе системных проблем дублирования, непоследовательности и сопутствующего отсутствия прозрачности и предсказуемости, возникающих из-за многогранного, многоуровневого режима МИС. Это добавляет еще один уровень обязательств и еще больше усложняет способность стран ориентироваться в сложной спагетти-миске договоров и проводить последовательную, целенаправленную стратегию МИС.

¹⁶⁹ ст. 32.3 Соглашения об Общем рынке Восточной и Южной Африки (COMESA)

Хотя параллелизм, по-видимому, является преобладающим подходом, текущие региональные переговоры по МИС, тем не менее, представляют собой окно возможностей для консолидации существующей сети ДИД.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что регионализация международного инвестиционного правопорядка и, в частности, международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций дает возможность вводить необходимые правовые новации, более качественно балансировать интересы государства и инвесторов.

В то же время региональные соглашения заключаются сразу по множеству вопросов, что создает тренд на общеэкономические соглашения, которые позволяют преодолеть фрагментацию международного экономического права. Что позволяет реализовать «право на регулирование» государства, так как устанавливает международно-правовые обязанности государства в комплексе, в отличие от двусторонних соглашений о защите и поощрении инвестиций.

Также участие большого числа государства позволяет вводить новые юридические институты, что видно на примере СЕТА, в котором вводятся инвестиционные трибуналы, что с одной стороны обеспечивается возможностью использовать нетиповые инструменты за счет большого числа стран, а с другой стороны экономической или юридико-культурной близостью государств участников таких соглашений.

Также с учетом политической обстановки регионализация позволяет создавать новые формы и решения в рамках международно-правовых механизмов защиты прав инвесторов. Исходя из этого, представляется необходимым формирование собственного многостороннего инвестиционного правопорядка в Евразийском регионе¹⁷⁰.

Одновременно с этим нельзя рассматривать регионализацию, как «панацею» от всех проблем международно-правовых механизмов защиты прав

¹⁷⁰ Капустин, А. Я. Право евразийской экономической интеграции в фокусе международного права / А. Я. Капустин // Государство и право. – 2017. № 6. С. 79-88. EDN YSRZPZ.

иностранных инвесторов, так, как например, создавая с одной стороны возможность для системы международных соглашений в области инвестиции, с другой – региональные соглашения, наоборот, зачастую усугубляют проблему дублирования международных инвестиционных норм.

§ 3. Влияние коррупциогенных факторов на институционализацию механизмов защиты иностранных инвестиций

Современное экономическое право делает упор на транспарентность, которая становится немаловажным фактором и драйвером развития. Транспарентность, подразумевающая открытость органов государственной власти, играет важную роль в современном экономическом порядке и непосредственно направлена в том числе и на противодействие коррупции.

Инструменты, способствующие экономической интеграции и развитию, такие как договоры об инвестициях и инвестиционном арбитраже, действуют при кросс-отраслевом взаимодействии с другими правовыми режимами, такими как международная борьба с коррупцией. В тандеме с преобладанием ДИД значительно возросла роль глобального антикоррупционного режима¹⁷¹.

Современная система борьбы с коррупцией формировалась с 1974 года, когда после скандала с Уотергейтской комиссией стала известна информация об незаконных поступлениях в фонд предвыборной кампании президента США Р. Никсона. Обнаружилось, что промытые денежные средства, полученные незаконно, а также взятки от иностранных лиц, превышали 300 миллионов долларов США. Преступные действия государственных служащих были выявлены не только в США, но и во многих других странах: Венесуэла, Италия, Япония, Гана, Мексика, Иран, Филиппины. Это показало, что проблема

¹⁷¹ См.: Jeswald W. Salacuse, BIT by BIT: The Growth of Bilateral Investment Treaties and Their Impact on Foreign Investment in Developing Countries // 24 INT'L LAW. – 1990. –p. 655-659.

коррупции имеет мировой характер.

В ответ на это США в 1977 году приняли закон, запрещающий взяточничество иностранным должностным лицам. Вплоть до недавнего времени, многие иностранные инвесторы и правительства воспринимали взяточничество как неизбежную часть расходов при ведении бизнеса за пределами своих стран.

Такая укоренившаяся культура взяточничества проникла даже в законодательные акты отдельных стран. Например, до 90-х годов XX века в Германии и Франции взятки, которые выплачивались их корпорациями иностранным чиновникам, считались расходами, не подлежащими налогообложению. Это свидетельствует о том, как глубоко коррупция была укоренившейся в международной бизнес-культуре.

Таким образом, к концу XX века стало очевидно, что без установления эффективного антикоррупционного режима невозможно обеспечить нормальное функционирование международного бизнеса и государственного управления в целом. Именно поэтому современное международное сообщество все активнее внедряет меры по борьбе с коррупцией на всех уровнях.

Стоит указать, что реализация ЦУР также может быть нарушена коррупционными проявлениями. Задача противодействия коррупции охватывается целью 16 ЦУР «Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях», однако институциональное противодействие коррупции необходимо и для реализации других ЦУР.

В докладе Генерального секретаря ООН «О прогрессе на пути к Цели в области устойчивого развития на 2018 год»¹⁷² было сказано об успехах и прогрессе в достижении ЦУР, но также были отмечены и трудности в достижении

¹⁷² UN, Economic and Social Council, Report of the Secretary-General on progress towards the Sustainable Development Goals, 10 May 2018, E/2018/64, P 16. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/secretary-general-sdg-report-2018--EN.pdf>

ЦУР. Согласно данным, приведенным в отчете, достигнутый прогресс недостаточен для достижения ЦУР. В качестве факторов, негативно влияющих на достижение ЦУР, была отмечена коррупция.

Важную роль в противодействии коррупции играет международно-правовой уровень, состоящий из универсальных, региональных и двусторонних международных договоров¹⁷³, таких как Конвенция ООН против коррупции (КПК ООН)¹⁷⁴, Конвенция ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью¹⁷⁵, Конвенция ОЭСР по борьбе с дачей взяток иностранным должностным лицам при совершении международных коммерческих сделок (далее – Конвенция ОЭСР)¹⁷⁶.

Конвенция ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью стала первым обязывающим международно-правовым документом в данной сфере и до сих пор является одним из важнейших международных инструментов в борьбе с коррупцией. Ее роль заключается в определении характера и масштабов транснациональной организованной преступности, выработке механизмов предотвращения и борьбы с коррупцией и другими нарушениями закона, а также оказании значительной поддержки странам-участницам в создании и наращивании своих национальных институтов, способных эффективно бороться с коррупцией и другими формами преступности. Кроме того, в рамках Конвенции ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью проводятся различные мероприятия, направленные на обмен информацией, опытом и передачу технологий между

¹⁷³ Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2019. 384 с. ISBN 978-5-16-012463-6. EDN APSTOG.

¹⁷⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

¹⁷⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

¹⁷⁶ Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1899.

государствами-участниками, что способствует повышению уровня эффективности борьбы с коррупцией в мире.

Конвенция ОЭСР является специализированной конвенцией в области борьбы с коррупцией. Положения данной конвенции помогают эффективно бороться с коррупцией в крупных инвестиционных и инфраструктурных проектах, помогая привлекать инвестиции необходимые для реализации проектов в рамках достижения ЦУР.

КПК ООН – единственный глобальный юридически обязывающий документ по борьбе с коррупцией, мобилизует действия для честного, прозрачного и подотчетного управления. Участниками Конвенции являются 186 государств. КПК ООН поощряет и укрепляет меры по противодействию коррупции, создает единые международные стандарты в данной области. Как отмечает Т. Я. Хабриева КПК ООН «является общепризнанным правовым канонном»¹⁷⁷.

Фактическое осуществление Конвенции государствами-участниками на национальном уровне оценивается с помощью уникального процесса экспертной оценки - Механизма обзора хода осуществления. Механизм способствует достижению целей Конвенции, предоставляет Конференции государств-участников информацию о мерах, принятых государствами-участниками при осуществлении КПК ООН, и трудностях, с которыми они сталкиваются в этой связи, и помогает государствам-участникам выявлять и обосновывать конкретные потребности в технических средствах помощи, а также содействовать оказанию такой помощи. Механизм также продвигает и облегчает международное сотрудничество.

Противодействие коррупции имеет критическое значение для реализации прав человека, стабильного экономического роста и обеспечения качественной

¹⁷⁷ Хабриева Талия Ярулловна Социальный контроль и противодействие коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №4 (65). Ст. 5

окружающей среды, сокращения масштабов нищеты¹⁷⁸.

Помимо универсального и региональных международных договоров в систему актов международного права, регулирующих противодействие коррупции, входят:

- 1) обязательные акты международных организаций;
- 2) практика международных судебных учреждений;
- 3) нормы мягкого права.

Качественная имплементация международно-правовых норм напрямую зависит от действий международных организаций, направленных на трактование, создание механизмов такой имплементации и развитие международного сотрудничества в данной области.

Прогресс в области антикоррупционной законотворческой активности оказывает решающее воздействие на процессы инвестиционного арбитража и, как следствие, на всеобъемлющие процессы международного развития. Однако, антикоррупционное законодательство сталкивается с определенными трудностями, ведь инвестиционные трибуналы не всегда готовы заниматься рассмотрением дел, связанных с коррупционными провинностями.

После кейса *World Duty Free Company Ltd. v. Kenya*¹⁷⁹ в 2006 году инвестиционные арбитражи стали уклоняться от признания своей юрисдикции в случаях, когда принимающие стороны выносят обвинения в коррупции. В результате, когда инвестиционные арбитры отказываются осуществлять свою юрисдикцию, они подрывают защищенность, которую гарантируют инвестиции, и нарушают целостность системы стимулов международных инвестиций, что неизбежно воздействует на развитие государств.

¹⁷⁸ Использование финансовых инструментов и реализация новых конституционных запретов / И. И. Кучеров, М. Цзихун, И. Кастелуччи [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021. 142 с. ISBN 978-5-4365-7694-7. EDN YIHQFF.

¹⁷⁹ *World Duty Free Company v Republic of Kenya*, ICSID Case No. Arb/00/7 // URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (дата обращения: 14.06.2023)

Инвестиционный арбитраж был инициирован как более эффективный механизм для поддержки инвестиций, поскольку он нацелен на содействие развитию и поддержание мира. Но все же специализированные международные инвестиционные трибуналы не выполняют своей изначальной миссии тогда, когда они отказываются регулировать споры, связанные с коррупцией.

В Вашингтонской конвенции в разделе II подробно описано, почему арбитражи снимают с себя ответственность за решение споров после предъявления обвинений в коррупции со стороны принимающих государств. Но это лишает предпринимателей возможности предъявлять иски и, как следствие, препятствует международным инвестициям. Эта манера ведения инвестиционного арбитража замедляет экономическое развитие.

Ситуация, в которой инвестиционные трибуналы отказываются от судебной практики по спорам, связанным с коррупцией, является недопустимой. Это связано с тем, что в тексте инвестиционных договоров отсутствуют четкие рекомендации, которые указывали бы на процедуру обращения с делами, связанными с коррупцией.

Большинство из 3000 ДИД и МИС, которые были подписаны с 1959 года, скудны на подобного рода антикоррупционные положения. К тому же коррупция как явление имеет множество граней и прорастает в самых разных сферах, что делает процесс определения особенностей ее проявления еще более сложным для арбитражного трибунала.

В отсутствие четко прописанных указаний и рекомендаций о том, как коррупция должна влиять на процесс инвестиционного арбитража, некоторые принимающие государства используют обвинения в коррупции как средство уклонения от корректной юрисдикции в рамках споров. Такое бессилие в контексте коррупции мешает выполнению своих обязанностей инвестиционным судам и способствует росту коррупции.

Процесс решения споров в инвестиционном арбитраже делится на два этапа: юрисдикционный и действия по существу спора. Первый этап играет

важную роль, поскольку на нем определяется, будет ли инвестор иметь возможность обратиться к инвестиционному трибуналу. Если трибунал примет решение об отсутствии юрисдикции или о том, что претензии не обоснованы, то дело не будет рассматриваться далее на втором этапе.

Статья 25(1) Конвенции МЦУИС предлагает арбитражам инструментарий для разрешения «правового спора, возникающего непосредственно из инвестиций». Однако, когда инвестиционный спор омрачен коррупцией, арбитры чаще всего утверждают, что такой спор не отвечает определению «инвестиционного» по Конвенции МЦУИС, исключая, таким образом, арбитражи из круга лиц, обладающих компетенцией для разрешения спора.

Принимающие государства могут использовать аргумент о «факте коррупции» в качестве защитного механизма, поскольку Конвенция МЦУИС не предлагает всестороннего определения понятия инвестиции. Отсутствие четкого определения особенно заметно в связи с более активным применением «строгого подхода» судами к вопросу о юрисдикции по спорам, связанным с инвестициями. Повсеместное применение ограниченного подхода к юрисдикции угрожает основному предназначению арбитража – предоставлению доступа к судебным процедурам для пострадавших инвесторов.

Если арбитры не поменяют свое отношение к рассмотрению споров, связанных с коррупцией, то это окажет серьезное негативное влияние на состояние международного инвестиционного правопорядка.

В вопросе коррупции инвестиционные арбитражи используют две основные причины отказа от юрисдикции: международный публичный порядок и требование, чтобы инвестиции соответствовали национальному законодательству принимающего государства.

В условиях основанного на принципах международного публичного порядка отказа от осуществления юрисдикции арбитражные суды часто вызываются к защите пострадавшей стороны, указывая на борьбу с коррупцией как на универсальный ценностный ориентир. Отказываясь «защищать сторону»,

виновную в «незаконном или аморальном поведении», арбитражи апеллируют к справедливости. Например, в деле под номером 1110.103, рассмотренном инвестиционным арбитражем, было отказано в юрисдикции в связи с нарушением основного договора через взяточничество и коррупцию, что было признано противоречащим «международному публичному порядку, свойственному цивилизованным нациям». Схожий принцип может быть применен для отказа в исполнении арбитражного решения согласно Нью-Йоркской конвенции, что согласуется с доктриной «грязных рук» в американском праве.

Инвестиционные арбитражные суды современности подтверждают принцип, согласно которому коррупция (по крайней мере, влияющая на государственные закупки) нарушает международный общественный порядок. Однако, некоторые такие суды отказываются от осуществления юрисдикции, если инвестиции не соответствуют, в сущности, законам государства-приемника. Наиболее распространенный момент в двусторонних инвестиционных соглашениях – требование о том, что инвестиции должны совершаться «в соответствии с законами государства-приемника».

Со вступлением в КПК ООН большинства стран мира стала возможной разработка и принятие национального антикоррупционного законодательства. Это дает право государству-реципиенту инвестиций при обвинениях в коррупции ссылаться на нормы собственного законодательства, заявляя, что коррупционные действия лишают инвестора права на защиту. Это, в свою очередь, исключает применимость юрисдикции суда.

Вызывают интерес разбирательства по делам, когда, будучи обвиненными в коррупции, государства-реципиенты успешно сослались на свое антикоррупционное законодательство. Примером может служить дело «Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan» 2013 года¹⁸⁰. Израильская компания Metal-Tech обратилась в международный арбитраж с обвинением против Узбекистана.

¹⁸⁰ Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3 // URL: <https://www.italaw.com/cases/2272> (дата обращения: 14.06.2023)

Компания утверждала, что заплатила консультантам более 4 миллионов долларов США, чтобы незаконно получить государственный контракт на управление производственной фирмой в Узбекистане.

Узбекистан, в свою очередь, ссылаясь на свои законы, утверждая, что требуемая плата является частью процесса инвестирования согласно местному законодательству. Так как в Узбекистане взяточничество является незаконным, инвестиционный трибунал отказал корпорации Metal-Tech в праве на судебную защиту и не принял к рассмотрению претензию о том, что Узбекистан несправедливо аннулировал контракт.

Таким образом, по мере развития антикоррупционного законодательства по всему миру, становятся возможны прецеденты, когда страны-получатели инвестиций успешно защищают свои интересы, опираясь на свои законы и нормы. Это ведет к тому, что инвесторам требуется более тщательно изучать законодательную базу страны, в которую они планируют инвестировать, а также следовать ее нормам и правилам.

Таким образом, коррупция искажает структуру инвестиционных правоотношений, при которых требования инвестора или позиция государства становятся необоснованными, а решение спора несправедливым, что приводит к утере юрисдикции органов по разрешению споров между инвестором и государством.

Другим случаем является ситуация, когда коррупция проникает в само арбитражное разбирательство, вследствие коррумпированного поведения лиц, участвующих в процессе, и лиц, которые ответственны за принятие решений. Такие ситуации, нельзя назвать редкими. В данном случае коррупция дискредитирует само арбитражное решение, а это может привести к отказу в исполнении такого арбитражного решения.

Стоит отметить, что такое явление характерно не только для международного инвестиционного арбитража, но и для других форм арбитражей. Важным вопросом является отсутствие во множестве государств

квалифицированных составов, касающихся коррупционного поведения арбитров. Это привело к отражению данной проблемы на уровне международных договоров, так в Совете Европы был разработан и принят Дополнительный протокол от 15 мая 2003 года к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию¹⁸¹, который направлен на противодействие коррупции и установление уголовной ответственности за коррупцию в международных арбитражных процессах.

Отсутствие в сфере международного арбитража развитых антикоррупционных стандартов, предполагающих прозрачность поведения арбитра (включая декларирование, публикацию информации об имущественном состоянии, отсутствие комиссия по конфликту интересов) аналогичную прозрачности, которая накладывается на национальных и международных судей, приводит к сложности доказывания коррупционных правонарушений в данной сфере.

Управление ООН по наркотикам и преступности отмечает, что при рассмотрении вопроса о коррумпированности арбитров, коррупция должна толковаться в более широком контексте, и любое поведение, нарушающее беспристрастность и независимость арбитра, должно оцениваться в контексте коррупции, включая фаворитизм¹⁸².

Так, например, Парижский апелляционный суд отказал в исполнении по делам «Belokon v. Kyrgyzstan»¹⁸³ и «Libyan State v. Sorelec»¹⁸⁴ сославшись на признаки коррумпированного поведения арбитражной коллегии на основании

¹⁸¹ Дополнительный протокол от 15 мая 2003 года к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // European Council Official Cite URL: <https://rm.coe.int/168008373c> (дата обращения: 12.06.2023)

¹⁸² The Global Programme Against Corruption: UN Anticorruption Toolkit // United Nations Office on Drugs and Crime URL: <http://www.unodc.org/pdf/crime/toolkit/fltof7.pdf> (дата обращения: 12.06.2023)

¹⁸³ Paris Court of Appeal, Belokon v. Kyrgyzstan, 21 February 2017, No. 15/01650. // URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-valeri-belokon-v-kyrgyz-republic-judgment-of-the-paris-court-of-appeal-tuesday-21st-february-2017> (дата обращения: 14.06.2023)

¹⁸⁴ Paris Court of Appeal, Libyan State v. Sorelec, 17 November 2020, No. 18-02568. // URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-sorelec-v-libya-arret-de-la-cour-dappel-de-paris-sentence-finale-tuesday-17th-november-2020> (дата обращения: 14.06.2023)

«серьезных, точных и согласующихся признаков коррупции».

Все это показывает влияние коррупции и коррупциогенных факторов на функционирование международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций и ставит вопрос о необходимости усиления антикоррупционных стандартов деятельности органов по разрешению инвестиционных споров на основе Конвенции ООН против коррупции и других международных договоров в сфере противодействия коррупции.

Международное инвестиционное право в современном мире является ключевым инструментом стимулирования и защиты иностранных инвестиций. Однако эффективность его реализации тесно связана с уровнем коррупции, имеющимся в соответствующих странах. Это утверждение основано на распространенном взгляде, что активное противодействие коррупции является необходимым условием для эффективного развития экономики и защиты инвестиций.

Коррупционные практики, распространенные на всех уровнях, часто становятся значительным препятствием для иностранных инвестиций. Коррупция может привести к неопределенности и непредсказуемости правовой среды, что снижает привлекательность страны для инвесторов. Также коррупция может искажать цены и конкуренцию, ведет к неэффективному распределению ресурсов и увеличивает стоимость и риск бизнеса¹⁸⁵.

Активное противодействие коррупции, в свою очередь, помогает улучшить инвестиционный климат. Это помогает увеличить объем иностранных инвестиций, повышает доверие инвесторов, привлекает качественные инвестиции и способствует долгосрочному экономическому развитию.

Важным инструментом в борьбе с коррупцией является Конвенция ООН против коррупции. Она обязывает участников принимать антикоррупционное законодательство и налагает ответственность за некоторые формы коррупции,

¹⁸⁵ Tanzi, V., & Davoodi, H. Corruption, growth, and public finances. International Monetary Fund, 2000, 00(182). P. 1–17.

которые могут повлиять на иностранные инвестиции.

В заключение, можно утверждать, что активное противодействие коррупции на всех уровнях является важнейшим условием для эффективного внедрения инвестиционного международного права. Без устойчивой борьбы с коррупцией любые усилия в области привлечения иностранных инвестиций могут оказаться напрасными.

Глава 3. Процессуально-организационная институционализация механизмов защиты иностранных инвестиций

§ 1. Влияние доктрины «права на регулирование» на институционализацию и функционирование международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций

В контексте международного инвестиционного права право на регулирование предназначено для защиты суверенного права государства постановления и исполнения законов в интересах общества. Оно призвано сбалансировать интересы государства и иностранных инвесторов.

Необходимость включения такого положения в ДИД и МИС проявилась во большом объеме практики УСИГ, где инвестиционные признавали государство-реципиента ответственным за нарушение обязательств, несмотря на попытки государства привести аргументы о том, что мера относится к его регулятивному пространству и существует в интересах легитимных общественных проблем. Например, в деле SAUR International против Аргентины, трибунал заявил: «Фундаментальное право на воду и право инвестора пользоваться защитой, предоставляемой APRI, действуют на разных уровнях: в своем суверенитете, публичные власти имеют особые полномочия для гарантирования использования фундаментального права на воду; но применение этих полномочий не является абсолютным и, наоборот, должно быть совмещено с уважением к правам и гарантиям, предоставленным иностранному инвестору в соответствии с APRI»¹⁸⁶.

В то же время, некоторые международные инвестиционные арбитражи, например в делах Feldman против Мексики и Methanex против США, согласились

¹⁸⁶ SAUR International SA v Republic of Argentina, ICSID Case No ARB/04/4, Decision on Jurisdiction and Liability (6 June 2012) para 331.

с доводами о праве государств проводить регуляторную политику в общественно-значимых целях¹⁸⁷.

Всё больше и больше государств включают положения о «праве на регулирование» в свои двусторонние и многосторонние соглашения для обеспечения пространства для политики в области общественного здравоохранения, образования, окружающей среды и т. д.

Технико-нормативная формулировка ДИД/МИС в соответствующий период содержала положения, которые приобрели следующую форму:

1. Преамбула. Иногда государства могут включать ссылку на право регулирования в преамбулу договора. Сохраняя политическое пространство в самой преамбуле, продвижение права на регулирование становится всеобъемлющей темой в толковании самого МИС. Например, пример нормативной формулировки можно увидеть в Австралийско-Гонконгском IPA 2019 года: «ПРИЗНАВАЯ их право на регулирование и принимая решение сохранить свою гибкость в установлении законодательных и нормативных приоритетов, защите общественного благосостояния и защите законных целей общественного благосостояния»¹⁸⁸.

2. Общие положения. Некоторые МИС содержат широкую ссылку на регулирующие полномочия государств в статье об «общих положениях». Цель такого положения состоит в том, чтобы уточнить, что простое осуществление регулирующих полномочий государства не равносильно нарушению прав инвесторов при условии, что оно было сделано для достижения законных целей государственной политики. В Соглашении о защите инвестиций между ЕС и Сингапуром (IPA) 2018 г. используется следующая формулировка: «1. Стороны подтверждают свое право регулировать на своей территории для достижения

¹⁸⁷ Marvin Roy Feldman Karpa v United Mexican States, ICSID Case No ARB(AF)/99/1, Award (16 December 2002) para 103; Methanex Corporation v United States of America, UNCITRAL, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits (3 August 2005) pt IV, ch D, paras 9, 15

¹⁸⁸ Investment Agreement between the Government of Australia and the Government of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China (signed 26 March 2019, entered into force 17 January 2020) Preamble.

законных политических целей, таких как защита общественного здоровья, социальных услуг, государственного образования, безопасности, окружающей среды или общественной морали, социальной защиты или защиты прав потребителей, конфиденциальности и защиты данных и продвижения. и защита культурного разнообразия»¹⁸⁹.

В период с 2 по 3 сентября 2021 года проходило четвертое межсессионное совещание по реформе урегулирования споров между инвесторами и государством. Оно было организовано Республикой Корея. В ходе данного важного совещания представители различных государств выразили обеспокоенность по поводу возможной недостаточной защиты «права на регулирование» в сфере международного инвестиционного права.

Столь важно подчеркнуть, что право на регулирование, хоть и является ключевым в инвестиционных отношениях, не всегда прямо оговорено в инвестиционных соглашениях. Несмотря на это, вопрос был активно обсуждаем на совещании. Было решено подготовить серию рекомендаций для Секретариата ЮНСИТРАЛ относительно будущих рабочих документов, которые на последующих сессиях будут затрагивать эту тему.

Очевидно, что государства имеют различные трактовки понятия «права на регулирование» в контексте международного инвестиционного права. Это разнообразие понимания отражается в юридической литературе и определяет очертания представления о том, каким должно быть это право и насколько оно должно быть закреплено в инвестиционных договорах.

Важно обратить внимание на то, что одним из ключевых несоответствий в понимании права на регулирование является то, как оно воспринимается: как часть общих прав государств на регулирование в пределах своих границ в соответствии с международными нормами и стандартами, или как нечто отдельное от этого общего понимания. Если рассматривать термин «право на

¹⁸⁹ Investment Protection Agreement between the European Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part (signed 15 October 2018, not yet entered into force). Art 2.2.

регулирование» как общее право государств, тогда нет никакой необходимости его включать в текст договора, государства могут поддерживать и развивать свое законодательство по своему усмотрению. Однако, это общее понимание права на регулирование недостаточно, когда речь идет о защите интересов инвесторов и возмещении возможного ущерба.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что ключевым вопросом в дискуссии о праве на регулирование в контексте международного инвестиционного права является нахождение баланса между правами государств на регулирование своих дел и обязательствами выплатить компенсацию пострадавшим инвесторам.

Во многих международных соглашениях, в последние годы, особенно часто стали использоваться формулировки в преамбуле договора, которые призваны сохранить право на регулирование. Такие формулировки, хоть и не создают специальные права для государств, имеют важное значение для поддержания гибкости регулирования, поскольку они определяют основные цели и задачи договора и большое влияние на толкование всего договора.

В связи с возрастающими усилиями по регулированию различных сфер общественной жизни и интересов государства все более активно включают в свои международные договоры пункты, подчеркивающие их суверенное право на регулирование. Это наблюдается на примере Международных инвестиционных соглашений (МИС), где в преамбулах все чаще появляется ссылка на эту концепцию. Так, примером может служить Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (СЕТА).

Согласно этому соглашению, стороны подтверждают свое право на регулирование на своей территории для достижения законных политических целей, таких как защита здоровья населения, безопасности, окружающей среды или общественной морали, или защита прав потребителей, или поощрение и защита культурного разнообразия. Можно отметить, что этот подход продолжается в последующих положениях СЕТА. Государства вправе вносить

изменения в свое законодательство так, что это может повлиять на инвестиции или ожидания инвестора, включая его ожидания прибыли. Такая деятельность не является нарушением обязательств по соглашению.

Сегодня эту формулировку можно встретить и в других договорах, несмотря на определенные ограничения, связанные с теми или иными контекстуальными особенностями МИС.

Право государства на регулирование тесно связано с доктриной его полицейских полномочий. Эта концепция подразумевает возможность осуществлять суверенные полномочия в рамках основной государственной политики, включая регулирование здравоохранения, экологии, обеспечения общественного порядка и налогообложение.

В контексте арбитражной судебной практики доктрина «полицейских полномочий» получила распространение в МИС. Особенности ее применения заключаются в том, что даже если она прямо не упоминается, положения договоров, как правило, устанавливают предпосылку для ее использования.

Однако при этом положения соглашений, как правило, стремятся к поддержанию баланса между необходимостью сохранения своих полицейских полномочий государствами и обеспечением защиты интересов инвесторов.

Важно отметить, что деятельность государств в этом направлении не является абсолютной или безграничной. Законное осуществление полицейских полномочий должно быть разумным, добросовестным и недискриминационным.

Соответственно, если в ходе рассмотрения дела трибунал приходит к выводу, что мера регулирования является законным осуществлением полицейских полномочий государства, обязательство по выплате компенсации за косвенную экспроприацию не возникает, несмотря на потенциальную ответственность принимающего государства на основании других юридических требований.

В своей практике арбитражные суды в последние годы все больше стараются сбалансировать и взвесить интересы всех сторон, включая влияние применения полицейских полномочий и концепцию их соразмерности.

Многие из МИС включают в себя разделы, получившие название «Право на регулирование», в которых изложены следующие положения: «Ничто в настоящем Соглашении не должно толковаться как препятствующее Договаривающейся Стороне принимать, поддерживать или применять любые меры, совместимые с настоящим Соглашением, которые она сочтет целесообразными для обеспечения того, чтобы инвестиционная деятельность на ее территории осуществлялась таким образом, чтобы учитывать экологические проблемы».

Встречающиеся в разных МИС подобные формулировки часто касаются специфических государственных мер, разработанных для обеспечения того, чтобы инвестиционная деятельность соответствовала конкретным интересам. При этом они сформулированы с оговоркой, что рассматриваемые меры должны соответствовать условиям МИС. Принимающее государство не несет ответственности или финансовой ответственности за меры, которые согласуются с МИС. Следовательно, это показывает, что государство относится с вниманием к вопросам, например, экологической безопасности, но не предлагает каких-то новых привилегий, которыми он еще не обладает, то есть свободы принимать меры, согласующиеся с МИС. Именно поэтому некоторые ученые считают, что такого рода положения более декларативны в плане обеспечения права на регулирование.

В МИС также обычно содержатся положения, в которых излагается обязательство государств не ослаблять национальные экологические, трудовые и другие стандарты. И несмотря на их самостоятельную важность, их не следует путать с положениями, сохраняющими право на регулирование, поскольку они накладывают обязательства на государства, а не создают права.

Существует мнение, что нет необходимости включать право на регулирование в договоры, в то время как другие утверждают, что отсутствие явного указания на это право в тексте договора не гарантирует его соблюдение. В последнее время появились предположения о том, что некоторые договоры в своем стремлении гарантировать право на регулирование могут привести к восприятию этого действия как отказа от защиты инвестиций, что затрудняет работу судов в сфере осуществления права на регулирование.

Тем не менее, в ряде случаев суды принимают во внимание право государства на регулирование, даже если соответствующее положение отсутствует в тексте договора. В отношении этого, другие судебные инстанции, кажется, игнорируют или трактуют в узком смысле существующие исключения. В итоге, показательна судебная практика, указывающая на то, что уровень уважения, которое суд признает государству в регулятивных спорах, по крайней мере, при отсутствии прямых положений в МИС, остается на откуп конкретного суда.

Если же государство стремится гарантировать право на регулирование, то договорные формулировки должны быть четкими и гарантировать более широкое сохранение этого права. Два важных вопроса должны быть учтены в контексте процесса реформирования договоров. Во-первых, речь идет о самом процессе разработки инвестиционных договоров. В то время как слишком гибкие или, наоборот, излишне жесткие договоры могут оказаться неприемлемыми, сбалансированный договор является необходимым условием для гарантии права на регулирование. Подобные которым встречаются в различных Международных инвестиционных соглашениях, часто касаются конкретных государственных мер. Эти меры разрабатываются с целью обеспечения корреляции инвестиционной деятельности с определенными интересами. Несмотря на то, что они сформулированы с учётом условий соблюдения Международного инвестиционного соглашения, государство-реципиент не несет какой бы то ни было ответственности или финансовых обязательств за меры, утвержденные в

рамках Международного инвестиционного соглашения. Это означает, что государство уделяет особое внимание вопросам, таким как экологический контроль, но при этом не выдвигает новые привилегии, которыми оно ещё не обладает. Вместо этого, государство сохраняет право на принятие мер, которые соответствуют Международным инвестиционным соглашениям. Именно по этой причине, некоторые ученые считают подобные положения в большей степени декларативными в рамках обеспечения права на регулирование.

В Международных инвестиционных соглашениях также часто содержатся положения, которые вносят требования к государствам о необходимости поддерживать стандарты по экологии, трудовым вопросам и другим отраслям.

Несмотря на высокую важность этих отраслей, подобные положения о них не следует принимать за пункты, определяющие полноту права на регулирование, поскольку они создают обязательства для государств, а не определяют их права.

Дальнейшим развитием концепции права на регулирование стала доктрина «право на развитие». Существует возрастающая потребность в том, чтобы участникам международного инвестиционного арбитража признавать и уважать право принимающего государства на ведение своей собственной экономической, социальной и культурной политики, включая его право на развитие.

Право государства на развитие признается Венской декларацией и программой действий 1993 года, Целями устойчивого развития Организации Объединенных Наций и другими международными документами. Оно заключается в праве страны на обеспечение своего экономического, социального и культурного прогресса, исходя из своих национальных потребностей и условий.

На практике международного инвестиционного арбитража обращение к праву государства на развитие проявляется в рамках интерпретации и применения инвестиционных соглашений. Например, в процессе разрешения споров третейские суды обращают внимание на оговорки и статьи в соглашениях о важности уважения прав принимающего государства на ведение своей собственной политики, включая право на развитие.

Важный вклад в признание права государств на развитие внесли исходящие из стран развивающейся экономики судебные решения и предложения по моделированию двусторонних инвестиционных соглашений. Такие документы обычно отражают узаконенное стремление стран к эффективной реализации своего права на развитие.

Развитие институтов международного инвестиционного арбитража на современном этапе отражает тенденцию к увеличению прозрачности, обеспечению доступа к информации и участия заинтересованных сторон, включая население государства-принимающего. Это, в свою очередь, позволяет обеспечить более полное участие государства как стороны процесса в реализации своего права на развитие.

Таким образом, тенденция уважения права государства на развитие в международном инвестиционном арбитраже становится все более очевидной. Тем не менее, это не отменяет необходимости дальнейшего исследования этой проблемы и поиска более эффективных гарантий возможности реализации этого права в условиях глобальной экономической активности¹⁹⁰.

Существуют разные точки зрения на необходимость включения пункта о праве на регулирование в договоры. Некоторые утверждают, что его отсутствие в результате не гарантирует обеспечение этого права, тогда как другие считают такое явное указание излишним. Разногласия вызывает и тот факт, что некоторые договоры с целью обеспечения права на регулирование могут истолковать это как снятие основных инвестиционных гарантий, что в свою очередь усложнит работу судебных органов в регулировании данных вопросов.

Тем не менее, хорошей новостью является то, что некоторые суды даже при отсутствии соответствующих положений в тексте договора могут принимать во внимание право государства на регулирование. С другой стороны, существуют и такие, которые игнорируют или в узком контексте истолковывают существующие

¹⁹⁰ Бузова Е. С., Коротева К. В. Ветер перемен: актуальные обсуждения реформы системы разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами // Закон. 2018. № 5. С. 153–163.

исключения. Очень показательной в этом плане остается судебная практика, которая указывает на то, что уровень уважения, который суд признает государству в регулировании споров, в огромной степени зависит от конкретного суда, пока это вопрос не решён прямо в МИС.

Если же государство заинтересовано в обеспечении права на регулирование, то формулировки в договоре должны быть максимально точными, чтобы обеспечивать наиболее широкое сохранение этого права. В этом контексте стоит обратить внимание на два важных вопроса. Во-первых, речь идет о самом процессе разработки инвестиционных договоров. В то время как слишком гибкие или, наоборот, чрезмерно строгие договоры могут быть неприемлемыми, сбалансированный договор по праву регулирования является необходимым условием для дальнейшего успеха. Во-вторых, редактирование и корректировка существующих договоров является сложной и многоступенчатой работой, но она может стать классическим примером того, как можно обеспечить более широкое и полное право на регулирование.

Сложность определения и применения концепции «права на регулирование» в международном инвестиционном праве подчеркивает необходимость разработки более ясных и последовательных методов для его определения и применения. Это поможет сбалансировать интересы и обеспечит соблюдение обязательств, которые государства приобретают при принятии международных инвестиционных обязательств, соблюдая при этом свои суверенные обязанности по обеспечению общественного блага.

§ 2. Средства защиты после вынесения процессуального решения

В международном инвестиционном праве, после вынесения арбитражного решения, средства защиты включают в себя:

1. Принудительное исполнение решения. Если решение арбитража было вынесено в пользу инвестора, государство должно исполнить его безотлагательно.

Если государство не исполняет решение, инвестор может запросить его исполнение в соответствии с национальным законодательством государства, в котором потерпел убытки¹⁹¹.

2. Компенсация ущерба. Если арбитражное решение вынесено в пользу инвестора, государство должно выплатить ему компенсацию за ущерб, понесенный инвестором в результате действий или бездействия государства.

3. Отмена решения. Если арбитражное решение было вынесено в пользу государства, инвестор может попытаться получить его отмену путем подачи соответствующего запроса в национальный суд или арбитражный суд, если возможно.

4. Апелляция. Инвестор может осуществить апелляцию против арбитражного решения в соответствии с процедурами, прописанными в соглашении об урегулировании споров¹⁹².

5. Пересмотр решения. Инвестор может запросить пересмотр арбитражного решения в соответствии с условиями, предусмотренными в соглашении об урегулировании споров.

В целом, борьба за защиту прав и интересов инвесторов может быть сложной и длительной, но наличие средств защиты, описанных выше, помогает инвесторам защитить свои инвестиции и права в международном инвестиционном праве. А также защитить суверенное государство от несправедливого решения.

Средства защиты после вынесения арбитражного решения, включающие в себя обжалование и исполнение решений, играют ключевую роль в контексте международного арбитража¹⁹³.

1. Обжалование арбитражного решения может быть осуществлено путем запроса на отмену решения, в основном по процессуальным причинам, таким как

¹⁹¹ Хлестова И. О. Юрисдикционный иммунитет государства. М. : Юриспруденция, 2007. 216 с.

¹⁹² Van den Berg J. A. 2019. Appeal Mechanism for ISDS Awards: Interaction with the New York and ICSID Conventions. ICSID Review - Foreign Investment Law Journal. Vol. 34. Issue 1. P. 156–189. <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siz016>(дата обращения: 12.06.2023).

¹⁹³ Moses M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration: Third Edition (3rd ed.). / Cambridge: Cambridge University Press. 2017. doi:10.1017/9781316585245.

некомпетентность арбитра или же нарушение процессуальных прав сторон. Такие действия обычно проводятся в суде государства, на территории которого проходил арбитраж, и регулируются национальным законодательством этого государства.

2. Исполнение решения является важной частью процесса арбитража, и этому направлена Нью-Йоркская конвенция 1958 года о признании и исполнении иностранных арбитражных решений¹⁹⁴. Конвенция установила широко признанный миром стандарт для обеспечения исполнения решений.

Несмотря на представленные механизмы, в последнее время наблюдаются изменения в практике арбитража¹⁹⁵. Для облегчения арбитражного процесса и уменьшения неопределенности некоторые страны сделали попытки ограничить возможность обжалования или даже отказаться от права обжалования¹⁹⁶. В контексте стремления к повышению эффективности и быстроты арбитражного процесса эта практика может быть обоснованной, хотя требует дополнительного исследования. В то же время это привело к тому, что в рамках международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций такие средства защиты, как отмена решения, апелляция или пересмотр сильно ограничены¹⁹⁷.

Как уже отмечалось в работе основополагающей арбитражной институцией в международном инвестиционном правопорядке является МЦУИС¹⁹⁸. Предлагается рассмотреть данный вопрос в первую очередь на его примере.

Одной из проблематичных областей в арбитраже Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) и других арбитражных

¹⁹⁴ Gary B. Born International Commercial Arbitration. Wolters Kluwer, 3rd ed., 3 volumes. 2021. doi: https://doi.org/10.1163/24689017_0601020

¹⁹⁵ Private dispute resolution in international business: negotiation, mediation, arbitration. Wolters Kluwer. 2015. in 2 vol. ISBN 9789041158284

¹⁹⁶ Wolff R. 'Resisting the backlash against investment arbitration: How to limit the discretionary powers of states and promote the rule of law. // Investment Treaty News. № 7(2). 2016. P. 10–13

¹⁹⁷ Calamita N.J. 2017. The (In) Compatibility of Appellate Mechanisms with Existing Instruments of the Investment Treaty Regime. The Journal of World Investment and Trade. Vol. 18. Issue 4. P. 585–627. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340053>

¹⁹⁸ Викторова Н.Н. 2019. Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. No 10. С. 101–108. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.62.10.101-109>.

учреждений являются меры правовой защиты после вынесения решения. Этот аспект может оказать решающее влияние на выбор инвесторов между использованием арбитража МЦУИС и арбитража без участия МЦУИС. Как следствие, может оказаться значимым в контексте защиты суверенных интересов государств.

Перед исследованием реалий разницы между арбитражами МЦУИС и не относящимися к МЦУИС в отношении доступных средств правовой защиты после вынесения, следует описать четыре критических вопроса.

Во-первых, что подразумевается под «средствами правовой защиты»? Несмотря на то, что Конвенция МЦУИС и национальные законодательства предусматривают широкий спектр средств правовой защиты, некоторые из них, такие как уточнение, исправление, интерпретация и пересмотр, обычно связаны с незначительными вопросами или ошибками, в вынесенных решениях, которые несколько влияют на окончательный исход компенсационных исков и других видов помощи. С точки зрения этого исследования, важность таких незначительных средств правовой защиты ограничивается, их эффективность ограничена, и они вряд ли смогут дискриминировать арбитраж МЦУИС от арбитража, не относящегося к МЦУИС.

С другой стороны, следует обратить внимание на условие аннулирования в процессе арбитража МЦУИС и учитывать возможность отступления от решения в случае арбитража, не относящегося к МЦУИС. Это можно описать как крайние, но ограниченные меры правовой защиты, позволяющие сторонам оспаривать окончательность принятых решений.

Во-вторых, важно уяснить, какое арбитражное решение подлежит отмене со стороны специальных комитетов или признанию недействительным со стороны национальных судов. В соответствии с Конвенцией МЦУИС, арбитражное решение – это то, которое соответствует установленным требованиям к форме и содержанию, как определено в статьях 48(2) и (3). Тем не менее, не все решения попадают под процедуру аннулирования.

Важно отметить, что процесс аннулирования в арбитраже, не относящемся к МЦУИС, представляет собой более сложное дело, которое требует последующего рассмотрения двух вопросов: какие решения, вынесенные международными трибуналами, считаются внутренними и, следовательно, могут быть отменены национальными судами? Вопрос, подлежит ли данное решение отмене в процессе национального арбитража?

Эти вопросы открывают новые горизонты для нахождения баланса между арбитражами МЦУИС и не относящимися к МЦУИС, а также могут стать определяющими при выборе арбитражных мер защиты сторонами.

Подводя итоги, следует заметить, что вопросы, связанные с мерами правовой защиты после вынесения решения, представляют собой сложную и конфликтную область, которая требует дополнительного анализа. Однако это ключевой момент в принятии решения инвесторами о выборе между арбитражем МЦУИС и без участия МЦУИС и может иметь значительные последствия для защиты интересов отдельных государств.

Рассмотрим вопрос о том, какой орган обладает авторитетом для аннулирования решений МЦУИС или отмены решений, не относящихся к МЦУИС. МЦУИС является автономной системой, которая проводит свои арбитражные процедуры посредством специализированных комитетов, учрежденных согласно статье 52 Конвенции МЦУИС. Отмена решений в рамках этой системы представляет собой процесс оспаривания через полностью внутренний пересмотр, который исключает возможность контроля со стороны национальных органов.

Тем не менее, для присуждений, не относящихся к МЦУИС, они также могут быть оспорены в соответствии с национальным законодательством или определенными договорами. В этом контексте стоит упомянуть о Модельном законе ЮНСИТРАЛ, который, хоть и не обладает обязательной силой, оказал влияние на законодательства многих государств. Согласно этому закону, заявления об отмене арбитражного решения в судах места проведения арбитража

представляют собой исключительный способ обжалования. В других словах, только суды, проводящие арбитражное разбирательство, имеют право отменять решения.

Кроме того, большинство арбитражных решений, не относящихся к МЦУИС, признаются и исполняются посредством механизмов, установленных Нью-Йоркской конвенцией. Согласно этой конвенции, если решение отменено компетентным судом государства, в котором оно было вынесено, то в признании и исполнении этого решения может быть отказано.

Теперь перейдем к рассмотрению, можно ли отказаться от права аннулировать или отменять арбитражные решения заблаговременно. В системе МЦУИС это возможно, но только в теории. Спорящие стороны имеют право по соглашению изменять процедуры согласно статье 44 Конвенции, и, следовательно, есть шанс, что они могут изменить или даже отказаться от права на аннулирование. Однако стоит учесть, что статья 52, которая обеспечивает основные требования процессуального справедливого рассмотрения, должна представлять общественный порядок, защищая целостность и законность арбитража МЦУИС.

В общем контексте отказ от права обжалования арбитражного решения распространен в национальных системах законодательства. Изменяющее и авансирующее законодательство, которое придает важность окончательности арбитражных решений, однако, на практике редко применяется. Это связано с тем, что многие истцы начинают споры на основе инвестиционных договоров, поэтому сторонам может быть сложно достичь соглашения, в котором они заранее отказываются от своего права обжалования. Тем не менее, предварительный отказ был применен в арбитраже между инвестором и государством, и последствия этого отказа были подтверждены национальными судами.

Существует несколько возможных решений проблемы недостаточности средств защиты после вынесения решения¹⁹⁹. Их можно условно разделить на централизованное решение – постоянное международное судебное учреждение по разрешению инвестиционных споров, и децентрализованные.

К децентрализованным относятся: разработка специального апелляционного механизма в ДИД/МИС, создание такого механизма в соглашении о споре (для арбитражей ad hoc) и включение такого механизма в правила разрешения споров учреждений УСИГ.

Разработка типового апелляционного механизма в таком случае обеспечит гармонизацию апелляционного процесса в рамках УСИГ в той степени, в которой стороны не будут вносить в него изменений.

Рассмотрев данные вопросы, можно сделать вывод о недостаточности в рамках существующего механизма УСИГ, и, в частности, международного инвестиционного арбитража, средств защиты после вынесения решения, что выражается в отсутствии полноценного апелляционного механизма, механизма принудительного исполнения решений, что приводит к дисбалансу при несправедливом решении. Данные факторы положены в основу обоснования необходимости создания международных судебных учреждений для разрешения споров инвестор-государство.

§ 3. Создание международных судебных учреждений для разрешения споров инвестор-государство

Иностранным инвесторам предоставлено право на судебную защиту их интересов, которые могут быть нарушены, в национальных судебных инстанциях

¹⁹⁹ Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS) Appellate mechanism and enforcement issues // United Nations URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/appellate_mechanism_and_enforcement_issues.docx (дата обращения: 12.06.2023)

принимающего государства, а также через независимый коммерческий арбитраж, при наличии арбитражного условия в инвестиционном договоре.

Однако стоит отметить, что существующая УСИГ сталкивается с рядом проблем, и вместе с общей эволюцией международно-правовых инструментов защиты в других сегментах международного правопорядка, эти факторы указывают на неотложную потребность в создании специализированных международных судебных органов, которые смогли бы эффективно решить споры между инвесторами и государствами²⁰⁰.

Изучение практики разрешения инвестиционных споров свидетельствует о наличии определенной тревоги со стороны иностранных инвесторов по отношению к судам государств-реципиентов. Во многих случаях они проявляют интерес к переводу рассмотрения спора в юрисдикцию международных судебных органов. Это явление, безусловно, свидетельствует о недоверии иностранных инвесторов к национальным судебным системам и их стремлении обеспечить более объективное и прозрачное разрешение споров.

Однако, стоит отметить, что в рамках международной правовой доктрины не существует универсального и однозначного подхода к определению конкретной сущности международных судебных учреждений. Это делает задачу поиска оптимальных решений и утверждение наилучших практик в области урегулирования инвестиционных споров еще более сложной и многогранной, требующей не только профессионального юридического подхода, но и стратегического взгляда на международные инвестиционные отношения в целом.²⁰¹

²⁰⁰ Шилл Ш. В. Международное право защиты инвестиций и сравнительное публичное право: основания и методы публично-правовой модели инвестиционного арбитражного судопроизводства // ДПП ИМП. 2012. № 1. С. 72–120.;

²⁰¹ См.: Каламкарян Р. А. Поведение государств в Международном Суде ООН: международно-правовые проблемы судебно-арбитражного производства. М.: Наука, 1999; Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. С. 402; Шинкарецкая Г. Г. Международная судебная процедура. М.: Наука, 1992. С. 11; Волеводз А. Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публ. политики, 2009. С. 303–323.

В 1984 году М. Л. Энтин предложил использовать термин «международные судебные учреждения», который после этого стал наиболее распространенным в юридической литературе²⁰².

Ранее в своем труде А. М. Ладыженский и И. П. Блищенко выделили то, что они полагают, является ключевым аспектом их исследовательской работы: «органы, созданные с целью мирного урегулирования споров, решения которых обязательно должны выполняться обеими сторонами конфликта»²⁰³.

Это мнение разделяют и Ф. И. Кожевников с Г. В. Шармазанашвили, выделив в своих работах «главную общую черту, которая характеризует арбитраж и судебное разбирательство – это юридическая обязательность решений, выносимых этими органами»²⁰⁴.

В своих работах Р. А. Каламкарян также использует термин «органы международного правосудия»²⁰⁵. Эту терминологию поддерживает и А. С. Смбатян в своих исследованиях²⁰⁶.

Общим знаменателем всех вышеупомянутых авторов и их соответствующих ключевых понятий является функция разрешения споров и обязательность исполнения принятых решений. Это подчеркивает центральную роль этих институтов в международном сообществе и их важность как законодательных органов с обязательной юрисдикцией. Это означает, что решения, принятые этими органами, имеют вес и должны быть выполнены обеими сторонами

²⁰² Энтин М. Л. Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 6.

²⁰³ Ладыженский А. М., Блищенко И. П. Мирные средства разрешения споров между государствами. М., 1962. С. 97.

²⁰⁴ Кожевников Ф. И., Шармазанашвили Г. В. Международный суд ООН. М., 1971. С. 10–11.

²⁰⁵ См.: Каламкарян Р. А. Международный Суд в миропорядке на основе господства права. М.: Наука, 2012; Его же. Международный Суд как орган правосудия по разрешению споров между государствами // Государство и право. 2012. № 8. С. 66–75.

²⁰⁶ См.: Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012.

спора²⁰⁷. Это подчеркивает их важную роль в посредничестве и урегулировании споров, тем самым поддерживая мир и стабильность на международной арене²⁰⁸.

Межгосударственные органы, специально предназначенные для разрешения споров, включают, но не ограничиваются судебными органами, арбитражными структурами, трибунальными учреждениями и другими подобными институтами. Они основываются или реализуются в рамках международных договоров, решений международных организаций, а также на основании национального законодательства отдельных государств.

Единственной целью и задачей этих органов является разрешение международных споров, а также других вопросов, лежащих в зоне их ответственности. Эти споры и вопросы могут варьироваться по своей природе и содержанию, но вне зависимости от специфики, эти учреждения имеют полномочия принимать решения по ним²⁰⁹.

Однако принятое решение не является просто советом или рекомендацией - оно обладает силой обязательного в применении юридического акта. Это решение имеет юридическую силу и может быть применено или исполнено в соответствии с нормами международного и национального права.

Таким образом, межгосударственные органы по разрешению споров играют важную роль в поддержании международного порядка. Они обеспечивают механизмы мирного урегулирования споров, предлагая сторонам беспристрастную и авторитетную платформу для разрешения их разногласий. Они предотвращают эскалацию конфликтов и восстанавливают правосудие, помогая поддерживать стабильность и справедливость в мире.

²⁰⁷ Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2019. 416 с. ISBN 978-5-91768-988-3. EDN YUMFIL.

²⁰⁸ Капустин А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы // Государство и право. 2018. № 7. С. 120-132. DOI 10.31857/S013207690000217-0. EDN YLCALJ.

²⁰⁹ Гаджиев, Х. И. Сближение правовых систем: роль международного правосудия / Х. И. Гаджиев // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 8. С. 119-134. DOI 10.12737/jrl.2022.088. EDN EQLPMG.

Без этих органов международное сообщество могло бы столкнуться с беспорядком и хаосом, так как государства могли бы перейти к насилию или произвольным действиям для разрешения своих разногласий. Вместо этого, эти органы управления позволяют миру эффективно разрешать споры, опираясь на принципы права, справедливости и равенства.

До 1922 года все международные споры решались через арбитражи *ad hoc*. Впервые идея создания постоянного органа для разрешения споров возникла во время Гаагских мирных конгрессов. В 1899 году была создана Постоянная палата третейского суда. Несмотря на то, что палата называлась постоянной, она работала аналогично арбитражам *ad hoc*.

К 1922 году, как отмечалось во втором параграфе первой главы, была создана Постоянная Палата международного правосудия. Большое количество дел, которые были рассмотрены Постоянной Палатой международного правосудия, охватывали широкий спектр вопросов. Это семейство вопросов затрагивало такие области, как толкование или применение международных договоров; принудительное исполнение контрактов с учетом их положений; нарушения основополагающих принципов и норм международного права; осуществление дипломатической защиты граждан, проживающих за границей; охрана имущественных прав и интересов иностранных граждан; претензии на компенсацию за иностранную собственность, которая была национализирована и т. п.

В последние годы критика существующей формы рассмотрения инвестиционных споров с государствами значительно возросла. В свете недавних событий, связанных с выдачей компенсаций за национализацию внешних инвестиций, наблюдается значительное увеличение количества инвестиционных споров между государствами и иностранными инвесторами. Эти ситуации подчеркивают насущность разработки и внедрения актуальных международно-правовых инструментариев, которые обеспечат надежную защиту иностранных инвестиций и обеспечат устойчивое экономическое развитие.

Источником указанной критики, являются не только государства, но и арбитры, которые непосредственно разрешают такие споры в рамках международного арбитража.

Как уже отмечалось ранее, что в июле 2019 года состоялась 50-я конференция ЮНСТИРАЛ²¹⁰, на которой были озвучены основные идеи реформирования системы УСИГ. Данные идеи варьируются от идей о необходимости незначительных корректировок в текущей системе до предложений радикально пересмотреть систему УСИГ и заменить её на международный постоянный инвестиционный суд²¹¹.

Оживленное обсуждение этого вопроса произошло в марте 2018 года, когда Суд ЕС рассматривал запрос немецкого федерального суда²¹². Вопрос касался законности арбитражной оговорки в ДИД между Нидерландами и Словакией. В итоге суд принял решение о том, что данный механизм разрешения споров не соответствует условиям Договора о функционировании Европейского Союза²¹³.

Это решение, без сомнения, будет иметь огромное воздействие на ряд действующих двусторонних договоров. Оно затронет по меньшей мере 196 внутренних ДИД, подписанных между странами ЕС, и повлияет на текущие международные инвестиционные процессы, которые были инициированы на основании этих договоров²¹⁴.

²¹⁰ Лифшиц И. М., Шаталова А. В. Третий лишний? Финансирование третьей стороной в инвестиционных спорах: разработки ЮНСИТРАЛ. // Международное правосудие. No 2. 2022. С. 113–131. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-2-113-131> (дата обращения: 12.06.2023).

²¹¹ Bungenberg M., Reinisch A. From Arbitral Tribunals to a Multilateral Investment Court: The European Union Approach. Handbook of International Investment Law and Policy. / Ed. by J. Chaisse, L. Choukroune, S. Jusoh. Singapore: Springer. 2021. P. 2285–2319. https://doi.org/10.1007/978-981-13-3615-7_109 (дата обращения: 10.06.2023)

²¹² Пименова С. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы // Международное правосудие. 2018. № 4(28). С. 113-125. DOI 10.21128/2226-2059-2018-4-113-125. – EDN YRROWL.

²¹³ Аудзевичиус Р., Пархаев Д. Решение Суда ЕС по делу *Slowakische Republik v. Achmea BV* и будущее инвестиционного арбитража в Европе // Новые горизонты международного арбитража : сборник статей. 2019. Вып. 5. С. 348–375.

²¹⁴ Гребельский А. В. Конец эпохи? Судьба инвестиционного арбитража в свете попыток создания системы создания Инвестиционного суда ЕС // В. А. Кабатов, С. Н. Лебедев: In *Memoriam*. Сборник воспоминаний, статей, иных материалов. М.: Статут, 2017. С. 476-502.

Таким образом, сегодня наблюдается тенденция к пересмотру глобальной системы инвестиционного арбитража²¹⁵. Подтверждением этому служат численные дискуссии передовых стран мира, инициативы по пересмотру двусторонних инвестиционных договоров, а также принятие решений о несоответствии некоторых практик условиям Договора о функционировании ЕС. Возможно, в ближайшем будущем нас ждут серьезные изменения в системе инвестиционного арбитража, которые изменят условия ведения международного бизнеса.

В недавно утвержденном и подписанном Комплексном торгово-экономическом соглашении между Европейским Союзом и Канада²¹⁶ (далее – СЕТА) был предложен и реализован новый подход к механизму УСИГ. В его рамках была организована система инвестиционного суда.

Инвестиционный суд ЕС, в общем своем понимании, представляет собой квазисудебный орган, который больше напоминает институциональный арбитраж с определённым списком арбитров. Однако, они имеют возможность работать на полупостоянной основе и вести ротацию. При этом рассмотрение дел проходит на двух уровнях с использованием механизма апеллиционного обжалования. Состав инстанций при этом подбирается заново для каждого конкретного дела. Особенности процедуры рассмотрения спора в рамках механизма СЕТА могут быть представлены следующим образом.

В рамках СЕТА приветствуется достижение мирового соглашения между инвестором и государством, принимающим инвестиции. Прежде всего, необходимо, чтобы инвестор предъявил требование о проведении консультаций с другой стороной. Если в течение полугода эти консультации не приводят к

²¹⁵ Бутова Е. С., Коротева К. В. Ветер перемен: актуальные обсуждения реформы системы разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами // Закон. 2018. № 5. С. 153-163.

²¹⁶ EU-Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) // European Union. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/canada/eu-canada-agreement_en. (дата обращения: 12.06.2023).

урегулированию спора, инвестор имеет право предъявить иск в трибунал, который будет рассматривать дело в первой инстанции.

Трибунал формируется из 15 судей, назначаемых Объединенным комитетом СЕТА, по формуле 5 граждан Канады, 5 граждан ЕС и 5 граждан из третьих государств. Кандидаты на судейские места в трибунале первой инстанции обязаны обладать соответствующими знаниями в области международного публичного и торгового права. Кроме того, они должны удовлетворять требованиям квалификации, позволяющим им занимать судейскую должность в своих странах. Если кандидаты не в полной мере соответствуют приведенным требованиям, они должны быть юристами с «признанной компетенцией».

Судьи, назначаемые в рамках СЕТА, обязаны быть всегда готовы к рассмотрению спора и получать ежемесячное вознаграждение за возможный «риск» назначения их судьями. Впоследствии, Еврокомиссия планирует переход на постоянную заработную плату, хотя это может повлечь за собой ограничения в дальнейшей профессиональной деятельности судей. В настоящее время такого ограничения в СЕТА нет.

Если стороны не договорились о рассмотрении дела единоличным судьей (а такая возможность может быть поощряема в случаях с небольшой ценой иска или, когда стороной-инвестором является малое или среднее предприятие), спор рассматривается трибуналом из трех судей, причем председательствующий этого состава должен быть гражданином третьего государства.

Несмотря на название «инвестиционный трибунал», процедура разрешения спора трибуналом, в зависимости от участников спора, может быть подчинена одному из трех регламентов: Арбитражному регламенту МЦУИС, Регламенту МЦУИС по дополнительным средствам либо Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ.

Решение, которое трибунал первой инстанции выносит вначале и именуется временным, должно быть принято в течение 18 месяцев после возбуждения иска. Этот срок может быть продлен за наличием уважительных причин.

Апелляционный трибунал состоит из шести судей: двое из ЕС, двое из второго участника соглашения, двое из третьих государств. Проведение апелляционного слушания осуществляется трибуналом в составе трех судей. Претенденты на судейские места должны соответствовать высоким требованиям, которые предъявляются к кандидатам на высшие судебные должности в их странах, или, как и в предыдущем случае, быть юристами «с признанной компетенцией»²¹⁷.

Основания для апелляционного обжалования весьма разнообразны и включают ошибки в толковании и применении норм права, ошибки в оценке фактов дела (что, кстати, относится и к национальному праву государства, которое применяется в споре), а также основания, перечисленные в ст. 52(1) Вашингтонской конвенции.

Рассмотрение апелляции должно быть завершено в течение 180 дней, хотя этот срок может быть продлен до 270 дней при наличии уважительных причин.

После апелляции, если апелляционный трибунал отменяет временное решение трибунала первой инстанции, последний, в зависимости от обстоятельств, проводит пересмотр дела. Кроме того, апелляционный трибунал может сам внести изменения в решение или оставить его без изменений.

Основным решением будет либо временное решение, если его не оспорят в течение 90 дней, либо акт апелляционного трибунала (если дело завершено этим актом).

Конечное решение, вынесенное одним из трибуналов, должно рассматриваться как арбитражное решение согласно Нью-Йоркской конвенции или как окончательное решение по Вашингтонской конвенции, в зависимости от применяемого регламента.

²¹⁷ Feldman M. 2017. Investment Arbitration Appellate Mechanism Options: Consistency, Accuracy, and Balance of Power. / ICSID Review. Foreign Investment Law Journal. Vol. 32. Issue 3. P. 528-544. <https://doi.org/10.1093/icsidreview/six009> (дата обращения: 12.06.2023).

Интересным моментом является то, что члены трибунала первой и апелляционной инстанции не выбираются сторонами, а назначаются президентом соответствующей инстанции. Это означает, что судьи, задействованные в делах в рамках соглашения, возможно, будут занимать позицию в пользу своего государства.

Следует отметить, что апелляционный трибунал может состоять из той же квалификации, что и трибунал первой инстанции. Может сложиться так, что интересы инвесторов могут быть ущемлены, так как очевидный перекокс может быть сделан в пользу защиты интересов государства.

Сама подача апелляции также осложнена для инвесторов, так как сторона должна предоставить обеспечение в сумме за судебные расходы.

Необязательно, что ответчик может быть выбран канадским инвестором. Ответчик определяется по усмотрению ЕС. Если ответчиком является член ЕС, то инвестор должен получить разрешение от ЕС. Без согласия ЕС истец не может привлечь к ответственности ответчика.

По состоянию на сегодня предложения Европейского совета и Женевского центра по урегулированию международных споров активно обсуждаются. Европейский совет планирует создание единого международного суда на территории ЕС.

Следует отметить, что идея создания постоянного суда также обсуждается и за пределами ЕС. В марте 2018 года Европейской комиссии было поручено вести переговоры об учреждении постоянного суда, преимуществами которого стали бы открытость и доступность судебных процессов, независимость судей и возможность обращения к апелляции²¹⁸.

Концептуальное предложение по усовершенствованию международной системы разрешения инвестиционных споров предварительно формулируется

²¹⁸ Multilateral investment court: Council gives mandate to the Commission to open negotiations // Council of the European Union URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/20/multilateral-investment-court-council-gives-mandate-to-the-commission-to-open-negotiations/>. (дата обращения 11.06.2023)

Г. Кауфманн-Кёлером и М. Потестом²¹⁹. Они предлагают трансформировать существующую структуру, опираясь на принципы ЮНСИТРАЛ, и образовать постоянный многостороннее инвестиционное судебное учреждение (далее – ПМИС).

Аргументы в пользу такой инициативы включают потенциал повышения авторитета и легитимности судебных решений, а также укрепления роли прецедентов в инвестиционных спорах. Дополнительно, избрание постоянных судей обеспечит их независимость и объективность. Позитивное отношение к такому суду на международной арене также обещает упрощение процесса признания и исполнения его решений в различных юрисдикциях.

По нашему мнению такой проект, возможность преодолеть множество процессуально-организационных проблем международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, таких как недостаточность средств защиты после вынесения арбитражного решения, спорность юрисдикции после суброгации права требования инвестора в пользу международной страховой организации или государства, недостаточность антикоррупционного режима международного инвестиционного арбитража, отсутствие единообразия толкования положений международного права в практике международных инвестиционных арбитражей.

Эксперты также видят возможность внедрения двойственного механизма обжалования решений первой инстанции: организация внутренней системы обжалования с возможностью пересмотра существа дела и создание комитета для обеспечения возможности аннулирования решений суда (по аналогии с механизмом в УСИГ).

Однако, с учетом возможного создания такого глобального суда, возникнет вопрос о послаблении роли уже заключенных инвестиционных договоров и

²¹⁹ См.: Kaufmann-Kohler G., Potesta M. Can the Mauritius Convention Serve as a Model for the Reform of Investor-State Arbitration in Connection with the Introduction of a Permanent Investment Tribunal or an Appeal Mechanism? // URL: http://www.uncitral.org/pdf/english/CIDS_Research_Paper_Mauritius.pdf. (дата обращения: 11.06.2023).

условий их разрешения. Г. Кауфман-Кёлер и М. Потест предлагают внедрить механизм распространения нового процесса на споры, возникшие до его основания, что аналогично Маврикийской конвенции²²⁰.

Идея организации глобального постоянно действующего инвестиционного суда вызвала дискуссии и споры среди профессионалов в области международного арбитража²²¹. Многие сомневаются в преимуществах этого предложения, и его резко критикуют некоторые известные арбитры.

Например, именитый арбитр Ч. Брауер озвучил предостережения относительно потенциальных негативных последствий такого нововведения. По его мнению, учреждение такого стационарного суда может подорвать некоторые ключевые преимущества текущей системы арбитража. Он отмечает, что возможность для сторон выбрать арбитра и высказать свое мнение - два важных компонента того, что делает арбитраж привлекательным методом разрешения споров. Эти возможности могут быть уничтожены при замене на институт постоянного суда. Более того, такое развитие событий может привести к политизации всей системы разрешения инвестиционных споров²²².

Австрийский арбитр К. Шрёер также высказывает свои опасения. Он предполагает, что назначение судей государствами может вызвать регресс самой системы разрешения инвестиционных споров. Шрёер подчеркивает, что существует большой риск того, что судьи, назначенные отдельными государствами, могут быть не склонны выносить решения против этих самых государств, особенно если они являются гражданами этих стран²²³.

²²⁰ Kaufmann-Kohler G., Potesta M. The Composition of a Multilateral Investment Court and of an Appeal Mechanism for Investment Awards. 2017. 127 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3457310_code2210890.pdf?abstractid=3457310&mirid=1 (дата обращения: 11.06.2023)

²²¹ Lavranos N. The ICS and MIC Projects: A Critical Review of the Issues of Arbitrator Selection, Control Mechanisms, and Recognition and Enforcement. -Handbook of International Investment Law and Policy. / Ed. by J. Chaisse, L. Choukroune, S. Jusoh. Singapore: Springer. 2021. P. 841-863. https://doi.org/10.1007/978-981-13-3615-7_81

²²² См: Brower Ch. N., Rosenberg Ch. B. The Death of the Two-Headed Nightingale: Why the Paulsson van den Berg Presumption that Party-Appointed Arbitrators are Untrustworthy is Wrongheaded // Arbitration International. Vol. 29. Iss. 1. 1 March 2013. P. 7-44.

²²³ Schreuer Ch. The Future of Investment Arbitration. // URL: https://www.univie.ac.at/intlaw/pdf/98_futureinvestmentarbitr.pdf (дата обращения 11.06.2023)

Таким образом, обсуждение учреждения глобального постоянно действующего инвестиционного суда влияет на множество сложных вопросов. Это явно подтверждает, что при переходе к новой системе необходимо тщательно обдумать все последствия, чтобы сохранить наиболее приемлемое и привлекательное для сторон основы системы арбитража и не провоцировать лишней политизации в вопросах разрешения инвестиционных споров.

Безусловно, создание международного суда действительно позволит упорядочить множественность различных механизмов рассмотрения споров.

Одним из главных преимуществ такого проекта ПМИС является то, что он будет органом ООН, что гарантирует его независимость и объективность. Кроме того, ПМИС защитит права инвесторов, независимо от того, являются ли они гражданами своих стран или иностранцами.

Однако некоторые эксперты считают, что ПМИС может быть использован для ущемления интересов государств. Кроме того, рассмотрение споров в ПМИС может занять длительное время, что может негативно повлиять на интересы инвесторов.

В целом, ПМИС является важным инструментом для защиты прав инвесторов и урегулирования споров между инвесторами и государствами. Его создание может стимулировать экономический рост и привлечение инвестиций в различные страны. Однако, необходимо учитывать и сомнения, высказываемые в отношении его эффективности и соответствия общественным интересам.

Необходимо учитывать, что создание ПМИС может привести к дальнейшей фрагментации международного инвестиционного правопорядка и механизмов защиты иностранных инвестиций, поскольку данные процессы протекают преимущественно на региональном уровне, а создание такого учреждения на универсальном уровне может привести к формированию замкнутых международно-правовых режимов защиты иностранных инвестиций, вследствие малой поддержки государств и не взаимосвязанности универсального и региональных процессов.

Заключение

В данной работе был проведен анализ международно-правовых актов и актуальной практики в сфере защиты иностранных инвестиций. Результатом стала разработка научных положений об институционализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

В ходе исследования было принято решение придерживаться ранее разработанного в юридической науке предмета международно-правового регулирования в сфере защиты иностранных инвестиций и понятия иностранных инвестиций, разработанных в работах И. З. Фархутдинова, Д. К. Лабина и А. А. Данельяна.

Авторское определение механизмов защиты иностранных инвестиций определено как комплексы процедур и организационных структур, урегулированные международным публичным правом и гарантирующие соблюдение прав и обязанностей иностранных инвесторов по международным договорам. Под процедурами понимаются предусмотренные международным инвестиционным правом формы и методы защиты иностранных инвестиций, которые не требуют учреждения специальных международных организаций или учреждений. Под структурами же понимаются специально-учрежденные международные организации и учреждения.

В состав механизмов защиты иностранных инвестиций входят УСИГ, механизм предоставления гарантий (страхование) и дипломатическая защита инвестиций (включая механизмы защиты национальных инвестиций во Всемирной торговой организации). На современном этапе основным и наиболее дискуссионным является механизм УСИГ, которому автором посвящен основной объем диссертационного исследования.

По итогам рассмотрения понятия «юридической институционализации» было предложено понятие «институционализации» международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций, как процесса образования,

развития и актуализации правовых и организационно-правовых институтов, направленных на защиту иностранных инвестиций.

Институционализация механизмов защиты иностранных инвестиций разделяется на прото-этап и четыре этапа, начиная с эпохи колонизации и завершая современной эпохой «гуманизации» международного экономического правопорядка.

Современная институционализация международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций началась примерно с 2008 года после череды финансово-экономических кризисов и характеризуется поиском нового баланса частных и публичных интересов в данной сфере. На прошлом этапе институционализации предшествующий баланс был явно смещен в пользу интересов иностранных инвесторов, что было связано с процессами национализации в государствах социалистического блока, деколонизации, формированием Бреттон-Вудской системы международных экономических отношений, а позже распадом социалистического блока.

Важной характерной особенностью современной институционализации механизмов защиты иностранных инвестиций является регионализация механизмов защиты иностранных инвестиций. Она представляет собой диалектическую противоположность глобализации международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций.

Воздействуя на рассматриваемые механизмы в части их гармонизации и единства на региональном уровне, она также приводит к фрагментации универсального международного инвестиционного правопорядка и к деструктуризации механизмов защиты иностранных инвестиций на универсальном уровне.

На современном этапе институционализации происходит изменение баланса в сторону публичных интересов вследствие экономического усиления развивающихся государств и «гуманизации» международного экономического

правопорядка, что видно исходя из политик государств по пересмотру ДИД и МИС, а также практики международного инвестиционного арбитража.

«Гуманизация» международного экономического правопорядка является интеграцией политик и процедур, которые делают регулирование мировой экономики более ориентированным на укрепление и развитие человеческого капитала. Этот процесс согласуется со стратегией устойчивого развития, которую четко отражает Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О трансформации нашего мира для достижения устойчивого развития к 2030 году».

В контексте данной «гуманизации» происходит схожая тенденция в отношении механизмов защиты иностранных инвестиций. Это означает, что влияние прав человека и экологического права увеличивается и теснее переплетается с механизмами защиты иностранных инвестиций. Видно, это в укреплении доктрин «права на регулирование» и «права на развитие», которые интегрируются в международные инвестиционные соглашения и отражены в практике международных инвестиционных арбитражей.

Эта «гуманизация» в области инвестиций обеспечивает более справедливое и включающее управление, где стремление к прибыли сбалансировано с учетом основных прав и потребностей людей, а также с учетом важности сохранения и охраны окружающей среды. Эта поддержка более гуманного подхода к инвестиционной деятельности отражает широкую тенденцию к более устойчивой и справедливой глобальной экономике.

Важным аспектом правильного функционирования механизмов защиты иностранных инвестиций и, в частности органов по разрешению инвестиционных споров, является транспарентность и беспрестанность. Данные вопросы напрямую связаны с аспектом коррупции. Коррупция в инвестиционном арбитраже приводит к вынесению необоснованных решений, вследствие нарушения объективности и беспристрастности лиц, участвующих в процессе, и лиц, ответственных за принятие решение.

Коррупция, искажая структуру инвестиционных правоотношений, при которых требования инвестора или позиция государства становятся необоснованными, а решение спора несправедливым. Такое происходит, когда коррупционный аспект проникает в сами инвестиционные правоотношения на любых этапах инвестиционной деятельности от заключения контракта до репатриации инвестиций. Это приводит к утере юрисдикции органов по разрешению споров между инвестором и государством.

Юрисдикция органов по разрешению инвестиционных споров вытекает из двух типов договоров: двухсторонних и многосторонних инвестиционных договоров и договоров, учреждающих соответствующие органы. Зачастую она формируется из следующих спорных ситуаций: национализации инвестиций, неосторожного и непродуманного вмешательства государства в коммерческую деятельность иностранных инвесторов, дискриминационное обращение и пр.

На современном этапе стремясь ограничить юрисдикцию органов по разрешению инвестиционных споров, всё больше и больше государств включают положения о «праве на регулирование» в свои двусторонние и многосторонние соглашения для обеспечения пространства для политики в области общественного здравоохранения, образования, окружающей среды и т. д. Оно призвано сбалансировать интересы государства и иностранных инвесторов.

Сложность определения и применения концепции «права на регулирование» в международном инвестиционном праве подчеркивает необходимость разработки более ясных и последовательных методов для его определения и применения. Это поможет сбалансировать интересы и обеспечит соблюдение обязательств, которые государства приобретают при принятии международных инвестиционных обязательств, соблюдая при этом свои суверенные обязанности по обеспечению общественного блага.

Для справедливого разрешения споров современные арбитражные регламенты имеют развитую систему процесса, что рассматривалось в работе. При этом наиболее остро стоит вопрос со средствами защиты после вынесения

решения. В международном инвестиционном праве, после вынесения арбитражного решения, средства защиты включают в себя: принудительное исполнение решения, компенсация ущерба, отмена решения, апелляция, пересмотр решения.

Однако в рамках современных механизмов защиты иностранных инвестиций данные средства являются недостаточными, вследствие арбитражной природы большинства органов по разрешению инвестиционных споров, что налагает ограничения на механизмы апелляции, принудительного исполнения, отмены решения и пересмотра. Возможностью преодолеть эти и другие процессуально-организационные проблемы международно-правовых механизмов защиты иностранных инвестиций является создание международных инвестиционных судебных учреждений, что необходимо рассматривать, как закономерный этап институционализации механизмов защиты иностранных инвестиций.

Одновременно с этим создание таких учреждений вместе с регионализацией механизмов может привести к созданию замкнутых международно-правовых режимов защиты иностранных инвестиций.

Список литературы

Нормативно-правовые и иные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

2. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М, 1956. – С. 14–47.

3. «Соглашение об учреждении Евразийской перестраховочной компании» (Заключено в г. Ереване 20.10.2022) (вместе с «Уставом Евразийской перестраховочной компаниями») // Офиц. Сайт Правительства Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/all/142809/> (дата обращения: 11.06.2023)

4. Договор к Энергетической Хартии от 17 декабря 1994 г. // Energy Charter Secretariat – URL: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

5. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 08.05.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2023).

6. Договор, учреждающий Европейское сообщество и Договор о Европейском Союзе (в редакции Ниццкого Договора 2001 г.). – URL:

www.eurocollege.ru/filesserver/infcenter/Treaty-EU-EC-Nice_rus.doc.

(дата

обращения: 12.06.2023)

7. Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров. Приложение 2 к Марракешскому соглашению (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2012. – №37. – Прил. ч. VI. – Ст. 2850–2873.

8. Дополнительный протокол от 15 мая 2003 года к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // European Council Official Site. – URL: <https://rm.coe.int/168008373c> (дата обращения: 12.06.2023)

9. Конвенция о защите прав инвестора (заключена в г. Москве 28.03.1997) // «Вестник ВАС РФ». – N 8. – 1997

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

11. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (МЦУИС) (г. Вашингтон, 18 марта 1965 г.) // Международное публичное право: сб. документов. – Т. 1. – М.: БЕК, – С. 210–229. – Текст парал. на рус. и англ. яз.

12. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // СЗ РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.

14. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. // СЗ РФ. – 2012. – № 17. – Ст. 1899.

15. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (2007/С 306/01) // Official Journal of the European Union 2007. – № 306. – 17.12.2007.

16. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37. – Ст. 2514-2523.

17. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

18. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

19. Протокол «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» от 16 декабря 2011 г. // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2012. – №37. – Ст. 4986.

20. Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 11 октября 1985 г. // Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России: сб. нормат. актов и документов. – М.: Юрид. лит., 1995. – С. 197–276.

21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 09.11.2006) (заключено в г. Пекине 09.11.2006) // Собрание законодательства РФ". – 16.11.2009. – N 46. – ст. 5421

22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики «Об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года» от 27 мая 1997 г. // Бюллетень международных договоров. – 1997. – № 10. – С. 63–65.

23. Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах-членах Евразийского экономического сообщества от 12 декабря 2008 г. // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2023)

24. Соглашение по торговым аспектам инвестиционных мер (ТРИМС/TRIMs) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37. – Прил. VI. – Ст. 2650–2653.

25. Соглашение стран СНГ от 24.12.1993 «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – N 5. – 1993

26. Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. // Office of the U.S. Trade Representative – URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between>

27. EU-Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) // European Union – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/canada/eu-canada-agreement_en. (дата обращения: 12.06.2023).

28. Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. // ASEAN Secretariat – URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/All-Chapters.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).

29. Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.

30. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Официальный сайт ООН. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 12.06.2023)

31. The Global Programme Against Corruption // United Nations Office on Drugs and Crime URL: <http://www.unodc.org/pdf/crime/toolkit/f1tof7.pdf>. (дата обращения: 12.06.2023)

Материалы арбитражной и судебной практики

1. Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. – 2013. – № 2.

2. Bilcon of Delaware Inc. v. Government of Canada, UNCITRAL, PCA Case No. 2009-04 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1588> (дата обращения: 11.06.2023)

3. Burlington Resources Inc. v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/5, Decision on Ecuador's Counterclaims, 7 February 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/181> (дата обращения: 11.06.2023)

4. Joint Cases C-402/05 P and C-415/05 P [2008] ECR I-6351 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=67611&doclang=en> (дата обращения: 11.06.2023)

5. Marvin Roy Feldman Karpa v United Mexican States, ICSID Case No ARB(AF)/99/1, Award (16 December 2002) // URL: <https://www.italaw.com/cases/435> (дата обращения: 11.06.2023)

6. Mesa Power Group LLC v. Government of Canada, PCA Case No. 2012-17, Award, 24 March 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1619> (дата обращения: 11.06.2023)

7. Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3 // URL: <https://www.italaw.com/cases/2272> (дата обращения: 14.06.2023)

8. Methanex Corporation v United States of America, UNCITRAL, Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits (3 August 2005) // URL: <https://www.italaw.com/cases/683> (дата обращения: 11.06.2023)

9. Paris Court of Appeal, Belokon v. Кыргызстан, 21 February 2017, No.

15/01650. // URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-valeri-belokon-v-kyrgyz-republic-judgment-of-the-paris-court-of-appeal-tuesday-21st-february-2017>

(дата обращения: 14.06.2023)

10. Paris Court of Appeal, Libyan State v. Sorelec, 17 November 2020, No. 18-02568. // URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-sorelec-v-libya-arret-de-la-cour-dappel-de-paris-sentence-finale-tuesday-17th-november-2020>

(дата обращения: 14.06.2023)

11. Perenco Ecuador Ltd v. Republic of Ecuador, ICSID Case No. ARB/08/6, Interim Decision on the Environmental Counterclaim, 11 August 2015 // URL: <https://www.italaw.com/cases/819> (дата обращения: 11.06.2023)

12. Peter A. Allard v. The Government of Barbados, PCA Case No., 2012-06, Award, 27 June 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/4327> (дата обращения: 11.06.2023)

13. SAUR International SA v Republic of Argentina, ICSID Case No ARB/04/4, Decision on Jurisdiction and Liability (6 June 2012) // URL: <https://www.italaw.com/cases/1456> (дата обращения: 11.06.2023)

14. Tokios Tokenes v. Ukraine (ICSID Case No. ARB/02/18, Decision on jurisdiction, 184 (Apr. 29, 2004), 20 ICSID Rev. 205.) // URL: <https://www.italaw.com/cases/1099> (дата обращения: 11.06.2023)

15. Urbaser v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/07/26, Award, 8 December 2016 // URL: <https://www.italaw.com/cases/1144> (дата обращения: 11.06.2023)

16. World Duty Free Company v Republic of Kenya, ICSID Case No. Arb/00/7 // URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (дата обращения: 14.06.2023)

Научные издания на русском языке

1. Ануфриева, Л. П. Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки) / Л. П. Ануфриева // Большая Евразия:

Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник, Москва, 06–07 октября 2021 года. Том Выпуск 5. Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 356-360. – EDN XNSO AQ.

2. Богатырёв, А. Г. О международном инвестиционном праве / А. Г. Богатырёв // Советский журнал международного права. – 1991. – № 2. – С. 18–20.

3. Богуславский, М. М. Иностраннные инвестиции: правовое регулирование / М. М. Богуславский. – М., 1996. – 492 с.

4. Бондаренко, Н. Л. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования / Н. Л. Бондаренко, А. В. Шидловский // Право.by. – 2022. – № 5(79). – С. 136-142. – EDN EAWFRC.

5. Бутова, Е. С. Ветер перемен: актуальные обсуждения реформы системы разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами / Е. С. Бутова, К. В. Коротеева // Закон. – 2018. – № 5. – С. 153–163.

6. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс / Г. М. Вельяминов. – М., 2004. – 496 с.

7. Викторова, Н. Н. Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. / Н. Н. Викторова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 10. – С. 101–108. – <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.62.10.101-109>

8. Виноградов, В. А. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917– 1918 гг.) / В. А. Виноградов. – М., 1955. – С. 108.

9. Вознесенская, Н. Н. Международно-правовой механизм защиты иностранных инвестиций / Н. Н. Вознесенская // Закон. – 2011. – № 5. – С. 90–97. – EDN NTIXXD.

10. Волеводз, А. Г. Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: современные проблемы ; под ред. Г. И. Богуша, Е. Н.

Трикоз. – М.: Ин-т права и публ. политики, 2009. – С. 303–323.

11. Гаджиев, Х. И. Сближение правовых систем: роль международного правосудия / Х. И. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 8. – С. 119-134. – DOI 10.12737/jrl.2022.088. – EDN EQLPMG.

12. Данельян, А. А. Национализация: вопросы международного права / А. А. Данельян. – Москва-Санкт-Петербург : Автономная некоммерческая организация «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации», 2015. – 284 с. – ISBN 978-5-98712-170-2. – EDN WARKAZ.

13. Дементьев, А. А. Интеграционное перерождение: из НАФТА в USMCA / А. А. Дементьев // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 179-187. – DOI 10.31857/S102694520011081-0. – EDN МАСТКФ.

14. Доронина, Н. Г. Влияние международного права на развитие инвестиционного законодательства / Н. Г. Доронина // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 3. – С. 123-129. – EDN RBLIDT.

15. Доронина, Н. Г. Порядок разрешения инвестиционных споров как фактор, улучшающий инвестиционный климат / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража : Liber Amicorum в честь А. А. Костина, О. Н. Зименковой, Н. Г. Елисеева / Составители и научные редакторы: С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А. И. Муранов, Е. В. Вершинина. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2013. – С. 113-143. – EDN LXFLOE.

16. Доронина, Н. Г. Правовые проблемы разрешения инвестиционных споров и развитие российского законодательства об альтернативных механизмах разрешения споров / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина // В.А. Кабатов, С.Н. Лебедев: In Memoriam : Сборник воспоминаний, статей, иных материалов / Научные редакторы: А.И. Муранов, О.Н. Зименкова, А.А. Костин; Составители: А.И. Муранов; Редакторы П.Д. Савкин; Ответственный секретарь: Ю.А. Шабалина; Кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н.

Лебедева МГИМО МИД России; МАК при ТПП РФ; МКАС при ТПП РФ.. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. – С. 502-520. – EDN YOAYTZ.

17. Ельцов, Н. С. Основные этапы процесса институционализации профессиональных юридических общественных объединений в России / Н. С. Ельцов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 18-22. – EDN ZGYWBB.;

18. Имомов, Х. Ш. К вопросу о правовой институционализации политических партий в науке конституционного права / Х. Ш. Имомов // Государствоведение и права человека. – 2019. – № 1(13). – С. 99-107. – EDN PEXQIR.;

19. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-91768-988-3. – EDN YUMFIL.

20. Исполинов, А. С. Право ЕС и международное право: последствия нового подхода Суда ЕС к договорам, заключенным государствами членами с третьими странами / А. С. Исполинов, А. А. Ануфриева // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 3 (34). – С. 66–71.

21. Исполинов, А. С. Суд Европейского союза, Яссин Кади и статья 103 Устава ООН / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6. – С. 27–35.

22. Исполинов, А. С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 2. После дела Achmea / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3(138). – С. 31-48. – DOI 10.34076/20713797_2021_3_31. – EDN WPEJAC.

23. Использование финансовых инструментов и реализация новых конституционных запретов / И. И. Кучеров, М. Цзихун, И. Кастелуччи [и др.]. –

Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021. – 142 с. – ISBN 978-5-4365-7694-7. – EDN YINQFF.

24. Каламкарян, Р. А. Международный Суд в миропорядке на основе господства права / Р. А. Каламкарян. – М.: Наука, 2012; Его же. Международный Суд как орган правосудия по разрешению споров между государствами // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 66–75.

25. Каламкарян, Р. А. Поведение государств в Международном Суде ООН: международно-правовые проблемы судебно-арбитражного производства / Р. А. Каламкарян. – М.: Наука, 1999.

26. Камышевский, В. И. МАГИ*: механизм защиты иностранных капиталовложений от некоммерческих рисков / В. И. Камышевский // Российский внешнеэкономический вестник. – 2009. – № 2. – С. 69-72. – EDN MTHSPX.

27. Капустин, А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы / А. Я. Капустин // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 120-132. – DOI 10.31857/S013207690000217-0. – EDN YLCALJ.

28. Капустин, А. Я. Право евразийской экономической интеграции в фокусе международного права / А. Я. Капустин // Государство и право. – 2017. – № 6. – С. 79-88. – EDN YSRZPZ.

29. Карро, Д. Международное экономическое право / Д. Карро, П. Жюйар. – М., 2002. – С. 400–411.

30. Ковлер, А. И. Европейская интеграция: впечатляющие результаты «Федерализации» и обостряющиеся проблемы / А. И. Ковлер // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – №4 (56).

31. Кожевников, Ф. И., Международный суд ООН / Ф. И. Кожевников, Г.В. Шармазанашвили. – М., 1971. – С. 10–11.

32. Косторниченко, В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. / В. Н. Косторниченко // Экономическая история: обозрение ; под ред. Л. И. Бородкина. – 2005. – Вып. 10. – С. 80-100.

33. Лабин, Д. К. Международно-правовое регулирование инвестиционных

отношений: (ист. очерк) / Д. К. Лабин // Право и политика. – 2000. – № 9. – С. 30–37.

34. Ладыженский, А. М. Мирные средства разрешения споров между государствами / А. М. Ладыженский, И. П. Блищенко. – М., 1962. – 176 с.

35. Лифшиц, И. М. Третий лишний? Финансирование третьей стороной в инвестиционных спорах: разработки ЮНСИТРАЛ / И. М. Лифшиц, А. В. Шаталова // Международное правосудие. – 2022. – № 2. – С. 113–131. – URL: <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-2-113-131>.

36. Лифшиц, И. М. Эпоха COVID-19: ограничительные меры государств и требования иностранных инвесторов / И. М. Лифшиц, А. В. Шаталова // Московский журнал международного права. – 2022. – № 1. – С. 113–127. – <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-113-127>

37. Лукашук, И. Глобалистика: новый уровень мышления / И. Лукашук // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 71-72. – EDN UGLNBD.

38. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.

39. Матвеев, В. В. Тенденции развития международно-правовых механизмов защиты прав иностранных инвесторов в контексте целей устойчивого развития / В. В. Матвеев, // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 127–136. DOI: 10.12737/jflcl.2022.017

40. Нешатаева, Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс: в 3 ч. / Т. Н. Нешатаева. – М.: Городец, 2004.

41. Орлова, Е. Р. Инвестиции: курс лекций / Е. Р. Орлова. – М.: Омега-Л, 2003. – С. 6–14.

42. Пименова, С. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы / С. Пименова // Международное правосудие. – 2018. – № 4(28). – С. 113-125. – DOI 10.21128/2226-2059-2018-4-113-125. – EDN YRROWL.

43. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Издательский Дом "Инфра-М", 2019. – 384 с. – ISBN 978-5-16-012463-6. – EDN APSTOG.

44. Рачков, И. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год / И. Рачков // Международное правосудие. – 2018. – №3(27). – С. 93–110.

45. Рачков, И. Тенденции развития международного инвестиционного арбитража: вопросы по существу споров / И. Рачков // Международное правосудие. – 2019. – №1(29). – С. 93–117.

46. Середа, В. А. К вопросу международно-правовой защиты иностранных инвестиций в эру цифровой экономики (теоретический аспект) / В.А. Середа // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2020. – №5(2). – С.72–78.

47. Смбатян, А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / А. С. Смбатян. – М.: Статут, 2012.

48. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – Москва : Зерцало-М, 2016. – 416 с. – ISBN 978-5-94373-352-9. – EDN XMZJRD.

49. Ушаков, Н. А. Проблемы теории международного права / Н. А. Ушаков. – М.: Наука, 1988. – 191 с.

50. Фархутдинов, И. З. Становление и развитие международного инвестиционного права в условиях глобализации: основные параметры / И. З. Фархутдинов // Современное право. – 2006. – № 7.

51. Хабриева, Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 5-26.

52. Хабриева, Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных

вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М., 2020. – 240 с.

53. Хабриева, Талия Ярулловна Социальный контроль и противодействие коррупции / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – №4 (65). – С. 5-10.

54. Хлестова, И. О. Юрисдикционный иммунитет государства / И. О. Хлестова. – М. : Юриспруденция, 2007. – 216 с.

55. Цирина, Мадина Ахметовна Правовая природа международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) / М.А. Цирина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – №4 (65).

56. Шилл, Ш. В. Международное право защиты инвестиций и сравнительное публичное право: основания и методы публично-правовой модели инвестиционного арбитражного судопроизводства / Ш. В. Шилл // ДПП ИМП. – 2012. – № 1. – С. 72–120.

57. Шинкарецкая, Г. Г. Международная судебная процедура / Г. Г. Шинкарецкая. – М.: Наука, 1992.

58. Шулятьев, И. А. Акты международных экономических организаций в правовой системе России в контексте конституционных преобразований / И. А. Шулятьев // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2022. – № 1. – С. 82-87. – EDN ATRMKF.

59. Шулятьев, И. А. Нормативный подход к оценке государственного участия в российской экономике / И. А. Шулятьев // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12(163). – С. 471-475. – EDN BIMZSH.

60. Шумилов, В. М. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства / В. М. Шумилов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 9-16. – DOI 10.24412/2072-8042-2023-5-9-16. – EDN OMPJTJ.

61. Шумилов, В. М. Феномен права ВТО и законодательство России / В. М. Шумилов // Современный юрист. – 2013. – № 2(3). – С. 87-106. – EDN QADJAB.

62. Эдиев, А. М. Инвестиции как фактор экономического роста / А. М. Эдиев, И. Р. Усамов // Известия Чеченского государственного педагогического университета. – Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 26, № 4(28). – С. 205-212. – EDN XWYJEV.

63. Энтин, М. Л. Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров / М. Л. Энтин. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 176 с..

64. Энтин, М. Л. Установление косвенной юрисдикции Суда ЕС над резолюциями Совета Безопасности ООН. / М. Л. Энтин. – [URL: http://www.alleuropa.mgimo.ru/ustanovlenie-kosvennoy-iurisdiktsii-suda-es-nad-rezoliutsiyami-soveta-bezopasnosti-oon](http://www.alleuropa.mgimo.ru/ustanovlenie-kosvennoy-iurisdiktsii-suda-es-nad-rezoliutsiyami-soveta-bezopasnosti-oon) (дата обращения: 11.06.2023)

Диссертационные исследования

1. Богатырев, А.Г. Государственно-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений. (Вопросы теории). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Богатырев Александр Григорьевич - М., 1996. - 303 с.

2. Выходов, А. А. Социально-правовой механизм обеспечения прав личности в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.01 / Выходов Александр Александрович. – Орел, 2013.

3. Данельян, А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Данельян Андрей Андреевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. – Москва, 2016.

4. Камышевский, В. И. Международно-правовой механизм инвестиционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Камышевский, В. И. – М., 2013.

5. Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка: дис. ... докт. юрид.: 12.00.10 / Лабин Дмитрий Константинович. - Москва - 2005

6. Соловьева, А. В. Международно-правовые доктрины инвестиционного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Соловьева Алёна Викторовна – Москва : МГИМО, 2020.

7. Фархутдинов, И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика : теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Фархутдинов Инсур Забирович . - Москва, 2006

Научные издания на иностранном языке

1. Aaken A. van, Kurtz J. The Global Financial Crisis: Will State Emergency Measures Trigger International Investment Disputes? // Perspective on topical direct investment issues by the Vale Columbia Center on Sustainable International Investment. – N 3. – March 23, 2009. – URL: <http://hdl.handle.net/10022/AC:P:8775>. (дата обращения: 12.06.2023)

2. Alvarez G.M. A Response to the Criticism against ISDS by EFILA. // Journal of International Arbitration. – Vol. 33. – 2016. – Issue. 1. – P. 1–36.

3. Alvarez, J.& Khamsi, K. The Argentine Crisis and Foreign Investors: A Glimpse into the Heart of the Investment Regime / In Yearbook on International Investment Law, Oxford. – 2009 – P. 379–478.

4. Borchard E. M. The Diplomatic Protection of Citizens Abroad, or, The Law of International Claims // The Banks Law Publishing Co. – 1915. – 284 p.

5. Brower Ch. N., Rosenberg Ch. B. The Death of the Two-Headed Nightingale: Why the Paulsson van den Berg Presumption that Party-Appointed Arbitrators are Untrustworthy is Wrongheaded // Arbitration International. – Vol. 29. – Iss. 1. – 1 March 2013. – P. 7–44.

6. Ignacio de la Rasilla, A Very Short History of International Law Journals

(1869–2018) // *European Journal of International Law*. – Volume 29. – Issue 1. – February 2018. – P. 137–168

7. Brush T. H., Bromiley, P., & Hendrickx, M. The free cash flow hypothesis for sales growth and firm performance // *Strategic Management Journal*. –Vol. 21. – No. 4. – Apr., 2000. – pp. 455-472

8. Bungenberg M., Reinisch A. From Arbitral Tribunals to a Multilateral Investment Court: The European Union Approach / In *Handbook of International Investment Law and Policy*. Ed. by J. Chaisse, L. Choukroune, S. Jusoh. Singapore: Springer. – 2021. – P. 2285–2319. https://doi.org/10.1007/978-981-13-3615-7_109.

9. Calamita N.J. The (In)Compatibility of Appellate Mechanisms with Existing Instruments of the Investment Treaty Regime // *The Journal of World Investment and Trade*. – 2017. – Vol. 18. – Issue 4. – P. 585–627. <https://doi.org/10.1163/22119000-12340053>.

10. Calamita N., Jansen Sattorova, Mavluda The Regionalization of International Investment Treaty Arrangements (*Investment Treaty Law: Current Issues*) / *British Institute of International and Comparative Law (BIICL)*. – 22 January 2015. – 328 p.

11. Capri Alessandro A Preliminary Assessment of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // *ADB Briefs*. – 2022. – <http://dx.doi.org/10.22617/BRF220009-2>

12. Croft C., Kee C., & Waincymer J. Evidence. / In *A Guide to the UNCITRAL Arbitration Rules* / Cambridge: Cambridge University Press. – 2013. – P. 298-323. doi:10.1017/CBO9781139018135.033.

13. Katigbak Jovito, RCEP and the Future of Asian Free Trade Agreements: A Philippine Perspective / *Center for International Relations and Strategic Studies*. – 2017. – ISSN 2423-2912 (Print), ISSN 2423-2920 (Online) – 4 p.

14. Dolzer R., & Schreuer, C. *Principles of International Investment Law*. / Oxford University Press. – 2008. – 560 p.

15. Feldman M. Investment Arbitration Appellate Mechanism Options: Consistency, Accuracy, and Balance of Power. - *ICSID Review* // *Foreign Investment*

Law Journal. – 2017 – Vol. 32. – Issue 3. – P. 528-544.
<https://doi.org/10.1093/icsidreview/six009>.

16. Freshfields Bruckhaus Deringer. The Global Anti-Benefit Landscape 3 (2018). // URL: <http://knowledge.freshfields.com/m/Global/r/3776> [https://perma.cc/CJF3-Y2RS]. (дата обращения: 11.06.2023).

17. Gary B. Born International Commercial Arbitration / Wolters Kluwer, 3rd ed., 3 volumes, – 2021. – doi: https://doi.org/10.1163/24689017_0601020.

18. Gary Clyde Hufbauer and Jeffrey J. Schott Under the Hood, the USMCA Is a Downgrade for North America // URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/under-hood-usmca-downgrade-north-america> (дата обращения: 11.06.2023).

19. Hefti T. La protection de la propriete etrangere en droit international public. – Zurich: Schulthess Polygraphischer, 1989. – P. 6–8.

20. Henkin L. International Law: Cases and Materials. – Saint Paul, Minnesota, U.S.A.: West Publishing Co., 1993. – P. 525–538.

21. Jeswald W. Salacuse, BIT by BIT: The Growth of Bilateral Investment Treaties and Their Impact on Foreign Investment in Developing Countries // 24 INT'L LAW. – 1990. –p. 655-659.

22. Front Cover. Gerrit W. Gong, The Standard of «civilization» in International Society / Clarendon Press, 1984 - Civilization, Modern - 267 p.

23. Jova J. J., Smith C.E., Crigler T. F. Private Investment in Latin America: Renegotiating the Bargain // Texas International Law Journal. – 1984. – Vol. 19. N 1. – P. 12.

24. Kaufmann-Kohler G., Potesta M. 2017. The Composition of a Multilateral Investment Court and of an Appeal Mechanism for Investment Awards. – 127 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3457310_code2210890.pdf?abstractid=3457310&mirid=1 (дата обращения: 11.06.2023).

25. Kumar, Supragya, Investor Protection in South Africa. // URL: <https://ssrn.com/abstract=2399466> (дата обращения: 11.06.2023).

26. Lavranos N. The ICS and MIC Projects: A Critical Review of the Issues of Arbitrator Selection, Control Mechanisms, and Recognition and Enforcement. / Handbook of International Investment Law and Policy. Ed. by J. Chaisse, L. Choukroune, S. Jusoh. – Singapore. – Springer. – 2021. – P. 841–863. – https://doi.org/10.1007/978-981-13-3615-7_81.

27. Lillich R. B., and Weston B. H. International Claims: Their Adjudication by National Commissions / 11 Buff. L. – 1962. –685 p.

28. M. Hirsch. The Sociology of International Economic Law: Sociological Analysis of the Regulation of Regional Agreements in the World Trading System // The European Journal of International Law. – Vol. 19. – No. 2. – P. 278.

29. M. Prost. The Concept of Unity in Public International Law. / Bloomsbury Publishing. – 15 Marth 2012 – 226 p. – ISBN 9781847319173

30. Mann F.A. British Treaties for the Promotion and Protection of Investments / In British Yearbook of International Law. – Volume 52. – Issue 1. – 1981, P. 241–254. – <https://doi.org/10.1093/bybil/52.1.241>

31. Moses M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration: Third Edition (3rd ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – 2017. – doi:10.1017/9781316585245.

32. Prabhash Ranjan, India and Bilateral investment Treaties: A Changing Landscape // 29(2) ICSID Review. – Foreign Investment Law Journal. – 2014. – P.419–450.

33. Private dispute resolution in international business: negotiation, mediation, arbitration / Wolters Kluwer. – 2015. – in 2 vol. – ISBN 9789041158284.

34. R. Robertson Globalization: Social Theory and Global Culture. / SAGE Publications Ltd – 2000. – <https://doi.org/10.4135/9781446280447>

35. Rapley J. Understanding Development: Theory and Practice in the Third World 30-31 (3d ed. 2007).

36. Rushton, Simon & Williams, Owain. Partnerships and Foundations in Global Health Governance. / Palgrave MacMillan. – 2011. – 328 p. – doi: 10.1057/9780230299474.
37. Salacuse, J. W. The law of investment treaties / Oxford University Press. – 2017 – 640 p.
38. Schill, S. Schreuer's Commentary on the ICSID Convention: A Commentary on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (3rd ed.) / Cambridge: Cambridge University Press. – 2022. – 1536 p. doi:10.1017/9781316516584.
39. Schill, S. W. Editorial: The New (African) Regionalism in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, 18(3). – 2017 – P. 367–369. – <https://doi.org/10.1163/22119000-12340052>.
40. Schill, S. W. Reforming investor-state dispute settlement: Conceptual framework and options for the way forward – E15 Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum, Geneva. – 2015 – 638 p.
41. Schreuer Ch. The Future of Investment Arbitration. // URL: https://www.univie.ac.at/intlaw/pdf/98_futureinvestmentarbitr.pdf (дата обращения: 11.06.2023).
42. Schwarzenberger G. Foreign Investments and International Law. – London: Stevens&Sons, 1969. – P. 17.
43. Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. – Cambridge [U.K.]; New York, 1994. – №4. – P. 32.
44. Tanzi, V., & Davoodi, H. Corruption, growth, and public finances // International Monetary Fund. – 2000. – 00(182). – P. 1–17.
45. Thirlway, H. The sources of international law. – Oxford University Press. – 2014. – 270 p.
46. Titi C. The Right to Regulate in International Investment Law (Revisited). – Nomos & Hart Publishing. – 2022. – 100 p.

47. Togo and United States: Treaty of Amity and Economic Relations // International Legal Materials. – 1966. – N5. – P. 737–746.

48. Van den Berg J. A. Appeal Mechanism for ISDS Awards: Interaction with the New York and ICSID Conventions. ICSID Review // Foreign Investment Law Journal. – Vol. 34. – Issue 1. – 2019. – P. 156–189. <https://doi.org/10.1093/icsidreview/siz016>.

49. Van den Bossche P., Zdouc W. 2022. The Law and Policy of the World Trade Organization, Text, Cases and Materials. 5th ed. / Cambridge: Cambridge University Press. – 1170 p.

50. Van Harten Gus, Investment Treaty Arbitration and Public Law / Oxford University Press – 2007 – URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:oxp:obooks:9780199217892> (дата обращения: 10.06.2023).

51. Vandeveld K.J. The Political Economy of a Bilateral Investment Treaty / In International Economic Regulation. – 2002. – 22 p.

52. Vattel E. The Law of Nations, or the Principles of Natural Law – Classics of International Law – Book II – Chapter VI at 136 (ed. C. Fenwich transl. 1916).

53. Wolff R. 'Resisting the backlash against investment arbitration: How to limit the discretionary powers of states and promote the rule of law. // Investment Treaty News. – № 7(2). – 2016. – P. 10–13.

54. Wolfgang Alschner, Regionalism and Overlap in Investment Treaty Law: Towards Consolidation or Contradiction? Journal of International Economic Law, Volume 17. – Issue 2, June 2014. – P. 271–298, <https://doi.org/10.1093/jiel/jgu025>

55. J. Nye, International Regionalism. – LITTLE BROWN & COMPANY. – 1968. – 432 p.

Доклады, аналитические материалы, материалы СМИ

1. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка. // Офиц. сайт Президента Российской

Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71814> (дата обращения: 10.09.2023).

2. Путин заявил о заинтересованности России в иностранных инвестициях. // Russia Today – URL: <https://russian.rt.com/business/news/665287-dalniivostok-inostrannye-partnery> (дата обращения: 11.06.2023).

3. Страны СНГ подписали соглашение о свободной торговле услугами. // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17964363> (дата обращения: 11.06.2023)

4. Управления ООН по правам человека. // URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Business/Pages/IIAs.aspx> (дата обращения 11.06.2023).

5. European Commission Press Release Capital Markets Union: an Action Plan to boost business funding and investment financing. – Brussels. 30 September 2015. – URL: http://europa.eu/rapid/pressrelease_IP-15-5731_en.htm?locale=EN (дата обращения: 12.06.2023).

6. European Commission, Impact assessment of the multilateral reform of investment dispute resolution. – 13 September 2017. – COM (2017) 493 final. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017SC0302&from=LV> (дата обращения: 11.06.2023).

7. Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law. – URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1682.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

8. Gaukrodger D., Gordon K. Investor-State Dispute Settlement: A scoping paper for the investment policy community. – OECD Working Paper on International Investment. – 2012/03. – Annex IV.

9. Kaufmann-Kohler G., Potesta M. Can the Mauritius Convention Serve as a Model for the Reform of Investor-State Arbitration in Connection with the Introduction

of a Permanent Investment Tribunal or an Appeal Mechanism?. – URL: http://www.uncitral.org/pdf/english/CIDS_Research_Paper_Mauritius.pdf. (дата обращения: 11.06.2023). (дата обращения: 10.06.2023).

10. Kaufmann-Kohler, G. and Potestà, M., The Composition of a Multilateral Investment Court and of an Appeal Mechanism for Investment Awards. – CIDS Supplemental Report. – 15 November 2017.

11. Multilateral investment court: Council gives mandate to the Commission to open negotiations. – Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/20/multilateral-investment-court-council-gives-mandate-to-the-commission-to-open-negotiations/> (дата обращения: 11.06.2023).

12. Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS) Appellate mechanism and enforcement issues. – United Nations. – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/appellate_mechanism_and_enforcement_issues.docx (дата обращения: 12.06.2023)

13. Robert S. French, Investor-State Dispute Settlement - A Cut Above the Courts? (9 July 2014). – URL: <https://www.hcourt.gov.au/assets/publications/speeches/current-justices/frenchcj/frenchcj09jul14.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

14. Short overview of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) // European parliament. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI\(2021\)653625_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/653625/EXPO_BRI(2021)653625_EN.pdf) (дата обращения: 11.06.2023)

15. Stiglitz J. E. The secret corporate takeover – May 13, 2015 – Project Syndicate. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-secret-corporate-takeover-by-joseph-e--stiglitz-2015-05?barrier=accesspaylog>. (дата обращения: 10.06.2023).

16. Submission of the European Union and its Member States to UNCITRAL

Working Group III, Establishing a standing mechanism for the settlement of international investment disputes. – 18 January 2019. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/multilateral-investment-court-project/relevant-documents_en (дата обращения: 11.06.2023).

17. The Economic Relationship Between the United States, Canada, and Mexico": Earl Anthony Wayne Testifies before the U.S. Senate Committee on Foreign Relationsю January 30, 2018. – URL: <http://uschnews.com/the-economic-relationship-between-the-united-states-canada-and-mexico-earl-anthony-wayne-testifies-before-the-u-s-senate-committee-on-foreign-relations/> (дата обращения: 11.06.2023).

18. UN, Economic and Social Council, Report of the Secretary-General on progress towards the Sustainable Development Goals. – 10 May 2018. – E/2018/64. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/secretary-general-sdg-report-2018-EN.pdf>. (дата обращения: 12.06.2023). (дата обращения: 10.06.2023).

19. UNCITRAL, (2017), Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS). – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/draft_clauses_on_mediation.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

20. UNCTAD, (2016), 'Investor-State Dispute Settlement: Review of Developments in 2015', IIA Issues Note. – No.1, New York // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcb2017d1_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

21. UNCTAD. (2015). World investment report 2015: Reforming international investment governance. UNCTAD // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2015_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

22. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2011). World investment report: Non-equity modes of international production and development. UNCTAD // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2011_en.pdf (дата обращения: 10.06.2023).